ВОСПОМИНАНІЯ.

А. Унновской.

Изданіе журнала
„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типографія Б. М. Вольфа.
Петроградъ, Вас. Остр., Волховской пер., 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Введеніе	1
Глава	I. Первыя воспоминанія	3
„	II. Съ бабушкой	8
„	III. Съ народомъ	18
„	IV. Послѣ крѣпостного права	27
„	V. Колдуны и управители.	34
„	VI. Церковнослужителя и прихожане . .	46
„	VII. Пожары	64
„	VIII. Будни	79
„	IX.	92
„	X. Три грохота въ одинъ смычекъ	100
„	XI. Охота	108
„	XII. Божьи дѣти	120
„	XIII. Мой отецъ.	127
„	XIV. Театръ.	137
„	XV. Домашнія представленія	149
„	XVI. Музыка	155
„	XVII. Рисованіе	161
„	XVIII. За границей и у насъ	166
„	XIX. Маленькій герой.	177
„	XX. Горе.	181
„	XXI. Осень	184
„	XXII. Двѣ дороги	190
„	XXIII. Сказочка	195

		Стр.
Глава	XXIV. Прежніе люди	198
„	XXV. Голосъ скрипки	205
„	XXVI. Любовь къ скрипкѣ	208
„	XXVII. Наша семья	214
„	XXVIII. Уроки скрипки	220
„	XXIX. Первое выступленіе	225
„	XXX. Необыкновенный пожаръ	231
„	XXXI. Знаменитыя скрипки	240
„	XXXII. „Гвозди“ музыкальныхъ вечеровъ	246
„	XXXIII. Профессоръ Ауэръ	254

ВОСПОМИНАНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ своемъ стремленіи къ самопознанію человѣкъ невольно возвращается путемъ воспоминаній къ своему прошлому, стараясь увидѣть и услышать въ немъ настоящіе цвѣтъ и звукъ основной ноты своего бытія.

Отыскивая эту ноту путемъ возврата къ главнымъ событіямъ своей жизни, или *къ гармоническимъ тонамъ натуральной гаммы своего бытія*, онъ совершаетъ работу мысленнаго проникновенія въ глубь своего существованія и, бросая взоръ на путь уже имъ пройденный, старается узнать свои задачи и найти свой путь въ будущемъ.

Если у него еще нѣтъ безпрерывной памяти прошлаго, которой уже обладаютъ нѣкоторые утончившіеся люди, человѣкъ не можетъ помнить событій своихъ прежнихъ воплощеній и, послѣ воспоминаній первыхъ проблесковъ сознанія въ дѣтствѣ своего настоящаго воплощенія, онъ те-

ряется въ темнотѣ забвенія; но, пытаясь отыскать себя, онъ вспоминаетъ разсказы людей, окружавшихъ его въ дѣтствѣ и изъ этихъ разсказовъ, въ связи съ первыми проблесками памяти, создаются первыя главы повѣсти жизни человѣка.

Внимательно перечитывая повѣсть своей жизни по книгѣ прошлаго, человѣкъ познаетъ, что Мудрый *я* сопровождавшій въ прошломъ своего меньшаго и менѣе разумнаго я, читая исторію его дѣяній на планѣ его жизни, обсуждаетъ ихъ на болѣе высокомъ планѣ оцѣнки этой жизни и зоветъ его работать на еще болѣе высокихъ планахъ все болѣе и болѣе совершенныхъ дѣлъ, чтобы достигнуть совершенства, и на его вершинѣ слиться съ Свѣтомъ Истины . . . Простирая руки къ небу, Святая Софія Премудрость Божья—Тео-Софія, Носительница Свѣта Истины [1]), призывая къ Нему съ этой вершины труждающееся и обремененное человѣчество, указываетъ людямъ путь къ совершенной свободѣ—совершенной внутренней гармоніи . . . И слыша этотъ призывъ, чуткія души, руководя своими малыми и неразумными я, поднимаются по узкой и тернистой тропѣ испытаній, самопознанія и самосовершенствованія, какъ рыцари и трубадуры со своими арфами на своихъ

[1]) На иконѣ кіевскаго Софійскаго собора *Святая Софія—Премудрость Божія* носитъ въ Своемъ сердцѣ Христа и съ вершины семиступенной лѣстницы простираетъ руки къ небу.

коняхъ, поощряя и укрощая ихъ. Девизъ, пароль и лозунгъ ихъ: *распознаваніе, безстрастіе, праведное поведеніе и любовь* . . . . . .

. . . . . .

Глава I.

Первыя воспоминанія.

Самыя первыя воспоминанія моего маленькаго я связаны съ бѣлымъ, синимъ и голубымъ цвѣтомъ и съ блескомъ золота . . . . . .

Вижу себя въ первый разъ крошечнымъ существомъ, ползающимъ на четверенькахъ на большомъ бѣломъ полѣ, окруженномъ темными пропастями; надъ ними въ полутьмѣ виденъ красноватый огонь, а бѣлое поле съ одной стороны ограждено стѣнкой, а съ другой—стѣною и въ этомъ мѣстѣ ярко блеститъ что-то золотое съ двумя блюдечками.

Маленькое существо, воображающее себя собачкой и думая, что на эти блюдечки нальютъ молока, прыгаетъ отъ радости; но, почему-то на блюдечки молока не наливаютъ и какія-то два большія, бѣлыя и, ласковыя существа, загораживая темныя пропасти отъ маленькаго, успокаиваютъ и укладываютъ его на бѣлое поле, покрывая его чѣмъ-то бѣлымъ; огонь меркнетъ, гаснетъ и больше ничего не видно.

Позднѣе я поняла, что бѣлое поле—большая бабушкина дубовая кровать, покрытая чистыми простынями, на которую вечеромъ она въ своемъ бѣломъ пеньюарѣ и нянюшка Наталія Васильевна въ бѣломъ фартукѣ, прежде чѣмъ перенести меня въ мою кроватку, укладывали меня спать; а блестящій предметъ съ двумя блюдечками—рукоятка старинной шпаги „за храбрость“ покойнаго дѣдушки, сверкавшая при огнѣ восковой свѣчи.

Эта шпага всегда стояла у изголовья бабушкиной кровати, потому что мы жили въ деревнѣ и бабушка очень боялась разбойниковъ.

Воспоминаніе о синемъ и голубомъ цвѣтѣ связано съ моими одеждами, такъ какъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ синяго, голубого и бѣлаго, до шестнадцати лѣтъ я не носила и это нѣсколько таинственное обстоятельство было связано съ тѣмъ, что я росла не у своихъ родителей, а у тетушки моей матери, ея воспитательницы, которую называла бабушкой съ тѣхъ поръ, какъ себя помню; и это случилось потому, что всѣ дѣти моихъ родителей до меня умирали и такъ какъ родители мои и бабушка хотѣли меня сохранить, можно думать, что они поступили, какъ иногда поступаютъ крестьяне въ деревнѣ: когда ягнята, телята, или жеребята одного хозяина приходятся ему „не ко двору“ и умираютъ,—онъ фиктивно продаетъ, или даритъ новый приплодъ хозяину другого двора и это средство иногда по-

могаетъ,—маленькія животныя остаются живы и хорошо растутъ.

Изъ бабушкиныхъ разсказовъ, я узнала, что когда 1-го Сентября 1857-го года я родилась у нея въ деревнѣ въ „розовой комнатѣ", моя мать, только что передъ этимъ потерявшая свою маленькую дочь, отдала меня бабушкѣ, сказавъ: «Дарю ее Вамъ, можетъ быть у Васъ она будетъ жива». И бабушка съ радостью приняла этотъ подарокъ, такъ, какъ тоже была въ горѣ, потерявъ мужа и единственную свою обожаемую дочку, Душеньку. Я осталась у бабушки, а мать моя уѣхала къ моему отцу, который былъ моряком̀ъ и служилъ въ Петербургѣ и, послѣ этого не только я осталась жива и хорошо росла въ деревнѣ, но были живы и двѣ мои младшія сестры, родившіяся въ Петербургѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ меня.

Одѣвала меня бабушка только въ синее, въ голубое и бѣлое говоря, что она не хочетъ пріучить меня любить наряды, но въ сущности она это дѣлала потому, что эти цвѣта были цвѣта Божьей Матери и она надѣялась, что они будутъ охранять меня и принесутъ мнѣ счастье. Эту тайну открыла мнѣ уже позднѣе одна изъ моихъ тетушекъ, добавивъ: „Tu as été vouée aux couleurs de la Sainte Vierge"... [1]).

---

[1]) Ты была посвящена цвѣтами Святой Дѣвы.

Бабушка и тетушки почти всегда говорили со мной по французски, по обычаю того времени, и это былъ первый языкъ который я выучила и на которомъ въ дѣтствѣ каждое утро и каждый вечеръ молилась Богу въ спальнѣ передъ большимъ желтымъ комодомъ, покрытымъ чистымъ бѣлымъ полотенцемъ и на которомъ стояли образа.

Въ комодѣ лежало чистое и душистое бѣлье, отъ котораго пахло свѣжестью рѣки и розами, такъ какъ бѣлье полоскали въ рѣчкѣ и въ него клали лепестки розъ.

Передъ образами вечеромъ горѣла лампада и ее заслоняла бѣлая алебастровая пластинка въ бронзовой рамкѣ и въ ней просвѣчивала чудесная картинка: „бѣгство въ Египетъ“; отъ этой картинки вѣяло чувствомъ безопасности и благополучія, съ которымъ бывало пріятно засыпать.

Когда я становилась на колѣни передъ комодомъ, чтобы молиться Богу, мнѣ были снизу видны двѣ большія иконы въ золотыхъ окладахъ и въ широкихъ золоченыхъ рамахъ, — „Спасъ Нерукотворный“ и „Донская Божья Матерь“, а также образъ бѣлокурой мадонны съ кудрявымъ маленькимъ Христомъ на рукахъ въ голубой рамѣ съ золотомъ; передъ иконами стояло небольшое бронзовое распятіе на пьедесталѣ, и распятіе и мадонна были подарены бабушкѣ ея родственницей—католичкой. Мадонна была одѣта въ го-

лубое платье съ синимъ покрываломъ, а маленькій Христосъ былъ въ бѣломъ.

Сложивъ ручки, онъ смотрѣлъ въ небо и былъ такъ хорошъ, что Его Мать, опустивъ глаза и улыбаясь, любовалась на Него и у Нея и у Него надъ головой горѣли по три желтенькихъ огонька трехугольной формы и лица ихъ были такъ нѣжны, что хотѣлось все время смотрѣть на нихъ, сложивъ руки какъ маленькій Христосъ.

Долго глядя на Него, я разъ увидѣла, что Онъ очень похожъ на маленькую нашу дворовую дѣвочку Дашку, бѣгавшую босикомъ около людской избы и это очень удивило меня.

Лицо „Спаса Нерукотворнаго“, обрамленное золотомъ и окруженное золотымъ сіяніемъ, было строго, но прекрасно и по Его глазамъ всегда можно было узнать хорошо или дурно ведешь себя; а темный ликъ „Донской Божьей Матери“ такъ таинственно смотрѣлъ изъ золотого оклада, изъ подъ золотого вѣнчика, что, глядя на него, я начинала креститься и, вспоминая что надо молиться Богу, говорила по-французски:

„Mon Dieu! Sauvez papa et maman et бабушка et faites que je sois sage!“...

Однажды вечеромъ, тщетно стараясь во время молитвы увидѣть Бога, я спросила бабушку, гдѣ Онъ?.. Лицо ея стало серьезно и она отвѣтила:

„Богъ всегда и вездѣ во всемъ и, хотя Его не

видно, но Онъ все видитъ, все слышитъ, и все знаетъ"...

„Значитъ Онъ и про меня все знаетъ", подумала я; „И если Онъ вездѣ,—я стою къ Нему и лицомъ и спиной, а бабушка говоритъ, что это очень невѣжливо, *c'est impoli*".

Эти мысли такъ смутили меня, что я не шевелилась и мнѣ казалось, что всѣ вещи въ комнатѣ измѣняются и все видно по-новому, и вмѣстѣ съ усиліемъ понять свое новое положеніе въ этомъ *новомъ*, мелькнуло сознаніе, что для Бога важно не положеніе, а расположеніе духа и поведеніе.

Не потому ли бабушка такъ часто повторяетъ: *„Tu dois tâcher d'être toujours de bonne humeur et sage"* [1]).

Глава II.

Съ бабушкой.

Хорошее и дурное настроеніе человѣка, какъ часто говаривали мнѣ въ дѣтствѣ, напоминаетъ хорошую и дурную погоду; но если вліяніе хорошаго настроенія можно сравнить съ вліяніемъ солнечнаго дня, дурное настроеніе нельзя сравнивать съ дождливымъ днемъ, потому что въ до-

[1]) Ты должна стараться всегда быть въ хорошемъ настроеніи и быть умной.

ждливомъ днѣ есть красота и польза, а въ дурномъ настроеніи нѣтъ никакой красоты и оно сушитъ сердце человѣка, какъ „сухая мгла", отъ которой вянутъ цвѣты и свертываются листья.

„Красота дождливой погоды подобна красотѣ скорби, ибо скорбь содѣйствуетъ росту человѣческой души".

Таковы были мысли, руководившія бабушкой, когда она говорила, что кончина ея дочки Душеньки, послѣ которой она сначала впала въ черную меланхолію, а потомъ долго скорбѣла, помогла ей укрѣпиться въ покорности и выковать свой твердый характеръ, то есть умѣнье во всемъ покоряться Волѣ Божьей и все переносить съ терпѣніемъ, чему, по ея мнѣнію, должны были учиться нетолько взрослые люди, но и дѣти, для того, чтобы идти по хорошей дорогѣ „la bonne route". Но, чтобы идти по этому пути, говорила она мнѣ, дѣти должны быть послушными, прилежными и правдивыми, такъ какъ непослушаніе, лѣнь и ложь ведутъ къ дурному пути, на которомъ встрѣчаются всѣ пороки.

Вѣроятно, благодаря этимъ стариннымъ правиламъ воспитанія, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы кто-нибудь бывалъ въ дурномъ настроеніи въ Красномъ у бабушки, или въ Ивановскомъ у моей Grand-maman, ея сестры, къ которой мы часто ѣздили и подолгу гостили въ большомъ домѣ съ колоннами и двухсвѣтной залой и гдѣ,

окруженная солнцемъ, музыкой и любовью, я бывала такъ счастлива.

Вспоминая Grand-maman, строгую, но всегда радушную старушку, вижу ее окруженную почтительными и веселыми дядюшками моими и мечтательными моими тетушками, сердечныя печали которыхъ такъ поэтично воспѣвались ими въ грустныхъ романсахъ, наполняя старинный домъ и садъ Ивановскаго настроеніемъ романтизма.

Такъ какъ воспитательницей ихъ была также бабушка, въ основѣ ихъ жизни лежали тѣ-же качества, съ которыхъ начиналась „la bonne route" по которой бабушкѣ хотѣлось вести и меня. Эти качества должны были помогать человѣку нетолько быть хорошимъ, но и „любезнымъ", что, по мнѣнію бабушки, было необходимо для каждаго воспитаннаго человѣка „pour chaque personne bien élevée", и, если къ тому же онъ былъ добръ, „L'Ange Gardien", Ангелъ Хранитель всегда сопровождалъ его, отворачиваясь и закрывая лицо свое только тогда, когда человѣкъ сбивался съ хорошаго пути.

Ангеловъ я видѣла въ дѣтствѣ въ Ивановской церкви. Они были большого роста съ золотыми крыльями и носили длинныя золотыя платья, но мой Ангелъ Хранитель былъ въ бѣломъ и, хотя я не видѣла его, но знала это навѣрное.

Въ Ивановской церкви четыре золотыхъ ангела съ копьями въ рукахъ окружали алтарь, поддер-

живая надъ нимъ золотой балдахинъ, а два другихъ ангела стояли у распятія надъ иконостасомъ, гдѣ вокругъ иконъ было видно много херувимовъ съ золотыми крылышками и пухленькими щечками.

Церковь въ Ивановскомъ была каменная, старая, вѣроятно конца семнадцатаго вѣка и такъ какъ она стояла очень близко отъ дома, за самой оградой сада, мы часто посѣщали ее по воскресеньямъ и праздникамъ, когда гостили въ Ивановскомъ.

Когда бабушка выучила меня молиться по-русски, она велѣла мнѣ передъ тѣмъ, какъ читать „Богородицу", поминать нетолько „papa", „maman" и ее, но и „Grand-maman" и также всѣхъ родныхъ моихъ и „всѣхъ православныхъ христіанъ", а потомъ помолиться и за себя.

Сначала я очень стѣснялась молиться по-русски и говорить Богу „ты", а не „Вы", какъ по-французски, но потомъ, почувствовавъ, что это меня не удаляетъ отъ Бога, а приближаетъ къ Нему, я перестала стѣсняться и, стоя на колѣняхъ передъ образами, выучилась увѣренно и быстро говорить вслухъ однимъ духомъ:

„Господи помилуй papa, maman, бабушку, „Grand-maman", дѣдушекъ, дядюшекъ, тетушекъ, братьевъ, сестеръ и всѣхъ православныхъ христіанъ".

Потомъ я переводила духъ и немного медлен-

нѣе говорила: „И меня младенца Александру“, стараясь понять значеніе слова „младенца“.

Узнавъ отъ бабушки, что на свѣтѣ есть еще и другіе люди, не православные и не христіане, и внутренно спросивъ себя можно ли за нихъ молиться, я рѣшила, что можно и добавляла, но уже про себя:

„Господи помилуй и всѣхъ людей“.

Но тогда возникалъ новый вопросъ: можно ли молиться и за животныхъ, напримѣръ, за лошадей, кошекъ, собакъ и птицъ и этотъ вопросъ особенно сталъ тревожить меня, когда я полюбила дворную собаку „Негро“.

Почему-то не рѣшаясь спросить объ этомъ бабушку, мнѣ случайно пришлось узнать отъ кого-то изъ прислугъ, что „только голуби живутъ въ царствѣ небесномъ, потому, что они „Духъ Святой“, а другихъ животныхъ, кромѣ кошекъ, даже въ церковь не пускаютъ“. И я не смѣла молиться за Негро, а только съ любовью вспоминала его во время молитвы.

„Читая „Богородицу“, со словами: «Благодатная Марія“ и „Яко Спаса родила еси душъ нашихъ“, по созвучію ихъ съ именами нашего лакея Марея и садовника Якова, я вспоминала ихъ и молилась за нихъ и также за Душеньку, бабушкину дочку, послѣ смерти которой она впала въ „черную меланхолію“ и смутныя мысли о смерти приходили въ голову.

Я хорошо понимала, что замѣняю бабушкѣ Душеньку, ея же „черная меланхолія“ была вещь совершенно мнѣ непонятная, заставлявшая меня внимательно разсматривать бабушку и видѣть, что у нея умное и серьезное лицо, сѣрые спокойные глаза, часто обращенные къ небу, и на щекѣ и около носа двѣ премилыя бородавочки, особенно нравившіяся мнѣ.

Лицо ея было обрамлено черными, гладко причесанными волосами и на ушахъ у нея были двѣ косы, свернутыя кругами и надъ ними черный тюлевый чепецъ съ лентами. Вечеромъ косы снимались и, съ воткнутыми въ нихъ желѣзными шпильками, лежали на туалетѣ около зеркала, а черный чепецъ замѣнялся бѣлымъ ночнымъ чепчикомъ.

Днемъ бабушка носила платья съ множествомъ оборокъ и широкими рукавами; изъ-подъ нихъ выглядывали бѣлыя рукавчики, въ формѣ пузырей, стянутыхъ у кистей рукъ, а лифа ея у ворота были обшиты бѣлыми батистовыми воротничками и спереди кончались остріемъ, которое называлось „шнипсомъ“. Отъ груди къ таліи бабушка была все тоньше и тоньше, а отъ таліи къ полу все шире и шире и напоминала бронзовый колокольчикъ, стоявшій у нея на письменномъ столѣ.

Она была очень хороша въ своихъ платьяхъ но была еще лучше вечеромъ, вся въ бѣломъ

когда было слышно, какъ ея крестики и образки на шеѣ звенятъ на золотой цѣпочкѣ. Этими образками, привезенными ей изъ разныхъ святыхъ мѣстъ ея богомольными родственницами, она благословляла меня каждый вечеръ и я цѣловала ихъ, а потомъ цѣловала ея мягкую и теплую, перекрестившую меня руку.

Обычай носить на шеѣ „на крестѣ“ образки изъ Іерусалима, Кіева, Воронежа, Сарова и разныхъ монастырей и святыхъ мѣстъ и благословлять ими дѣтей бабушка переняла отъ своей матери, моей прабабушки, про которую говорили, что она каждый вечеръ обходила всѣ комнаты въ домѣ и крестила всѣхъ своихъ спящихъ, даже уже взрослыхъ и пожилыхъ дѣтей, и про нее разсказывали, что однажды, по разсѣянности, забывъ, что въ комнатѣ ея сына, вмѣсто него спитъ землемѣръ, она вошла къ нему ночью и долго надъ нимъ шептала молитвы и благословляла его. Когда, въ смущеніи, землемѣръ, наконецъ, рѣшился сказать: „Авдотья Васильевна, это я-съ“, она сначала изумилась, а потомъ, замѣтивъ свою ошибку, разсмѣялась и, еще разъ перекрестивъ его, сказала:

„Ну, ничего, батюшка, да благословитъ тебя Господь—спи себѣ съ миромъ“.

Портретъ этой прабабушки висѣлъ у насъ въ спальнѣ и про нее всѣ говорили, что она была ангелъ, но только мнѣ было странно, что

ангелы носили такія высокія прически, и казалось, что на ангела гораздо больше похожа моя бабушка вечеромъ безъ прически.

Вечеромъ она была больше моя, чѣмъ днемъ, потому что днемъ она занималась мной и хозяйствомъ, а когда кончался день, отдавъ послѣднія распоряженія, она занималась только мной и тогда можно было ею вполнѣ спокойно наслаждаться, все ей разсказывать и, лежа въ кроваткѣ, про все спрашивать ее и на все получать отвѣты, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда вопросы бывали ужъ очень странны, тогда она говорила или:

„Ne dis pas de bêtises, ma chère“, или же „dors, ma chère“.

Послѣ этого надо было молчать; но, прежде чѣмъ заснуть, можно было на нее смотрѣть и видѣть, какъ бабушка сидитъ на диванѣ за столомъ и раскладываетъ пасіансъ и какъ двѣ свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, обтекая бѣлыми восковыми каплями, освѣщаютъ ея милое лицо и другія интересныя вещи на столѣ: чугунный прессъ-папье въ формѣ женской руки съ кольцомъ на пальцѣ и браслеткой и другой прессъ-папье—сѣрый мраморный, съ каменными ягодами, а рядомъ съ нимъ блестящій колокольчикъ, стальную линейку и нѣсколько гусиныхъ перьевъ, которыми иногда вмѣсто пасіанса бабушка по вечерамъ писала письма.

Какъ бывало хорошо подъ звуки шелковистаго

скрипѣнья этихъ перьевъ или подъ мягкое щелканье бабушкиныхъ картъ закрывать глаза и переходить въ міръ сновидѣній.

Чѣмъ чаще и внимательнѣе смотрѣла я по вечерамъ на бабушку, тѣмъ больше къ ней привязывалась, чувствуя, что она для меня *все*, самый главный человѣкъ на свѣтѣ и что безъ нея невозможно быть.

„Что случится со мной, если бабушка вдругъ куда-нибудь пропадетъ?“ —подумала я разъ, глядя на нее передъ тѣмъ, какъ заснуть и ужаснулась...

— Qu'as-tu, ma chère, что съ тобой?—спросила она, почувствовавъ мою тревогу.

— Бабуленька,—слезливымъ голосомъ заговорила я, — ты никуда не можешь пропасть?..

— Что ты говоришь, мой другъ, зачѣмъ я пропаду?.. Человѣкъ не можетъ пропасть, даже если умретъ.

— А что значитъ „умретъ“?

— „Умретъ“ — значитъ, тѣло человѣка перестанетъ жить, а душа его пойдетъ къ Богу.

— А что она тамъ будетъ дѣлать?

— Что будетъ дѣлать?—Если человѣкъ былъ добрый, она сдѣлается ангеломъ и будетъ служить Богу.

— Бабуля! А когда ты умрешь, ты будешь ангеломъ?

— Не знаю, другъ мой, надѣюсь.

— А я?

— И ты, если будешь добрая и умная.

— Бабуля! Я хочу съ тобо-о-ой!

— Хорошо, хорошо, спи другъ мой, dors ma chère...

Замѣтивъ, что бабушка избѣгаетъ разговоровъ о смерти, я замолчала, но продолжала на нее смотрѣть и думать:

„А вдругъ бабушка умретъ прежде меня и безъ меня уйдетъ къ Богу, что я тогда буду дѣлать?.. Положимъ, у меня про запасъ въ Петербургѣ есть „papa et maman“, но это все не то и все-таки безъ бабушки никакъ нельзя“.

И долго тревожныя мысли и разныя комбинаціи смѣнялись въ головѣ и, когда онѣ наконецъ утомили меня, я стала развлекаться окружающими меня предметами: бѣлымъ кисейнымъ пологомъ надъ моей кроваткой, въ складкахъ котораго кое-гдѣ притаились мухи, и странными узорами мягкаго шерстяного одѣяльца цвѣта „Chiné“, которое связала мнѣ „tante Sophie“; оно все было пропитано запахомъ свѣжаго сѣна, которымъ былъ набитъ мой тюфячекъ и благоухало; а въ изголовьи у меня былъ образъ и я знала, что когда я родилась, меня, по семейному обычаю, смѣрили тесемочкой и, сложивъ ее пополамъ, въ эту величину заказали образъ моей святой. Она была царица и ее звали также, какъ и меня, но только не Шурочной, а Александрой, какъ бабушку...

Успокоившись и устроившись какъ можно удобнѣе въ своей кроваткѣ подъ одѣяломъ, для чего надо было подтянуть колѣнки подъ самый подбородокъ, я взглянула на бабушку... И опять мысли о смерти и объ ангелахъ замелькали въ головѣ, но онѣ стали смѣшиваться съ мыслями о свѣчахъ и картахъ и бабушка стала расплываться въ туманѣ моей дремоты и отдѣляясь отъ стола, начала подниматься все выше и выше... потомъ въ комнатѣ все перемѣшалось и исчезло..

Глава III.

Съ народомъ.

Утро. Глаза съ трудомъ раскрываются навстрѣчу яркому солнечному свѣту; за окномъ слышны голоса птицъ; чириканье воробьевъ, воркованье голубей и смѣшные голоса галокъ, будто разговаривающихъ между собой на чердакѣ о чемъ-то очень забавномъ... Изъ лѣса доносятся крики иволги и красивый голосокъ горленки. Ему хорошо можно подражать, если проводить пальцемъ по зубьямъ черепаховой гребенки, которой мнѣ причесываютъ волосы.

Вспоминая объ этой интересной игрѣ, дѣлаю усиліе, чтобы совсѣмъ проснуться и открыть глаза и вижу, что бабушка уже причесана и, пригладивъ щеточкой свои блестящіе, точно лакомъ по-

крытые черные волосы, надѣваетъ коричневое клѣтчатое платье.

„Lève toi, ma chère“, — привѣтливо говоритъ она, увидѣвъ, что я проснулась и открываетъ окно...

Широкая струя свѣжаго воздуха, вмѣстѣ съ благоуханіемъ лѣса и радостью солнечнаго, лѣтняго дня, врывается въ „итальянское“ окно нашей спальни и въ первую минуту ошеломляетъ, а потомъ призываетъ скорѣе встать и бѣжать въ садъ. А въ это время, смѣняя вышедшую изъ комнаты бабушку, входитъ нянюшка Наталія Васильевна, неся бѣлую деревянную табуретку съ бѣлымъ фарфоровымъ тазомъ, мыльницей и кувшиномъ, покрытымъ чистымъ полотенцемъ.

Процессъ умыванья особенно пріятенъ, потому что имѣешь дѣло съ нѣжнымъ и душистымъ мыломъ, называемымъ „savon de tridace“. Когда кончается одинъ кусокъ, приносятъ новый; очень весело развертывать его зеленую бумажку съ изображеннымъ на ней ульемъ и роемъ пчелъ, летающимъ вокругъ него. И тоже бываетъ весело, намыливая этимъ мыломъ руки, дѣлать себѣ изъ его пѣны бѣлыя перчатки до самыхъ локтей и видѣть, какъ отъ нихъ отдѣляются радужные мыльные пузырики и летаютъ, а потомъ лопаются.

„Не шалите, барышня“, — говоритъ Наталія Васильевна. „Пора вамъ идти внизъ молоко кушать, бабушка васъ дожидаются“.

Думая о вкусномъ молокѣ съ чернымъ хлѣбомъ, спѣшишь умыться, одѣться и причесаться, чтобы, помолившись Богу, спуститься по наружной винтовой лѣстницѣ съ верхняго балкона на нижній.

Внизъ можно сойти и по внутренней витой лѣстницѣ, съ которой можно даже съѣхать, если бокомъ сѣсть на ея гладкія перила—это очень весело, но опасно и потому запрещено. По наружной лѣстницѣ также приказано спускаться осторожно и не бѣжать по ней, потому что она очень стара. Ея ступени обвиваются вокругъ стараго, толстаго деревяннаго столба, кончающагося кверху остріемъ и на это остріе надѣтъ большой деревянный шаръ. Мнѣ представляется, что этотъ столбъ зубъ великана и, что на него надѣтъ шаръ, чтобы онъ не кусался.

Крѣпко держась за перила и осторожно спускаясь по этой лѣстницѣ, въ хорошую погоду точно погружаешься въ море солнечнаго свѣта, тепла и благоуханія цвѣтовъ, поднимающагося изъ цвѣтника, окружающаго нашъ старый, одноэтажный деревянный домъ съ мезониномъ.

Этотъ домъ былъ невеликъ и стоялъ на горѣ въ лѣсу и его балконы выходили въ садъ, со стороны рѣки; а на другой сторонѣ дома было два крыльца: „лакейское“ и „дѣвичье“, соединенныя террассой, обвитой дикимъ виноградомъ. Передъ ней былъ очень большой дворъ съ березо-

вой рощей посрединѣ, называемой „кругомъ“, и кругъ былъ обсаженъ цвѣтами и кустами жасмина и шиповника; его огибала дорога и, раздѣляясь у конюшни, она уходила кверху черезъ ворота въ поле, а книзу, къ рѣкѣ на мостъ и оттуда опять поднималась въ гору, къ деревнѣ.

Около дома, въ лѣсу, „на глазахъ у бабушки“, были постройки: кухня, людская изба, конюшня, каретный сарай и погребъ; а противъ балкона былъ большой „партеръ“ съ клумбами и дорожками, кончавшійся липовой аллеей, спускающейся на лугъ, къ рѣкѣ. За рѣкой, на той сторонѣ также разстилался лугъ, окруженный лѣсомъ и на горѣ, но уже „за глазами у бабушки“ были хозяйственныя постройки: скотный и конный дворы, амбары, или, какъ называли ихъ „магазины“, и контора, въ которой жилъ бабушкинъ бурмистръ, Матвѣй Герасимовичъ, управлявшій ея имѣніемъ.

Трудно сказать, происходитъ ли слово „бурмистръ“ отъ „бургомистра“ или же отъ слова „Bauermeister“ — „хозяинъ крестьянъ“, но послѣднее въ данномъ случаѣ, пожалуй, вѣрнѣе, потому что Матвѣй Герасимовичъ строго держалъ въ рукахъ красновскихъ мужиковъ, расправляясь съ ними по своему въ конторѣ, гдѣ онъ жилъ. За этой конторой, у него „подъ рукой“ была рига, гдѣ молотили хлѣбъ, а немного дальше въ осиновой рощицѣ—гумно, куда мужики съ поля во-

зили хлѣбъ и складывали его въ красивые, высокіе скирды и тогда гумно, напоминая деревню съ высокими избами и узкими улицами было очень красиво. Недалеко отъ гумна была большая и глубокая круглая яма таинственнаго происхожденія, не то старый прудъ, изъ котораго ушла вода, не то какой-то провалъ, напоминающій огромную могилу; эту яму почему-то боялись, поговаривая, что она осталась отъ временъ чумы и старались засыпать ее старой соломой, но никакъ завалить ее не могли и она даже какъ будто все углублялась.

Если взглянуть на нашу усадьбу съ высоты „Мещеринской горы", она казалась густымъ лѣсомъ, стоящемъ на пригоркѣ, среди овраговъ и раздѣленномъ живописной узенькой рѣчкой; по ту сторону рѣки, рядомъ съ усадьбой была наша деревня Красное, „Тиличеевка — тожъ"; вдали виднѣлась другая деревня „Лопатинка, съ церковью и дальше село „Черкасское", а за нимъ голубые холмы, синія дали и лѣса по дорогѣ къ нашему уѣздному городу „Черни".

„Эта сторона" и „та сторона" нашей усадьбы составляли два царства. На „этой сторонѣ" было царство бабушки и въ немъ, кромѣ насъ, жили „наши люди": нянюшка, горничныя, лакеи, кучеръ, поваръ, черная кухарка—она же прачка, садовникъ и водовозъ—онъ же и ночной сторожъ. Всѣ они, каждый по своей спеціальности, под-

держивали порядокъ въ домѣ и въ саду и вѣдали породистыми курами, которыхъ бабушка очень любила, четверней сѣрыхъ, ея любимыхъ выѣздныхъ лошадей и моими любимцами—старой водовозной лошадью „Николаичемъ“ и черной собакой „Негро“.

На „той сторонѣ“, въ царствѣ Матвѣя Герасимовича съ табуномъ рабочихъ лошадей, стадомъ коровъ и овецъ и цѣпными собаками жили работники, конюха, скотники и двѣ черныя кухарки, вѣдавшія телятами и домашней птицей.

Несмотря на то, что на „этой сторонѣ“ среди нашихъ людей были родственники Матвѣя Герасимовича, все же между „этой барской стороной“ и „той рабочей стороной“, существовалъ антагонизмъ, выражавшійся нѣсколько высокомѣрнымъ отношеніемъ „людей“ къ „мужикамъ“, потому что „люди“ уже были не мужики и считали себя болѣе „великатными“ въ обращеніи съ господами и одѣты они были больше „подъ моду“; работали они каждый свою отдѣльную барскую работу, тогда какъ мужики работали всѣ вмѣстѣ міромъ въ полѣ, или на барщинѣ и одѣвались всѣ одинаково въ рубахи и кафтаны, а бабы въ синія паневы, расшитыя яркими лентами и блестками, тогда какъ модны были блѣдные цвѣта, которые носили господа.

Когда въ большіе праздники мужики и бабы изъ деревни толпой приходили къ намъ въ

усадьбу съ пѣснями и водили у насъ на дворѣ хороводы, ихъ у насъ поили виномъ въ „кругу“ и помню, какъ бывало кучеръ Ѳеодоръ, по приказанію бабушки наливалъ изъ боченка водку въ стаканчикъ и подносилъ его „народу“, сначала мужикамъ, а потомъ бабамъ; мужики набожно крестились передъ стаканчикомъ и выпивали его залпомъ а бабы сначала „манежились“ передъ Ѳеодоромъ и, отворачиваясь отъ него, закрывали ротъ платочкомъ, свернутымъ въ комокъ, изображая на лицѣ отвращеніе къ вину, потомъ, перекрестившись, отхлебывали глоточекъ изъ стаканчика, не забывая дать хлебнуть „винца“ и своимъ дѣтямъ.

Въ эти дни антагонизмъ „той“ и „этой“ стороны сглаживался и „люди“, не стѣсняясь своей деревенской родни, покровительственно бесѣдовали съ мужиками, а горничныя, снисходительно улыбаясь, водили хороводы съ бабами.

Съ народомъ мы встрѣчались еще и въ тѣ дни, когда, послѣ долгой засухи, мужики собирались всѣмъ міромъ молиться Богу о дождѣ. Оповѣстивъ насъ объ этомъ съ утра, они у насъ брали столъ, чистую скатерть и суповую миску, для святой воды и уносили ихъ въ поле на „Мещеринскую гору“, а кто-нибудь изъ нашихъ людей караулилъ подъ горой „крестный ходъ“.

Завидя издали хоругви, этотъ человѣкъ бѣжалъ домой и съ волненіемъ, впопотомъ говорилъ на-

шему старшему лакею: „Крестный ходъ идетъ“, и лакей шелъ къ бабушкѣ и спокойно докладывалъ ей:

„Сударыня, крестный ходъ идетъ-съ“.

Тогда бабушка приказывала подать себѣ шелковую мантилью и зонтикъ, а мнѣ соломенную шляпу и, сказавъ мнѣ: „allons, ma chère“, брала меня за руку и мы отправлялись пѣшкомъ къ нижней дорогѣ. За нами въ отдаленіи шли люди и, высунувъ языкъ, догоняя насъ бѣжалъ Негро, тоже желавшій насъ сопровождать; но его такъ строго и настойчиво прогоняли, что, сдѣлавъ нѣсколько напрасныхъ попытокъ прилечь къ землѣ, чтобы стать невидимымъ, онъ, наконецъ, поджималъ хвостъ и, огорченный обидными словами: „пошелъ вонъ, пошелъ вонъ!“ поворачивалъ назадъ и уныло возвращался домой. А мы, перейдя оврагъ, поднимались на гору, гдѣ насъ ждали крестьяне съ иконами и батюшка, пріѣхавшій съ причтомъ на телѣгѣ.

Благословивъ насъ и сказавъ бабушкѣ нѣсколько пріятныхъ словъ, отецъ Алексѣй облачался въ старенькую ризу и начиналъ служить молебенъ съ водосвятіемъ.

Кадильный дымъ разстилался по полю, а дьячки,—одинъ старенькій съ сѣдой косичкой, а другой молодой, кудрявый,—пѣли „Богъ Господь явися намъ“ и „Спаси Господи люди Твоя“ и всѣ усердно молились, крестились и клали земные

поклоны, касаясь лбомъ пыльной, потрескавшейся отъ засухи земли.

Часто бывало, что въ это время на небѣ собирались тучки и, когда священникъ съ молитвой окуналъ старинный серебряный крестъ въ миску съ водой, вокругъ которой горѣли четыре тоненькія восковыя свѣчки, съ неба брызгалъ дождикъ, укрѣпляя въ сердцахъ молящихся вѣру въ силу молитвы.

По окончаніи молебна мы съ бабушкой входили въ кругъ крестьянъ, стоявшихъ съ хоругвями и образами кругомъ стола, и прикладывались къ кресту, который держалъ батюшка; онъ кропилъ насъ святой водой, обмакивая березовую вѣточку въ миску и мы шли прикладываться къ образамъ.

Какъ сейчасъ вижу задумчивые темные лики Богоматери и святыхъ на иконахъ, вынесенныхъ народомъ изъ таинственнаго полумрака церкви, въ поле на просторъ и рядомъ съ ними вижу серьезныя лица мужиковъ и бабъ и ихъ грубыя, но чистыя, закорузлыя отъ работы руки, держащія на грубыхъ, но чистыхъ холстахъ большіе и тяжелые образа въ старинныхъ, сверкающихъ на солнцѣ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. И помню, какъ чувство уваженія къ Святынѣ и благоговѣнія передъ Невидимымъ, но Вездѣсущимъ и Всемогущимъ охватывало душу...

Не тогда ли пробудилось къ жизни въ дѣт

скомъ сердцѣ моемъ зерно любви и уваженія къ народу и чувство умиленія передъ его вѣрой, въ которой была и его сила.

Глава IV.

Послѣ крѣпостного права.

Наше общеніе съ деревенскимъ народомъ не всегда было связано съ праздниками, или съ богомольемъ, но, вспоминая дѣтство, припоминаю, что крестьяне собирались у насъ на дворѣ и весной, чтобы привѣтствовать насъ съ пріѣздомъ и въ Троицынъ день, чтобы потомъ идти на нашъ лугъ „завивать вѣнки“. Бабы тогда приносили намъ яицъ, куръ и расшитыя полотенца, и ихъ отдаривали деньгами и поили виномъ.

Смутно помню крестьянскія сходки довольно безпокойнаго характера во время выкупа и раздѣла земли, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Бабушка разсказывала, что наши мужики въ это время очень волновались, потому что хотѣли получить лучшую землю, прелигавшую къ деревнѣ, на что она не могла согласиться, такъ какъ ей оставалась одна плохая земля.

Долго судили и рядили съ помощью мирового посредника, нѣкоторыхъ моихъ дядюшекъ и бабушкинаго духовника, отца Алексѣя, но къ согла-

шенію придти никакъ не удавалось, благодаря необыкновенному упорству мужиковъ.

Бабушкѣ пришлось „поступить по закону“: воспользовавшись правомъ помѣщиковъ, въ случаѣ полнаго несогласія крестьянъ, раздѣлить землю по своему усмотрѣнію; но, желая быть мудрой и справедливой, какъ царь Соломонъ, умомъ котораго бабушка всегда восхищалась, она взяла планъ и раздѣлила землю пополамъ, но не поперекъ, а вдоль; и ей и мужикамъ досталось по узкой, длинной полосѣ земли одинаковаго качества, растянутой на пять верстъ по обѣ стороны рѣки.

Этотъ раздѣлъ на многіе и многіе года осложнилъ жизнь красновскихъ крестьянъ и помѣщиковъ, но онъ же явился поводомъ нашего сближенія съ крестьянами, когда я выросла и вышла замужъ, такъ какъ намъ приходилось ѣздить въ поле и возить нашъ хлѣбъ черезъ деревню и поневолѣ знакомиться съ бытомъ и характеромъ мужиковъ; а мужики во время полевыхъ работъ и возки своего хлѣба черезъ нашу усадьбу постоянно заходили къ намъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ и ближе узнавали насъ.

Во время раздѣла, мужики, недовольные бабушкинымъ раздѣломъ подавали на нее жалобы, но безуспѣшно, и наконецъ рѣшили подать на нее прошеніе самому Государю, для чего послали выборныхъ ждать его проѣзда въ Тулу.

„Что такое?—строго, но милостиво спросилъ Государь, когда они бросились ему въ ноги и, узнавъ, что дѣло касается земли, онъ сказалъ:

„Разсмотрѣть".

Дѣло разсмотрѣли, но, такъ какъ все было по закону, ничего не измѣнилось.

Но мужики не повѣрили, чтобы Государь могъ не уважить ихъ просьбы и заподозрили „господъ" въ обманѣ; съ тѣхъ поръ у нихъ появилась упорная мысль, что помѣщики владѣютъ землею незаконно и, что когда-нибудь земля будетъ мужицкая и достанется имъ даромъ.

Съ годами эта мысль укрѣплялась въ тайное убѣжденіе, которое лѣтъ двадцать пять спустя, когда уже послѣ бабушкиной кончины мы съ мужемъ хозяйничали въ Красномъ, намъ, по дружбѣ повѣдалъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ деревенскихъ „стариковъ" Иванъ Ивановичъ Толкупокъ, довѣрявшій намъ „за нашу простоту".

Иванъ Ивановичъ, отецъ и дѣдъ многочисленнаго семейства дѣльныхъ и работящихъ крестьянъ, былъ мужикъ честный, богобоязненный и трезвый, напивавшійся „ради обычая" только въ самые большіе праздники и въ „престолъ Ивана Крестителя", у своей родни въ сосѣднемъ селѣ Лопатинкѣ.

Будучи уже взрослой и однажды подъ вечеръ, возвращаясь въ этотъ день пѣшкомъ изъ Лопа-

тинки, отъ моей знакомой помѣщицы, мнѣ вдругъ послышалось, что дорога поетъ; остановившись въ изумленіи, я стала прислушиваться.

„Господи, Господи!“ пѣла дорога басомъ.

„Какъ Ты хорошъ! Благодарю Тебя Господи Все-то у Тебя хорошо, и небо, и земля, и все“.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію голоса, я увидѣла въ глубокой колеѣ пьянаго Ивана Ивановича, славящаго Бога.

„Иванъ Ивановичъ, что съ тобой?—съ удивленіемъ спросила я.

„Ничего, матушка, ничего.. Лежу въ пыли земной и прославляю Господа на небесахъ; а ты иди съ Богомъ своей дорогой“... и, обративъ свое лицо къ небу, Иванъ Ивановичъ продолжалъ пѣть

„Господи, какъ Ты хорошъ, все-то, все-то у Тебя хорошо!..

Мужъ мой очень уважалъ Ивана Ивановича и любилъ поговорить съ нимъ о хозяйствѣ, когда онъ приходилъ къ намъ потолковать о своихъ „дѣлишкахъ“ и какъ-то разъ онъ пожаловался ему, что я не умѣю хозяйничать.

„Ты не обижай ее, Миколай Владимiровичъ“,—строго отвѣтилъ Толкунокъ.

„Вѣдь она наша, мы въ обиду ее не дадимъ, помню ее еще совсѣмъ махонькой дѣвочкой,—показалъ онъ рукой на аршинъ отъ земли,—когда она своей дѣтской ручкой судьбу мою рѣшила“.

И онъ разсказалъ намъ случай, о которомъ я часто слышала въ дѣтствѣ, но сама рѣшительно ничего не помню, хотя и принимала въ немъ участіе.

„Провинился я какъ-то передъ барыней своей Александрой Павловной и бурмистромъ Матвѣемъ Герасимовичемъ“, началъ Иванъ Ивановичъ.

„Вотъ значитъ и велѣла меня барыня отдать въ солдаты, потому время тогда еще крѣпостное было и во всемъ воля господская была“...

„Собрали, значитъ весь народъ на дворѣ, у самаго этого круга, гдѣ мы теперь стоимъ, только березки-то тогда пониже ростомъ были. И собрали народъ-то, чтобы приговоръ мнѣ при всемъ мірѣ объявить“...

„Стою я тутъ, ни живъ, ни мертвъ, а барыня въ креслѣ посреди двора сидитъ и подлѣ нея бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ стоитъ; а кругомъ мужики, бабы и ребятишки, и жена моя тутъ тоже съ дѣтьми,—заливается-то, заливается она слезами—плачетъ, значитъ“.

„И то сказать, легко ли?—Солдатчина-то тогда двадцать пять лѣтъ была“...

„Вотъ, значитъ, барыню-то, видать по ея лицу сумленіе-то и беретъ: видитъ она, молъ, дѣти, значитъ, остаются... да и внучка то ея, такая же махонькая дѣвочка, тутъ тоже возлѣ нея стоитъ и лопочетъ:“

„Бабушка, бабушка!“

„И задумалась барыня“...

„Ну, говоритъ, Иванъ,—хорошо“.

„Пусть это невинное дитя судьбу твою рѣшаетъ“.

„И приказала барыня подать себѣ бумаги листъ и двѣ записочки тутъ же и написала: одну, значитъ—„простить“, а другую—„осудить“.

„И повела она внучку свою за ручку въ хоромы—„пусть она тамъ“, говоритъ, „записочку изъ кивота, какую нужно вынетъ“; (записочки-то барыня, значитъ въ кивотъ съ образами положить вздумала — пускай, молъ, Богъ рѣшаетъ это дѣло)“.

„Вотъ тутъ-то, жена твоя, Миколай Владиміровичъ, своей махонькой ручкой тогда и потянула записочку, на которой написано было „простить“...

Иванъ Ивановичъ умолкъ и мы не стали разспрашивать его, за что именно хотѣли отдать его въ солдаты, такъ какъ узнали въ его разсказѣ ту самую исторію, которую я слышала отъ бабушки, не подозрѣвая, что героемъ ея былъ именно этотъ самый почтенный старикъ Иванъ Ивановичъ Толкунокъ.

Мнѣ было радостно думать, что онъ тогда былъ спасенъ при моей безсознательной помощи и я вспомнила, какъ объ этомъ случаѣ разсказывала бабушка:

„Былъ у насъ въ Красномъ одинъ мужикъ,

которому не нравилась власть Матвѣя Герасимовича; желая отъ него избавиться и избавить отъ него весь народъ, мужикъ этотъ пошелъ за совѣтомъ къ колдуну Кудину, жившему у насъ въ Красномъ и колдунъ далъ ему „наговорные порошки", чтобы какъ-нибудь дать ихъ выпить барынѣ, послѣ чего, сказалъ колдунъ, она перестанетъ вѣрить бурмистру и его прогонитъ.

Порошки-то мужикъ отъ колдуна добылъ, а всыпать ихъ бабушкѣ въ супъ, или въ чай было не такъ легко.

Тутъ оказалось, что нашъ лакей Илья приходится сродни этому мужику и онъ позвалъ Илью къ себѣ и порошки ему передалъ, объяснивъ ему ихъ магическое дѣйствіе.

Но Илья, будучи очень преданъ бабушкѣ, обо всемъ этомъ ей доложилъ и порошки ей передалъ изъ рукъ въ руки.

Бабушка ужаснулась, предполагая, что ее хотѣли отравить и, восхитившись благородствомъ Ильи, приказала ему вмѣстѣ съ Матвѣемъ Герасимовичемъ это дѣло разобрать, а порошки послать въ Тулу, въ аптеку, для изслѣдованія.

Мужика судили домашнимъ судомъ и за покушеніе на барыню, рѣшено было отдать его въ солдаты, а для поучительности, произнести ему приговоръ въ усадьбѣ при всемъ народѣ.

Собрали мужиковъ и бабъ, пришла и жена его съ дѣтьми и, плача упала бабушкѣ въ ноги...

Такъ какъ въ дѣтствѣ я всюду бѣгала за бабушкой, какъ маленькая собачка, то была съ нею и все это видѣла и, не знаю почему, такъ какъ ничего этого не помню, сказала ей:

— Бабушка! Pardonne le pauvre paysan [1]).

Бабушка очень удивилась моимъ словамъ, потому что мнѣ тогда было не больше трехъ лѣтъ и была этимъ такъ растрогана, что мужика ради меня простила. О записочкахъ же, якобы положенныхъ ею въ кіотъ съ образами, она ничего не разсказывала, а только говорила, что наговорные порошки, по изслѣдованію аптеки, оказались простой повареной солью.

Казалось бы страннымъ, что одного мужика судили, а Кудина, такого же крѣпостного, оставили въ покоѣ.

Но въ томъ-то и дѣло, что онъ былъ колдунъ и всѣ его боялись, а на деревнѣ онъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ самъ бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ, который, надо думать, посовѣтовалъ бабушкѣ Кудина лучше ужъ не трогать.

Глава V.

Колдуны и управители.

Колдуна Кудина мнѣ приходилось рѣдко видѣть, потому что у насъ избѣгали имѣть съ нимъ

---

[1]) Бабушка, прости бѣднаго мужика.

дѣло, но отлично помню его высокую фигуру и сѣдую голову съ мохнатой бородой и бровями, нависшими надъ маленькими острыми глазами.

Когда у насъ говорили о немъ, невольно переводили разговоръ на другихъ колдуновъ и вѣдьмъ и разсказывали о порчѣ, о кликушествѣ и о томъ, какъ бѣсноватыя бабы кричатъ звѣриными голосами въ церкви, во время Херувимской, и какъ ихъ корчитъ, когда надо прикладываться къ кресту.

Разсказывали и о томъ, что колдуны превращаютъ людей въ животныхъ и „завязываютъ куклы въ полѣ“, чтобы навлечь несчастье на его хозяина. а что вѣдьмы „вынимаютъ спорынью“ изо ржи, чтобы изъ нея приготовлять наговорное зелье и также разсказывали, какъ онѣ, простоволосыя, въ однѣхъ сорочкахъ, стуча въ косы и сковороды, съ заклинаніями „опахиваютъ чуму“, обходя ночью деревни и поля.

Не дай Богъ тогда попасться имъ навстрѣчу— забьютъ до смерти прохожаго, принявъ его за „чуму“.

Мнѣ пришлось позднѣе убѣдиться, что эти разсказы не были лишены нѣкотораго основанія: кликушъ я сама слышала въ церкви и также помню, какъ однажды скотникъ нашъ, зачѣмъ-то отправившійся подъ вечеръ въ поле, тамъ увидѣлъ вѣдьму и вернувшись съ блѣднымъ, измѣнившимся лицомъ, тутъ же слегъ.

Три дня онъ ничего не ѣлъ и молчалъ, а на четвертый потребовалъ священника.

Батюшка, которому сказали, что скотникъ нашъ умираетъ, тотчасъ же къ нему пріѣхалъ и отъ него узналъ тайну, которую сообщилъ намъ за чаемъ—вѣдьма въ полѣ передъ скотникомъ на четверенькахъ переползла дорогу и скрылась во ржи...

Этого страшнаго зрѣлища онъ вынести не могъ, чуть не умеръ и долго потомъ „хворалъ животомъ", считаясь испорченнымъ.

Картину „Опахиваніе чумы" художника Мясоѣдова мнѣ пришлось видѣть на выставкѣ и она вполнѣ вѣрно передавала подробности страшныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ; а „куколъ",—пучекъ ржаныхъ колосьевъ на корню хитро переплетенныхъ и связанныхъ между собой замысловатымъ узломъ, я видѣла въ полѣ.

Развязывать этотъ узелъ считалось смертельно опаснымъ и, увидя такую „куклу" на своей дѣлянкѣ, мужикъ приходилъ въ ужасъ.

Подозрѣвая злой умыселъ какого-нибудь своего недоброжелательнаго сосѣда, онъ шелъ къ колдуну просить его завязать этому сосѣду въ полѣ такую же куклу, а потомъ ѣхалъ къ „батюшкѣ" съ просьбой развязать куклу на своемъ полѣ, потому что только батюшка съ молитвой могъ это сдѣлать вполнѣ безопасно для себя.

Эти куклы дѣйствительно производили не-

пріятное впечатлѣніе, какъ бы предвѣщая бѣду своей таинственной неподвижностью среди колышащейся ржи.

Много, много вреда, по мнѣнію народа, могли сдѣлать колдуны, являясь къ кому-нибудь въ гости, или на свадьбу, если ихъ тамъ недовольно хорошо принимали и угощали.

Они могли не только кого угодно испортить, но и обратить во что угодно, напримѣръ, мужика въ волка, или въ собаку, а бабу въ овцу, или свинью.

Мудрено ли, что бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ боялся Кудина?—Какая же ему, въ самомъ дѣлѣ, была охота сдѣлаться волкомъ, или бѣгать и лаять собакой, лишаясь почетнаго званія бабушкина министра.

Она такъ и называла его „министромъ“ и онъ своей статностью, своимъ обхожденіемъ и величавымъ спокойствіемъ пожалуй и заслуживалъ это названіе.

Помню, какъ онъ являлся вечеромъ съ докладомъ къ своей барынѣ, и приходилъ „съ той стороны“ съ желѣзной палочкой, въ длинномъ суконномъ кафтанѣ и ждалъ на дворѣ.

Въ это время намъ подавали самоваръ и бабушка говорила:

— Позвать Матвѣя.

Онъ входилъ въ комнату и почтительно становился у двери, а бабушка, наливъ себѣ чаю

въ золоченую чашечку, а мнѣ молока въ кружку, и сказавъ „ну Матвѣй, подойди сюда", наливала и ему чаю въ огромную, высокую чашку съ цвѣтами, называемую „la tasse de Матвѣй Герасимовичъ".

Этихъ чашекъ онъ выпивалъ три или четыре, смотря по продолжительности своего доклада и пилъ чай стоя, въ прикуску, наливая его на блюдечко, которое держалъ на „пятернѣ" лѣвой руки; правой же рукой онъ двумя пальцами бралъ кусочекъ сахара, оставляя остальные пальцы свободными, для поясненія жестами нѣкоторыхъ подробностей своего доклада.

Такъ какъ въ это время все вниманіе бабушки было обращено на Матвѣя Герасимовича, а не на меня, я потихоньку вставала изъ-за стола и, уйдя въ уголъ комнаты, садилась на полъ и что-нибудь тамъ вырѣзывала ножницами изъ бумаги, наблюдая бабушку и Матвѣя Герасимовича.

Бабушкино лицо бывало серьезно и выражало готовность твердо принять и вынести всѣ удары судьбы, посылаемые ей въ Красновскомъ хозяйствѣ; а по лицу Матвѣя Герасимовича было видно, что, если онъ захочетъ, онъ можетъ бабушку спасти и всѣ эти удары предотвратить, поэтому онъ сначала сообщалъ ей непріятности и бабушкино лицо омрачалось; тогда, хитро улыбаясь, онъ разсказывалъ какъ все умно и ловко устроилъ.

— А-а!—говорила бабушка и выраженіе ея лица

мѣнялось, невольно отражая хитрую улыбку Матвѣя Герасимовича.

Долго тянулся докладъ, сначала объ урожаѣ, потомъ о продажѣ хлѣба, при чемъ съ почтеніемъ упоминалось имя богатаго купца Головина; затѣмъ говорилось объ обработкѣ земли и о мужикахъ и оказывалось, что всѣ они плохіе людишки, одинъ хуже другого, кромѣ нѣкоторыхъ мужиковъ изъ родни Матвѣя Герасимовича. Подъ конецъ рѣшалась участь лошадей, коровъ и людей, судьба которыхъ была связана съ судьбою Краснаго.

Когда мнѣ надоѣдало слушать всѣ эти разговоры, я потихоньку вставала и бѣгала по комнатѣ на цыпочкахъ позади Матвѣя Герасимовича, продолжая наблюдать.

Допивъ свой чай, онъ опрокидывалъ чашку на блюдце и, почтительно поставивъ ее на край стола, клалъ на ея донышко обгрызокъ сахара, что было верхомъ утонченныхъ манеръ; потомъ онъ закладывалъ обѣ руки за спину ладонями вверхъ и ждалъ когда бабушка скажетъ: „Ну, ступай, Матвѣй".

А я тихонечко подходила къ нему сзади и совала ему въ руку кусочекъ бумажки, дѣлая это не потому, чтобы онъ мнѣ нравился, а потому, что мнѣ не нравился его тонъ и какое-то болѣзненное чувство заставляло меня шалить и съ нимъ заигрывать.

Снисходительно обернувшись и щурясь, Мат-

вѣй Герасимовичъ принужденно улыбался мнѣ, а бабушка строго говорила:

— Ne fais pas de bêtises, ma chére [1]).

И тогда у меня въ головѣ зарождался планъ въ другой разъ мелко нарѣзать бумажекъ и непремѣнно всыпать ихъ Матвѣю Герасимовичу въ чашку.

Докладъ кончался записью приходовъ и расходовъ по „биркамъ",—длиннымъ осиновымъ палочкамъ, на которыхъ Матвѣй Герасимовичъ ножичкомъ вырѣзалъ символическіе знаки, такъ какъ былъ безграмотенъ и конторскихъ книгъ не велъ, замѣняя ихъ необыкновенной памятью и бабушка, съ его словъ, дѣлала записи въ маленькія книжечки, которыхъ у нея набиралось множество.

Выучившись читать, я однажды съ удивленіемъ прочла въ одной изъ этихъ книжекъ, сохранившейся еще отъ крѣпостного права, что такому-то проданъ вороной жеребецъ за сто рублей и вдова за пятьдесятъ...

Матвѣй Герасимовичъ такъ долго служилъ бабушкѣ и во время крѣпостного права и послѣ, что она рѣшила его наградить при своей жизни и однажды за чаемъ сказала ему:

— Ну, Матвѣй, за твою вѣрную службу, дарю

[1]) „Не дѣлай глупостей моя милая".

тебѣ двѣнадцать десятинъ земли, выбери ихъ въ полѣ, гдѣ хочешь.

Каково-же было ея удивленіе, когда онъ выбралъ, хорошо бы еще лучшую землю, но землю съ лугомъ, примыкавшемъ къ рѣкѣ и составлявшемъ часть сада...

Но вѣрная своему барскому слову и, несмотря на то, что „Матвѣй сѣлъ ей на голову", бабушка „изъ деликатности" ничего не сказала ему и, скрѣпя сердце, подписала дарственную.

Тогда Матвѣй Герасимовичъ, придя вечеромъ къ чаю и отказавшись отъ него, заложилъ руки за спину и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно дѣлалъ доклады, заявилъ:

— Ну-съ, сударыня, теперь ужъ я не намѣренъ на прежнихъ условіяхъ у васъ служить, какія будутъ-съ наши новыя условія-съ?

— Ахъ ты неблагодарный! — воскликнула бабушка.—Уйди отъ меня прочь и чтобы нога твоя здѣсь больше не была!

И Матвѣй Герасимовичъ, спокойно повернувъ бабушкѣ спину, вышелъ изъ комнаты, а на другой день поѣхалъ въ Тулу окончательно закрѣплять за собой свою новую землю.

Вмѣсто него тотчасъ же былъ назначенъ Илья, спасшій бабушку отъ наговорной соли.

Илья былъ грамотенъ и съ увлеченіемъ читалъ библію, что указывало на вѣроятность его честности, но, на всякій случай къ нему былъ

приставленъ, якобы въ помощь, въ сущности же для контроля, молодой мужикъ изъ работниковъ—Петръ.

Съ тѣхъ поръ къ вечернему докладу, вмѣсто одного Матвѣя Герасимовича, являлись двое—маленькій и некрасивый Илья, ставшій, въ глазахъ людей, Ильей Дмитріевичемъ и высокій, красивый Петръ, сдѣлавшійся Петромъ Павловичемъ. Но они приходили уже послѣ чая и, стоя у самой двери, докладывали барынѣ сначала самое пріятное, желая заслужить ея расположеніе и оставляли непріятности подъ самый конецъ, стараясь сообщить ихъ какъ-нибудь вскользь.

— Все у насъ слава Богу-съ благополучно-съ,—повторяли Илья и Петръ во время доклада и, перебивая другъ друга, давали свѣдѣнія, по которымъ, въ сущности, трудно было рѣшить, все-ли на самомъ дѣлѣ въ хозяйствѣ благополучно, такъ что выраженіе лица бабушки, не знавшей, надо-ли ей радоваться, или безпокоиться, бывало выжидательное и неопредѣленное.

— А вчерась гнѣдой у насъ заболѣлъ чемеромъ,—точно что-то радостное сообщалъ ей подъ конецъ Петръ, улыбаясь и оскаливая бѣлые зубы.

— И еще два теленочка-съ на зеленяхъ обкушались и ихъ очинно раздуло-съ,—добавлялъ съ готовностью Илья.

— Ну и что же?—строго спрашивала бабушка.

— По милости Божьей-съ, околѣли-съ,—почти-

тельно объявлялъ Илья, выражая жалость на лицѣ и вздыхая.

— Всѣ!?

— Всѣ-съ, — отвѣчали два голоса—теноръ и высокій баритонъ.

Петръ Павловъ, оставаясь жить на „той сторонѣ", сдѣлался старостой, а Илья, считаясь приказчикомъ, продолжалъ служить „на этой сторонѣ" въ домѣ.

— Сударыня! - таинственно сказалъ онъ, подавая супъ нѣсколько времени спустя послѣ ухода Матвѣя Герасимовича: — А вѣдь Матвѣя Герасимовича-то лошади очинно сильно разбили-съ, какъ они изъ Тулы домой ѣхали-съ, такъ что они даже при смерти-съ.

— Что ты говоришь?!—воскликнула бабушка и глубоко задумалась.

Думала-ли она о томъ, что Матвѣя Герасимовича Богъ наказалъ, жалѣла-ли она его, но больше она о немъ ни слова не спросила...

Прошло нѣсколько дней и Матвѣй Герасимовичъ прислалъ сказать, что онъ умираетъ и слезно проситъ ее простить его.

Бабушка рѣшила сама тотчасъ отправиться къ нему и велѣла ему объ этомъ сообщить.

Хотя деревня наша была отъ насъ близехонько, за рѣкой на горѣ, но она приказала заложить коляску и сказала мнѣ, что возьметъ меня съ собой.

Помню какъ мы подъѣхали къ крытой желѣ-

зомъ новой избѣ Матвѣя Герасимовича и какъ народъ толпился возлѣ нея, ожидая насъ.

Когда мы вошли въ свѣтлую горницу, вся семья была въ сборѣ. Матвѣй Герасимовичъ лежалъ на лавкѣ подъ образами и не могъ встать, когда бабушка подошла къ нему.

Она протянула ему руку и онъ, поцѣловавъ ее, заплакалъ, а говорить уже не могъ и только стоналъ.

— Ну Богъ тебя проститъ, Матвѣй, а я на тебя не гнѣваюсь, — ласково сказала бабушка и, прослезившись, приложила платокъ къ глазамъ...

На другой день Матвѣй Герасимовичъ умеръ и, когда его понесли хоронить, мы съ бабушкой и со всѣми людьми спустились съ горы, чтобы его встрѣтить у нижнихъ воротъ.

Мужики, несшіе досчатый гробъ, остановились противъ насъ и Матвѣй Герасимовичъ, покрытый съ головой бѣлымъ холстомъ, постоявъ нѣсколько минутъ возлѣ той самой дороги, по которой столько лѣтъ подрядъ ходилъ къ бабушкѣ съ докладомъ, двинулся въ путь на мещеринскую гору, по дорогѣ къ кладбищу.

Усердно крестясь, мы провожали его глазами, пока онъ не скрылся изъ виду...

— Царство ему небесное, — сказала бабушка глубоко вздохнувъ.

— Царство небесное, вѣчный покой! — повто-

рили за ней люди, вздыхая. . . . . .

. . . . . .

Двѣнадцать десятинъ земли съ лугомъ, на берегу рѣки достались Василію, сыну Матвѣя Герасимовича, трезвому и смирному мужику; но вдругъ онъ запилъ.

Какъ-то разъ въ праздникъ, когда Василій былъ очень пьянъ, къ нему въ домъ вошелъ Кудинъ.

— Что тебѣ здѣсь нужно, колдунъ негодный?— сердито крикнулъ на него Василій и въ эту же минуту страшно закричалъ спавшій въ люлькѣ его маленькій сынъ.

— А-а-а! ребенка испортилъ!—въ изступленіи кинулся на колдуна Василій и давай его бить и топтать ногами.

Кудинъ черезъ день умеръ, а Василія судили и посадили въ острогъ...

Несчастная земля опять осталась безъ хозяина и долго пустовала, заростая деревьями.

На берегу рѣки изъ кольевъ поднялись высокія ракиты, а на лугу самосѣвомъ выросли березки и, когда Василій отбылъ наказаніе и вернулся, онъ тамъ устроилъ пчельникъ.

Тихому и трезвому Василію, ставшему черезъ нѣсколько лѣтъ Василіемъ Матвѣевичемъ на деревнѣ завидовали и онъ жилъ особнякомъ, большею частью на своей пасѣкѣ по сосѣдству съ нами.

Считая его очень пріятнымъ сосѣдомъ, мы съ

мужемъ любили бесѣдовать съ нимъ о пчелахъ и Василій часто приходилъ къ намъ чай пить, но уже не стоя передъ нами, какъ бывало отецъ его, Матвѣй Герасимовичъ, стоялъ передъ бабушкой, а сидя вмѣстѣ съ нами за столомъ; и, разговаривая съ нимъ, мы говорили ему уже не „ты“, а „вы“, какъ и онъ намъ.

Глава VI.

Церковнослужителя и прихожане.

Когда въ дѣтствѣ я съ бабушкой лѣтомъ жила въ Красномъ, по воскресеньямъ и двунадесятымъ праздникамъ мы ѣздили съ ней къ обѣднѣ въ Мещерку за три версты, или же за пять верстъ въ село Соковнино и, вспоминая эти дни, невольно вспоминаю церковь, ея прихожанъ и церковнослужителей.

Въ Мещеркахъ священникомъ былъ отецъ Алексѣй.

— Очень добръ, уменъ и во многомъ свѣдущъ, — говорила о немъ бабушка, любившая бесѣдовать съ нимъ у себя за чаемъ.

О чемъ, о чемъ только, бывало, не говорили они: и о возвышенныхъ предметахъ, и о погодѣ въ связи съ полевымъ хозяйствомъ и о сосѣдяхъ и разныхъ происшествіяхъ у нихъ, и о болѣзняхъ, которыя умѣлъ лѣчить отецъ Алексѣй, помогая этимъ крестьянамъ.

Бесѣда ихъ была не только полезная, но и пріятная бесѣда, потому что она была лишена злословія. Если отецъ Алексѣй, тонкій знатокъ людей, кого-нибудь хвалилъ, это значило, что человѣкъ этотъ на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ хорошій, иначе онъ говорилъ бы о немъ вскользь, замалчивая его недостатки: „пусть, молъ, самъ ихъ сознаетъ, а говорить о нихъ не надо".

Отецъ Алексѣй былъ нашъ духовникъ, но мы не ѣздили къ нему исповѣдываться въ церковь, а батюшка наканунѣ обѣдни, вечеромъ самъ пріѣзжалъ насъ исповѣдывать, а потомъ оставался у насъ чай пить.

Ясно помню томительное чувство ожиданія и страха передъ моей первой исповѣдью.

Но отчего мнѣ было такъ страшно тогда?

Проснулось ли смутное воспоминаніе какого-нибудь допроса въ далекомъ прошломъ прежняго существованія, боялась ли душа моя разоблаченія какого-нибудь стараго грѣха, принесеннаго ею изъ прошлаго въ новую жизнь—не знаю, но помню, что мнѣ было такъ тяжело, что я пошла въ садъ къ цвѣтамъ, для того, чтобы немного успокоиться возлѣ нихъ и тамъ съ тоскою думала:

„О чемъ будетъ спрашивать меня отецъ Алексѣй?"

На клумбахъ росли чудесные лиловые ирисы, бѣлыя розы и ночныя красавицы „belles de nuit", уже раскрывающіяся, потому что наступалъ ве-

черъ, а такъ какъ былъ успенскій постъ и время близилось къ осени, въ ихъ чашечкахъ созрѣвали красивыя черныя зерна, похожія на бусенки.

„Набери ихъ и сдѣлай себѣ ожерелье“, искушалъ меня какой-то внутренній голосъ.

„Развѣ можно думать объ ожерельѣ передъ исповѣдью“, возражалъ ему другой голосъ, „надо думать о своихъ грѣхахъ“.

Но вотъ бѣда—знаю, что грѣхи у меня есть, а какіе они—не знаю и если отецъ Алексѣй самъ не догадается, что я буду говорить ему?

— Барышня, пожалуйте'—позвалъ меня Илья съ балкона.

Съ тяжестью въ ногахъ и сильно бьющимся сердцемъ, я поднялась по лѣстницѣ и черезъ гостиную прошла въ синюю комнату.

Оттуда только что вышла бабушка и въ полумракѣ, освѣщенномъ лампадкой, какъ будто все еще витали ея тревожныя мысли и признанія и слова утѣшенія отца Алексѣя, которому, какъ духовнику, она повѣряла всѣ свои сомнѣнія.

Онъ стоялъ въ эпитрахили возлѣ столика передъ большимъ кіотомъ съ образами и глядя въ потолокъ, о чемъ-то думалъ.

Едва передвигая ногами, я къ нему подошла и остановилась.

— Поклонитесь Богу до земли,—сказалъ онъ, взглянувъ на меня, и я опустилась на полъ подъ тяжестью своихъ еще несознанныхъ грѣховъ.

— Встаньте.

— Ну, начинается, — подумала я съ ужасомъ.

— *Вѣрую* знаете?—спросилъ отецъ Алексѣй.

— Ка-а-жется зна-а-ю.

— Ну скажите,—улыбнулся онъ мнѣ, очевидно понявъ мое душевное состояніе.

— Господи, Господи! Помоги мнѣ,—подумала я и прочла „Вѣрую".

Отецъ Алексѣй одобрительно качалъ головой.

— Ну, теперь встаньте на колѣни.

Положивъ мнѣ на голову эпитрахиль, онъ ласково положилъ на нее руку и сталъ молиться и сердцу моему становилось все легче и легче...

Прибѣжавъ опять къ цвѣтамъ, я уже не ощущала тяжести въ ногахъ и въ сердцѣ и не думала о своихъ грѣхахъ, но чувствуя любовь отца Алексѣя, испытывала большую радость и цвѣты казались мнѣ еще милѣй и краше, а въ мысляхъ все повторялись слова:

„Вѣрую во Единаго Бога Отца"...

Вечерняя заря, лиловые ирисы и бѣлыя розы какъ будто повторяли ихъ въ саду и, уже раскрывшіяся чашечки „belles de nuit", благоухая, будто тоже шептали:

„Вѣруемъ и мы во Единаго Создателя добра и красоты"...

Вдыхая ихъ нѣжный тонкій ароматъ, я стала собирать ихъ зерна, чтобы изъ нихъ себѣ сдѣлать, не ожерелье какъ этого хотѣлось раньше,

а въ память своей первой исповѣди и добраго отца Алексѣя—молитвенныя четки, какъ у моей тетушки, монашенки матери Магдалины и, вспоминая ее, я будто видѣла среди цвѣтовъ ея свѣтлые глаза и ясную улыбку.

. . . . . .

Пониманіе человѣческой души у отца Симеона, священника Соковнинской церкви, было нѣсколько иное, чѣмъ у отца Алексѣя: на духу онъ людей не утѣшалъ, а укорялъ, желая привести ихъ къ сознанію своей грѣховности; но такъ какъ онъ былъ тоже добръ и дѣлалъ это съ искреннимъ желаніемъ спасать людей, его любили и уважали; да и лицо у него было такое скорбное, что всѣ его жалѣли, предполагая, что у него есть большое скрытое горе.

Отецъ Симеонъ на самомъ дѣлѣ былъ очень несчастенъ непониманіемъ своихъ сыновей и дочерей—людей передовыхъ, постоянно огорчавшихъ его своими новыми взглядами на жизнь, идущими въ разрѣзъ съ его понятіями, очень своеобразными въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Экономка бабушкиной младшей сестры, владѣлицы Соковнина, съ улыбкой однажды разсказывала, какъ ее исповѣдывалъ отецъ Симеонъ:

— Ну говори, въ чемъ грѣшна.

Она долго каялась, припоминая всѣ свои грѣхи и наконецъ, истощивъ весь свой запасъ, умолкла; но отецъ Симеонъ все не отпускалъ ее.

— Больше ни въ чемъ не грѣшна?

— Ни въ чемъ, кажется, батюшка.

— Ни въ чемъ, ни въ чемъ, а лавроваго листика то ты мнѣ намедни не дала, когда я у тебя просилъ...

Помню какъ однажды на исповѣди отецъ Симеонъ убѣждалъ меня бросить музыку.

— Играть на скрипкѣ грѣхъ—брось, говорю тебѣ—брось.

Но я тогда была уже большая дѣвочка и разсудивъ, что можетъ быть онъ ошибается, посовѣтовалась объ этомъ съ бабушкой.

— Развѣ можно бросить музыку, вѣдь она душу возвышаетъ, да и столько радости приноситъ людямъ,—разрѣшила мои сомнѣнія бабушка.

И на самомъ дѣлѣ, моя скрипка уже тогда доставляла всѣмъ большое удовольствіе, любилъ ее и отецъ Стефанъ, священникъ Ивановской церкви.

— Сыграй-ка ты мнѣ опять эту самую... ну знаешь, чувствительную и развеселую—говорилъ онъ про пьесу Вьетана „Не бѣлы снѣги“ и „Во полѣ березынька стояла“, которую онъ уже нѣсколько разъ слышалъ.

Когда звучала широкая мелодія, отецъ Стефанъ задумчиво слушалъ и уносился мыслями ввысь, когда же эта мелодія переходила въ оживленную, онъ возвращался къ землѣ и приходилъ въ восторгъ.

Подъ конецъ онъ говорилъ мнѣ:

— Молодчина! Спасибо тебѣ, учись, учись на скрипкѣ, талантъ этотъ далъ тебѣ Богъ, развивай его, будешь хорошей музыкантшей.

Отецъ Стефанъ былъ большой другъ моего дяди Юрія Петровича, (старшаго сына Grandmaman), называвшаго его: „Стефанидушка, ты моя дорогая“ и любившаго отца Стефана за его живой характеръ, за его интересъ къ музыкѣ, къ газетамъ и ко всему, что совершается на бѣломъ свѣтѣ.

Въ Ивановскомъ у дяди въ то время жилъ, ужъ не помню съ какихъ поръ, рябой старичекъ Иванъ Акимовичъ, очень похожій на стараго орангутанга, и жилъ онъ тамъ потому, что былъ бѣденъ, одинокъ и ему рѣшительно было некуда дѣваться.

Этотъ старичокъ также питалъ любовь и уваженіе къ отцу Стефану и находилъ большое удовольствіе вмѣстѣ съ нимъ читать уже прочитанныя дядей новыя газеты.

И вотъ однажды дядя, любившій подшутить надъ своими друзьями, рѣшилъ подмѣнить новыя газеты прошлогодними, подбирая вѣрно мѣсяцы и числа. Это какъ разъ было во время войны 1877 года, когда всѣ такъ интересовались сербами.

— Отчего зто, Юрій Петровичъ, о сербахъ что-то больше ничего въ газетахъ не пишутъ?—

черезъ нѣкоторое время озабоченно спросилъ дядю Иванъ Акимовичъ,—даже отецъ Стефанъ удивляется.

— Можетъ быть война ужъ кончилась, а вы оба прозѣвали,—серьезно отвѣтилъ Юрій Петровичъ.

— Н-не знаю, кажется внимательно читаемъ газеты, и притомъ всегда вдвоемъ.

— Ну, а числа въ газетахъ вы тоже вдвоемъ смотрѣли?

— Ка-акже, смотрѣли.

— Ну, а годъ?

— Го-о-одъ!?..

Иванъ Акимовичъ, у котораго былъ дурной характеръ, очень разсердился на дядю за его шутку и дулся на него нѣсколько дней; а отецъ Стефанъ смѣялся.

— Ахъ! Ужь и выдумщикъ же ты, Юрій Петровичъ! А изъ-за тебя я и дьякона въ заблужденіе ввелъ — увѣрилъ, что война должно-быть кончилась.

Молодой, рослый, бѣлокурый дьяконъ съ чуднымъ басомъ, тоже считался пріятелемъ Юрія Петровича, который и надъ нимъ былъ непрочь подшутить и добродушно посмѣяться.

Какъ-то разъ, послѣ обѣдни, за завтракомъ, къ которому было приглашено Ивановское духовенство, подали лимонное желе съ яблоками внутри.

Покушавъ пирога и поросеночка съ кашей и добравшись до желе, дьяконъ началъ лакею дѣлать таинственные знаки:

— Человѣкъ! Человѣкъ!

— Что прикажете, отецъ дьяконъ?

— Хрѣнку-бы съ уксусомъ къ студню-то...

— Ха, ха, ха!—покатился со смѣху дядя:

— Подайте ему поскорѣе хрѣну съ уксусомъ къ желе,—въ восторгѣ хохоталъ онъ, а дьяконъ, хотя и былъ смущенъ, но тоже добродушно смѣялся надъ собой со всѣми вмѣстѣ, потому что былъ находчивъ. Свою находчивость ему пришлось блистательно доказать, когда у него однажды вышло недоразумѣніе съ Иваномъ Акимовичемъ.

Ивану Акимовичу нравилось заниматься починкой сломанныхъ часовъ, разбирая и вновь собирая ихъ механизмы, а дьяконъ, интересовавшійся всѣмъ на свѣтѣ, какъ и отецъ Стефанъ, заинтересовался и этимъ

— А ну-ка, что ты сегодня дѣлаешь, Иванъ Акимовичъ?—спросилъ онъ его какъ-то.

— Вотъ еще, стану я *всякому* каждый разъ объяснять, что я дѣлаю,—заносчиво отвѣтилъ Иванъ Акимовичъ, которому вѣроятно въ это время что-нибудь не удавалось.

Дьяконъ промолчалъ и ушелъ.

Въ слѣдующее воскресенье, за обѣдней, когда онъ сталъ кадить направо — въ нашу сторону, налѣво — въ сторону пѣвчихъ, и прямо—народу,

ловкимъ движеніемъ руки, онъ перекинулъ кадило и, миновавъ Ивана Акимовича, стоявшаго посрединѣ церкви, лишилъ его благодати кадильнаго дыма.

Въ слѣдующее воскресенье, онъ сдѣлалъ тоже, и тоже самое повторялъ въ слѣдующія службы.

Иванъ Акимовичъ, будучи очень богомоленъ, замѣтивъ это, пришелъ въ недоумѣніе и наконецъ догадавшись, что дьяконъ тоже можетъ быть не желаетъ *всякому* каждый разъ кадить, пошелъ къ нему объясняться и просилъ у него прощенія, и дьяконъ его простилъ и благодать ему вернулъ.

Благодаря присутствію дьякона въ Ивановской церкви и его чудному голосу, богослуженіе носило очень торжественный характеръ, особенно во время ектиньи, когда поминался Царствующій Домъ.

Въ тѣ времена полагалось поминать всѣхъ членовъ Царской Фамиліи и дьяконъ никого не забывалъ, но только когда онъ доходилъ до герцогини Вюртембергской, его встрѣчало непреодолимое препятствіе:

— Герцогиню Винтен... Виртер... — начиналъ онъ заминаться и наконецъ выпаливалъ, къ великому удовольствію дяди Юрія Петровича:

„Винтербергскую“...

Разъ въ Ивановское пріѣхалъ знатный гость, титулованный родственникъ—камеръ-юнкеръ, которому надо было показаться во всемъ блескѣ и

въ домѣ и въ церкви, и потому на кухнѣ старались повара, а мои дядюшки и тетушки рѣшили на клиросѣ сами спѣть обѣдню и молебенъ.

Въ назначенный день духовенство, въ честь гостя, служило въ новыхъ ризахъ и голосъ дьякона, отъ волненія, звучалъ особенно „зычно“.

Провозгласивъ въ концѣ молебна многолѣтіе Государю Императору и, собираясь какъ можно эффектнѣе провозгласить его знатному гостю—камеръ-юнкеру, дьяконъ набралъ побольше воздуха и съ особенными голосовыми раскатами началъ:

— Ка-мер-ди-не-ру-у-у Двора Его Ве-ли-чества-а-а, — и полностью назвавъ имя и фамилію титулованнаго гостя, на всю церковь заревѣлъ:

„Мно-о-гая лѣ-та-а!“

„Многая, многая лѣта!“ подхватилъ хоръ, какъ можно громче, стараясь заглушить роковую ошибку дьякона...

...А знатный гость, стоявшій въ церкви во всемъ величіи и великолѣпіи своего расшитаго мундира, крестился и кланялся; крестился и кланялся народъ...

Но что испытывали на клиросѣ мои смѣшливыя тетушки и дядюшка Юрій Петровичъ, представить себѣ трудно.

. . . . . .

Такихъ торжественныхъ церковныхъ службъ не бывало ни въ Мещеркахъ, ни въ Соковнинѣ.

Соковнинская церковь была небольшая, дере-

вянная, безъ особыхъ украшеній. Одинъ изъ ея придѣловъ былъ выстроенъ моей прабабушкой, а другой — бабушкой, во имя Царицы Александры. Помню какъ она хлопотала о томъ, чтобы иконостасъ былъ какъ можно проще—деревянный, рѣзной, безъ позолоты.

На освященіе этого придѣла пріѣзжалъ архіерей изъ Тулы и вначалѣ освященія намъ съ бабушкой позволили стоять въ алтарѣ, а потомъ насъ попросили оттуда удалиться уже навсегда, потому что женщинамъ, послѣ освященія престола, въ алтарѣ быть не полагается.

Возлѣ этого придѣла въ полутемномъ углу старой церкви стояла небольшая „темница“ съ двумя маленькими рѣшетчатыми окошечками и рѣшетчатой дверью и въ ней было деревянное изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Заботой прихожанъ Христосъ былъ одѣтъ въ вышитыя пелены и увѣшенъ образками и крестиками на цвѣтныхъ ленточкахъ, а надъ дверью „темницы“, всегда открытой, свѣшивалось серебряное паникадило, пылавшее во время обѣдни множествомъ зажженныхъ другъ отъ друга копѣечныхъ восковыхъ свѣчей, озарявшихъ скорбный ликъ Христа и его сложенныя на колѣняхъ руки.

Это мѣсто въ церкви особенно любили бабы, потому что здѣсь, въ тишинѣ и таинственной полутьмѣ Божьяго Храма, можно было вволю и

повздыхать и поплакать надъ своей горькой долей, научаясь терпѣть, какъ терпѣлъ Христосъ.

Когда бывало моя бывшая кормилица — деревенская баба, приходила ко мнѣ въ гости, и я спрашивала ее, какъ ей живется, она улыбаясь отвѣчала:

— Ничаво.

— Значитъ не плохо?

— Плохо-то не плохо—землицы маловато, скотинку выгнать некуда,—недостатки во всемъ; не то, что молочка, другой разъ хлѣбушка нѣтути... Что дѣлать, надо терпѣть, вѣдь и Господь терпѣлъ.

Вспоминая ее, съ умиленіемъ думаю о такихъ же обездоленныхъ старыхъ и молодыхъ бабахъ, молившихся въ соковнинской церкви передъ „темницей“ и приносившихъ заключенному Христу дары,—кто мѣдный крестикъ, кто полотенчико—не отъ избытка, а отъ скудости своей...

Въ дѣтствѣ я больше любила ѣздить къ обѣднѣ въ Соковнино, нежели въ Мещерки, потому что въ Соковнинѣ жили мои друзья,—дѣти бабушкиной сестры. Иногда мы заѣзжали къ ней послѣ обѣдни, и мнѣ было очень весело съ ними играть; а въ Мещеркахъ жилъ старый сѣдой помѣщикъ Иванъ Ильичъ съ нафабренными усами и моноклемъ въ стеклянномъ глазу и, хотя дочь его Надежда Ивановна была красавица и ѣздила верхомъ въ синей амазонкѣ на рыжей лошади, я ихъ боялась и

домъ ихъ мнѣ казался страшнымъ, поэтому не безъ волненія ожидала я въ субботу вечеромъ, куда бабушка завтра рѣшитъ ѣхать къ обѣднѣ.

— Велите запрягать,—бывало говоритъ она въ воскресенье рано утромъ и мы начинаемъ одѣваться.

Мнѣ надѣваютъ бѣлое накрахмаленное платье съ прошивками и съ голубымъ шелковымъ поясомъ, а на бабушкѣ платье шелковое – лиловое и бархатная мантилія цвѣта „oréille d'ours“ У меня соломенная шляпа съ вѣнкомъ искусственныхъ васильковъ и ржаныхъ колосьевъ, пахнущихъ клеемъ, а бабушка беретъ только зонтикъ, такъ какъ на ней надѣтъ парадный тюлевый чепецъ.

Пока мы одѣваемся, Ѳедоръ въ каретномъ сараѣ запрягаетъ четверню сѣрыхъ въ коляску, а Илья на дворѣ чиститъ свою ливрею.

— Лошади поданы-съ,—наконецъ докладываетъ онъ и мы идемъ садиться въ экипажъ.

Ѳедоръ вопросительно смотритъ на бабушку.

— Въ Соковнино,—говоритъ она и Илья сначала подсаживаетъ ее въ коляску, а потомъ меня.

— Барышня, берегите ваши ручки, какъ бы дверцей ихъ не защемить.

Прячу руки и Илья, сильно захлопнувъ дверцу коляски, вскакиваетъ на козла.

— Пошелъ съ Бого-о-мъ,—говоритъ онъ Ѳедору.

— Съ Бого-о мъ,— обращается Ѳедоръ къ ло-

шадямъ и, чуть тронувъ натянутыя какъ струны возжи, говоритъ имъ:

— Впередъ!

Мы выѣзжаемъ изъ верхнихъ воротъ въ поле и легкій вѣтеръ дуетъ намъ навстрѣчу, показывая, что мы довольно скоро ѣдемъ по проселочной дорогѣ, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, какъ въ лодкѣ.

Рожь съ васильками, встрѣчая насъ въ полѣ, кланяется намъ; привѣтствуютъ насъ поклонами полынь и полевые цвѣточки на межахъ, а въ теплomъ воздухѣ навстрѣчу намъ разливается медовый запахъ цвѣтущей гречихи и жаворонокъ поетъ надъ нами въ чистомъ небѣ.

Солнце насъ уже пригрѣло и коляска начинаетъ пріятно пахнуть кожей; мы выѣзжаемъ на большую дорогу и видимъ вдали усадьбу бабушкиной сестры и посреди деревни церковь.

„Бомъ, бомъ, били-бомъ“... разносится по воздуху колокольный звонъ, то усиливаясь, то ослабѣвая вмѣстѣ съ порывами вѣтра.

— Уже трезвонятъ, кажется, — говоритъ бабушка.—Ѳедоръ, скорѣе.

Ѳедоръ опять дѣлаетъ незамѣтное движеніе возжами и пускаетъ лошадей полной рысью. Черезъ нѣсколько минутъ мы подкатываемъ въ облакѣ пыли къ церковной оградѣ.

Тамъ стоятъ лошади, запряженныя телѣги, а

на травѣ сидятъ старики и бабы съ грудными дѣтьми и ребятишками.

Илья соскакиваетъ съ козелъ и высаживаетъ насъ.

Мужики снимаютъ шапки, мы раскланиваемся съ ними и, шурша платьями, входимъ въ церковь. Народъ разступается передъ нами, пропуская насъ впередъ, а бабы стараются незамѣтно пощупать наши платья и ленты моего пояса.

Бабушкина сестра съ дѣтьми уже въ церкви; мы становимся рядомъ съ ними и улыбками привѣтствуемъ другъ друга, а потомъ принимаемъ серьезный видъ, соотвѣтственно обстановкѣ.

Въ церкви царитъ благоговѣйное настроеніе и пахнетъ ладаномъ и дымкомъ уже догорѣвшихъ во время заутрени восковыхъ свѣчекъ и къ нему примѣшивается запахъ дегтярныхъ сапогъ и полушубковъ, въ которые, несмотря на лѣто, для парада, одѣлись деревенскіе старики.

Обѣдню служитъ отецъ Семеонъ, а на клиросѣ поетъ старенькій, престаренькій дьячекъ съ сѣдой косичкой въ синемъ холщевомъ кафтанѣ.

Нѣтъ ничего трогательнѣе тембра его разбитаго временемъ голоса, и такъ какъ онъ поетъ одинъ, вниманіе наше не отвлекается ожиданіемъ красивыхъ сочетаній нѣсколькихъ голосовъ, или страхомъ, что хоръ будетъ фальшиво пѣть, но оно всецѣло можетъ быть обращено на слова молитвъ, глубокій смыслъ которыхъ особенно

значительно звучитъ въ древнихъ церковныхъ напѣвахъ, исполняемыхъ однимъ голосомъ умудреннаго жизнью старичка.

Богослуженіе приближается къ „Херувимской“ и старенькій дьячекъ съ особеннымъ чувствомъ начинаетъ пѣть дребезжащимъ голосомъ:

— И-и-же Херувимы, Херувимы, тайно—тайно образующе...

Въ церкви совершается что-то таинственное, заставляющее людей становиться на колѣни и молиться не только устами, но и безмолвно—сердцемъ своимъ... Слышатся глубокіе вздохи и молитвенный шопотъ... А надъ церковью съ радостными кликами вокругъ креста вьются ласточки и, задѣвая крыльями узенькія окна церковнаго купола, стучатся въ нихъ. Оттуда сквозь легкія голубыя облака кадильнаго дыма въ церковь льются солнечные лучи, освѣщая старыя иконы и серебряныя паникадила съ горящими свѣчами, а въ нижнія окна смотрятъ зеленыя вѣтви кудрявыхъ березъ и съ улицы доносятся звуки деревенской жизни.

Въ церковь постепенно входятъ бабы съ грудными дѣтьми, чтобы причастить ихъ и крѣпко прижимая ихъ къ себѣ, равномѣрно хлопаютъ своихъ младенцевъ ладонью по спинѣ, чтобы они не пищали, но младенцы начинаютъ кричать.

„Шш, шш, шиши-ши“, сильно встряхиваютъ ихъ бабы, чтобы успокоить ихъ, и дѣтскій крикъ

усиливается и наполняетъ всю церковь, когда батюшка выходитъ съ Чашей.

Послѣ причастія, мы первыми подходимъ къ Кресту и потомъ выходимъ боковыми дверями въ церковную ограду со старыми могилами.

Съ утра проголодавшись безъ чая, мы тамъ съ удовольствіемъ съѣдаемъ по кусочку просфоръ, которыя въ концѣ обѣдни почтительно подалъ намъ на серебряномъ подносикѣ церковный староста и остатками ихъ надѣляемъ старушекъ на паперти.

Наблюдая въ церкви тихій разговоръ бабушки съ сестрой, я поняла, что мы поѣдемъ къ ней чай пить и весело перемигнувшись со своими кузинами уже успѣла объ этомъ сообщить имъ знаками.

Кузины мои домой идутъ пѣшкомъ, а бабушкина сестра садится къ намъ въ коляску и мы опять мчимся полной рысью въ облакѣ пыли, обгоняя телѣги съ народомъ и пѣшихъ мужиковъ и бабъ; они намъ кланяются, мы отвѣчаемъ имъ и полнымъ ходомъ въѣзжаемъ въ ворота усадьбы... Бабушка облегченно вздыхаетъ, потому что каждый разъ боится, что въ воротахъ мы зацѣпимъ покосившійся кирпичный столбъ и онъ задавитъ насъ..

Глава VII.

Пожары.

Въ соковнинскую усадьбу въѣзжали со стороны церкви и деревни по длинной аллеѣ и по плотинѣ, на лѣвой сторонѣ которой былъ глубокій оврагъ, заросшій лѣсомъ и кустарникомъ, а по правую сторону, противъ самаго дома—красивый прудъ, окаймленный съ трехъ сторонъ стриженными аллеями, а съ четвертой стороны—лугомъ, гдѣ мы, дѣти, проводили большую часть времени возлѣ качелей.

Къ одностажному деревянному дому, соединенному галлереей съ флигелемъ, съ большой дороги подъѣзжали по такой же аллеѣ, пролегавшей между лѣсомъ и паркомъ и въ концѣ ея, противъ самаго крыльца, была въ лѣсу бесѣдка, гдѣ послѣ чая и обѣда старшіе оставались разговаривать, работать и читать.

Бывало вволю набѣгаешься и наиграешься послѣ обѣдни въ Соковнинѣ съ дѣтьми бабушкиной сестры — tante Людмилы, какъ я звала ее, отчасти подражая моимъ тетушкамъ, а также и потому, что она казалась мнѣ слишкомъ молодой и подвижной, чтобы называться бабушкой Людмилой, да и титулъ бабушки, думалось мнѣ,

принадлежалъ только *моей* бабуленькѣ и уступать его еще кому-нибудь мнѣ не хотѣлось.

Дѣти tante Людмилы, Миша, Маша, Митя, Варя и Аннетъ были славный народъ—живой-веселый и неутомимый въ играхъ и прогулкахъ, а старшій Миша былъ такой умный, говорила про него бабушка, что, прочитавъ исторію отсѣкновенія главы Іоанна Крестителя, онъ сказалъ:

— Какъ могъ царь исполнить просьбу дочери Иродіады? На его мѣстѣ я бы сказалъ ей, что голова Іоанна Крестителя для меня гораздо, гораздо дороже полъ царства и я бы ни за что не отдалъ ее.

Бабушка про Мишу также разсказывала, что, когда умиралъ его отецъ, который былъ очень набоженъ и соблюдалъ всѣ посты, Миша далъ ему обѣщаніе всегда соблюдать ихъ за него и я знаю, что онъ это исполнялъ до самаго конца своей жизни, терпѣливо перенося въ юности немало насмѣшекъ легкомысленной молодежи.

Весело бывало мнѣ съ дѣтьми tante Людмилы, потому что они любили меня и я любила ихъ. Когда мы ходили гулять за версту въ лѣсъ и я, какъ самая маленькая, не поспѣвая за большими, уставала, Митя и Варя сплетали руки и несли меня, потомъ несла меня Маша на спинѣ, а младшая дѣвочка Аннетъ, отыскивая въ лѣсу душистую землянику, отдавала ее мнѣ и спрашивала:

— C'est bon?

— Très bon,—отвѣчала я, такъ какъ мы должны были между собой всегда говорить по-французски.

Если накрапывалъ дождь, то мы, возвратившись изъ лѣсу, по балконной лѣстницѣ шли въ домъ и играли въ залѣ, гдѣ было пять высокихъ и широкихъ готическихъ оконъ и въ простѣнкѣ надъ диваномъ былъ большой, прекрасный образъ Спасителя во весь ростъ.

Играя въ залѣ, я старалась забѣжать въ сосѣднюю комнату—кабинетъ покойнаго мужа tante Людмилы, про котораго говорили, что онъ былъ декабристъ, мнѣ казалось, что я тамъ узнаю, что значитъ это слово Но въ кабинетѣ я видѣла только узкіе диваны вдоль стѣнъ, письменный столъ у огромнаго окна и на стѣнѣ—портретъ моей прабабушки Авдотьи Васильевны, писанный съ нея масляными красками уже послѣ смерти; она сидѣла въ креслѣ съ закрытыми глазами, загадочнымъ лицомъ и евангеліемъ въ рукѣ и такъ, какъ этотъ портретъ возбуждалъ во мнѣ мистическій страхъ, въ кабинетѣ долго оставаться я не любила.

Въ самомъ концѣ дома, пройдя гостиную и спальню, была интересная комната—молельня съ кіотомъ, наполненнымъ образами, среди которыхъ было изображеніе Архангела Михаила съ огненнымъ мечемъ, а на стѣнѣ, противъ оконъ, висѣли портреты разныхъ архіереевъ и монаховъ; подъ ними былъ длинный диванъ, гдѣ можно было

сидѣть въ молитвенномъ созерцаніи, глядя черезъ окно въ небо.

Здѣсь, въ опредѣленные часы, утромъ и вечеромъ собиралась вся семья tante Людмилы и она сама читала своимъ дѣтямъ молитвы и псалмы и поминала живыхъ и умершихъ родственниковъ.

Я любила въ эти часы присоединяться къ нимъ, когда мы гостили въ Соковнинѣ и, слушая мудреные обороты славянскихъ текстовъ, я смотрѣла на красненькій огонекъ лампадки, на большіе образа и кипарисовые образки, крестики и перламутровыя четки въ кіотѣ.

Но больше всего мнѣ нравился образъ Спасителя въ залѣ. Онъ шелъ въ розовыхъ и голубыхъ одеждахъ по полю и, держа въ лѣвой рукѣ зеленый земной шаръ, правой рукой благославлялъ міръ; лицо Его было кротко, а у Его ногъ, черными славянскими буквами, по золоту широкой рамы были написаны таинственныя слова: „Азъ есмь Альфа и Омега". Не понимая значенія этихъ словъ, я чувствовала къ нимъ благоговѣніе.

Но отчего я въ дѣтствѣ внутреннимъ взоромъ видѣла Спасителя не въ розовомъ и голубомъ, какъ Его рисуютъ на иконахъ, а въ бѣломъ—и не въ полѣ, а на высокой, высокой горѣ... Онъ смотритъ съ ея вершины въ даль, въ необозримыя пространства, и мнѣ не поднять взора до Его лица; и видя только Его босыя ноги и край бѣлой одежды, я припадала мысленно къ Его Стопамъ, испы-

тывая такое чувство благоговѣнія, что хотѣлось умереть. . . . . .

Внутреннее видѣніе это у меня въ дѣтствѣ повторялось въ связи съ безграничнымъ счастьемъ, вдругъ, безъ причины охватывавшимъ мою душу, а позднѣе оно сопровождало минуты величайшей печали, когда у меня бывало большое горе; тогда подножіе Высокой Горы, гдѣ Онъ стоялъ надъ міромъ, было единственнымъ прибѣжищемъ для моей скорбящей души.

Съ чудеснымъ образомъ Спасителя Соковнинскаго дома, былъ связанъ таинственный случай, о которомъ tante Людмила при мнѣ разсказывала бабушкѣ:

Въ ея отсутствіе въ усадьбѣ загорѣлся сарай возлѣ дома и пламя неминуемо должно было охватить домъ, такъ какъ вѣтеръ дулъ въ его сторону.

Всѣ побѣжали на пожаръ и въ домѣ осталась одна экономка; не зная, что дѣлать и что спасать, она металась по комнатамъ и, прибѣжавъ въ залу, гдѣ былъ Спаситель—бросилась передъ Нимъ на колѣни и вспомнила народное повѣрье, что если обнести вокругъ дома образъ, который находится въ немъ съ самаго его основанія, пламя пощадитъ его.

Но что ей дѣлать, какъ ей быть?—Образъ Спасителя слишкомъ великъ и ей одной не поднять его. . . . . Вдругъ она видитъ, что отворяется

балконная дверь и въ комнату входитъ незнакомецъ... Молча помогаетъ онъ ей снять образъ со стѣны и съ ней обноситъ его вокругъ дома.

Вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, домъ уцѣлѣлъ, а незнакомецъ исчезъ и никто не зналъ кто это былъ.

— Можетъ быть это былъ Ангелъ,—сказала бабушкѣ tante Людмила; въ ея глазахъ показались слезы и она перекрестилась.

Вспоминая этотъ разсказъ, припоминаю другой случай, когда въ деревнѣ старушка съ образомъ и старикъ съ бочкой воды отстаивали отъ пожара церковь.

Это было гораздо, гораздо позднѣе чудеснаго случая съ образомъ въ Соковнинѣ.

Мы тогда съ мужемъ жили въ Красномъ и у насъ былъ обычай ѣздить на ближайшіе пожары и брать съ собой нашихъ рабочихъ съ цѣлью оказать тамъ возможную помощь.

Случался ли пожаръ днемъ, или ночью, кто бы не увидѣлъ зарево и не услышалъ набатъ, долженъ былъ тотчасъ же намъ объ этомъ доложить.

— Собрать верховыхъ, а мнѣ съ женой осѣдлать „Мизгиря“ и „Золотника,—бывало отдавалъ кучеру распоряженіе мой мужъ и мы мчались на пожаръ, а если онъ былъ не такъ далеко—мы брали съ собой и своихъ мальчиковъ Володю и Сережу и они рядомъ съ нами скакали на своихъ лошадкахъ „Швейкѣ“ и „Чалкѣ“.

Такъ пришлось намъ однажды вечеромъ пріѣхать въ деревню, гдѣ противъ самой церкви горѣлъ домъ лавочника, а недалеко отъ него находился домъ священника, всѣ его хозяйственныя постройки и домикъ дьячка.

Народъ уже сбѣжался съ деревни, изъ-за рѣки и мужики привезли нѣсколько бочекъ воды и, какъ полагается, притащили багры и метлы, и кто заливалъ вепрами стѣны горящаго дома, а кто, забравшись на крыши сосѣднихъ зданій, отстаивалъ ихъ, сметая мокрыми метлами падавшія на нихъ искры.

Изъ дома священника уже вытащили всѣ вещи и матушка съ плачущими дѣтьми сидѣла на травѣ рядомъ съ вещами, связанными въ узлы, а батюшка отдавалъ распоряженія выводить со двора лошадей и скотъ.

О пылающемъ домѣ лавочника никто не тужилъ, такъ какъ стало извѣстно, что онъ недавно былъ застрахованъ и что страховой агентъ въ этотъ вечеръ пилъ чай съ его хозяиномъ.

Выскочивъ изъ загорѣвшагося дома, онъ одинъ, какъ заинтересованное лицо, искренно сокрушался о пожарѣ, да лавочникъ, для виду, махая руками и причитая (безъ этого нельзя же) при всемъ народѣ, съ театральнымъ жестомъ бросилъ свою шапку въ огонь и воскликнулъ:

— Эхъ-ма! Гори и ты, головушка моя, вмѣстѣ съ домомъ моимъ!

— Ишь лавочникъ-то какъ о своемъ домѣ убивается,—посмѣивался надъ нимъ народъ.

— Давай воды, давай воды!—кричалъ страховой агентъ.

Про церковь всѣ забыли и темныя окна ея колокольни, гдѣ уже смолкъ набатъ, какъ испуганные глаза, съ ужасомъ глядѣли на зловѣщее пламя, направляемое порывами вѣтра въ сторону церкви, на которой масляная краска, покрывавшая ея деревянную обшивку, уже мѣстами темнѣла и пузырилась отъ жара.

Но въ эту страшную минуту церковь не была одна—возлѣ нея, у самой паперти стояли два вѣрныхъ стража—старикъ со своей клячей, запряженной въ бочку съ водой и старуха съ образомъ.

— Что ты тутъ бездѣйствуешь со своей бочкой—давай ее сюда!—грозно закричалъ на старика только что пріѣхавшій урядникъ.

— А какъ ты можешь моей бочкѣ повелѣвать, коли видишь, что я Божій храмъ отстаиваю,—спокойно отвѣтилъ ему старикъ.—Не смѣешь ты моей бочкѣ повелѣвать,—еще разъ повторилъ онъ въ отвѣтъ на угрожающій жестъ деревенскаго начальства, и урядникъ махнулъ на него рукой и отошелъ.

— Ребята! Валите стѣны, разбирайте бревна баграми!—хлопоталъ страховой агентъ надъ застрахованнымъ имъ имуществомъ.

— Не станемъ мы ихъ трогать, полетятъ искры, батюшкинъ домъ загорится,—кричали мужики.

Завязался споръ, гудѣли голоса, гудѣлъ пожаръ, а старушка съ образомъ молча обходила церковь, какъ только вѣтеръ гналъ огонь въ ея сторону.

Преклонилась ли стихія передъ вѣрой этихъ двухъ стариковъ—стражей храма Господня, или была другая причина, но вѣтеръ измѣнилъ направленіе и церковь и окружавшія ее постройки уцѣлѣли.

Домъ лавочника догоралъ, ночь проходила, брезжилъ разсвѣтъ и было холодно.

Страховой агентъ съ урядникомъ уѣхали, а утомленный народъ, и мы съ нимъ, — грѣлись у огромнаго потухающаго костра, дожидаясь, чтобы онъ совсѣмъ погасъ, и мы вспоминали другіе пожары, не такіе благополучные, какъ этотъ.

Подошелъ къ намъ батюшка, водворившій въ домъ жену, дѣтей и свои вещи.

— Много, много угольку на самоваръ припасъ себѣ лавочникъ къ зимѣ,—сказалъ онъ, качая головой,—чуть-чуть, что и насъ и церковь по этому случаю не спалилъ . . . . . .

. . . . . .

Есть другое народное повѣрье, что въ пламя пожара надо бросать освященныя пасхальныя яица, чтобы огонь утихалъ и я видѣла, какъ это дѣлали и какъ, случайно, или нѣтъ, пламя уменьшалось.

Но пожаръ, зажженный молніей, по народному повѣрью, совсѣмъ нельзя тушить, такъ какъ это пожаръ совсѣмъ особенный, зажженный Самимъ Богомъ, чтобы люди не забывали Его.

Когда я была маленькая, помню какъ странно у насъ въ Красномъ отъ молніи сгорѣлъ на гумнѣ только одинъ соломенный ометъ, средній изъ пяти, стоявшихъ рядомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что только-только телѣгѣ проѣхать.

Это случилось подъ конецъ лѣта, послѣ посѣва ржи, когда еще не весь хлѣбъ былъ убранъ съ поля.

Жара была ужасная, и въ этотъ день воздухъ съ утра былъ особенно тяжелъ, небо хмурилось и Негро валялся на спинѣ, что у собакъ всегда предвѣщаетъ лѣтомъ дождь, а зимой—мятель.

Къ обѣду на небѣ и въ комнатахъ стало такъ темно, что бабушка, предвидя грозу, велѣла затворить окна.

Въ это время послышался тяжелый шумъ колесъ и конскій топотъ и къ парадному крыльцу подъѣхала карета—дормезъ, запряженная шестерикомъ бѣлыхъ коней, и я въ первый разъ въ жизни увидѣла форрейтора—мальчика въ сѣрой ливреѣ и красной шапочкѣ, сидѣвшаго верхомъ на правой передней лошади; онъ, повидимому, такъ усталъ, что, остановивъ лошадь, припалъ къ ея шеѣ и схватился за гриву, чтобы не упасть; какъ сейчасъ помню этотъ жестъ и мое чувство страха, что мальчикъ свалится съ лошади.

Нарядный лакей въ такой же сѣрой ливреѣ и въ черной шляпѣ съ кокардой соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу кареты; изъ нея вышелъ красивый смуглый господинъ и за нимъ бѣлокурая дама въ бѣлой шляпѣ съ голубой вуалью,— это былъ бабушкинъ пасынокъ Дмитрій Владиміровичъ съ женой — „Митенька“ и „Любенька“, какъ звала ихъ бабушка.

— Maman!—сказалъ Митенька, цѣлуя бабушкину руку,—если бъ вы знали, какая страшная гроза собирается, такого темнаго неба и такихъ зловѣщихъ тучъ я въ жизни не видалъ.

— Хорошо, что вы успѣли пріѣхать до грозы,— отвѣтила бабушка, цѣлуя его въ високъ.

Ослѣпительная молнія озарила комнату, страшный ударъ грома заглушилъ бабушкины слова и сразу налетѣвшій ураганъ, нагибая деревья и срывая съ нихъ сухія вѣтви, сталъ бросать ихъ въ наши окна и бѣшено рвать полотняныя занавѣси на балконѣ и маркизы на окнахъ.

Небо зловѣще шумѣло и, уронивъ на землю среди грома и блеска молній, нѣсколько тяжелыхъ капель дождя, начало сыпать градъ, все крупнѣе и крупнѣе и съ такой силой, что скоро въ нашихъ окнахъ, незащищенныхъ маркизами, были побиты стекла, а маркизы съ красными фестонами порваны и градъ странной формы, похожей на малину и величиной съ голубиное яйцо и гораздо больше,

лежалъ и возлѣ дома, и на балконѣ, и на полу въ комнатахъ, гдѣ были побиты окна.

Страшный ливень смѣнилъ градъ и превратилъ садовыя дорожки въ бурныя рѣчки, на поверхности которыхъ поплыли водяные пузыри.

Когда гроза утихла и ливень прекратился, переполненныя водосточныя трубы шумѣли такъ сильно, что едва было слышно, какъ вбѣжавшій въ комнату испуганный Илья сказалъ:

— Барыня! На гумнѣ у насъ пожаръ!

— Пошли скорѣе верхового на ту сторону узнать, что горитъ,—распорядилась бабушка и, бросившись къ окнамъ, мы стали смотрѣть по направленію гумна, но его заслоняли высокія деревья сада и ничего не было видно.

Верховой вернулся, объявивъ, что рѣка разлилась, мостъ снесенъ и на ту сторону проѣхать никакъ нельзя.

Тогда догадались пойти въ фруктовый садъ, откуда было видно гумно и, стоя тамъ въ ледяномъ отъ града безвѣтренномъ воздухѣ, среди кучъ побитыхъ яблокъ, валявшихся въ грязи въ перемѣшку съ градомъ, мы увидѣли на гумнѣ возносившееся къ небу вмѣстѣ съ дымомъ пламя, какъ бы огромной догорающей свѣчи. Трудно было опредѣлить горитъ ли скирдъ хлѣба, или ометъ соломы, но было видно, что огонь утихаетъ.

— Ну, на все воля Божья,—сказала бабушка,—пойдемте обѣдать.

Пока собирали въ кухнѣ запоздавшій обѣдъ и накрывали на столъ, съ той стороны, верхомъ добрался къ намъ вплавь Петръ Павловъ и его, всего мокраго, позвали въ гостиную.

— Ну что?—спросила бабушка.

— Слава Богу-съ, у насъ отъ молніи на гумнѣ одинъ ометъ соломы загорѣлся а рядомъ всѣ ометы цѣлы и хлѣбъ цѣлъ, потому—вѣтеръ стихъ.

— Что-же, тушили огонь?

— Помилуйте-съ, нѣшто можно огонь отъ молніи тушить-съ.

— Ну, слава Тебѣ Господи, что хлѣбъ цѣлъ,— перекрестилась бабушка. — Признаться сказать, въ первый разъ на своемъ вѣку вижу такую грозу и такой градъ.

— Такъ точно-съ, — почтительно отвѣтилъ Петръ: даже всѣ мосты на рѣкѣ унесло-съ и всѣ плотины сорвало.

— Oui, Maman, и мы, по правдѣ сказать ничего подобнаго не видали,—подтвердили Митенька и Любенька.

За обѣдомъ говорили о пожарахъ и Митенька сказалъ, что они часто случаются отъ неисправныхъ печей и онъ передѣлываетъ въ своемъ домѣ всѣ старыя печи.

— И теперь,—засмѣялся онъ,—я говорю своимъ гостямъ: извиняюсь, что принимаю васъ съ нѣкоторой *холодностью*, благодаря своей *безпечности*.

— Ахъ! вѣчно что-нибудь смѣшное приду-

маетъ!—улыбаясь отмахнулась отъ него бабушка обращаясь къ Любенькѣ.

— Oui, Maman, Dmitry a toujours quelque chose d'amusant à inventer, quand quelqu'un a des désagréments, et c'est pour les lui faire oublier" [1]), одобрительно и ласково взглянула Любенька на мужа, надѣвавшаго свалившійся у него изъ глаза отъ смѣха монокль.

На другой день, послѣ обѣда гости наши собрались уѣзжать и я опять увидѣла поданую къ крыльцу карету шестерикомъ и маленькаго форрейтора, на этотъ разъ бодро сидѣвшаго на своей лошади.

— Пошелъ!—крикнулъ ему кучеръ, и мальчикъ, выровнивъ переднюю пару лошадей, тронулъ ихъ.

— Au revoir, maman!—кланялись бабушкѣ гости изъ окна кареты.

— Au revoir, ma petite chérie!—послала мнѣ поцѣлуй Любенька.

— Au revoir, au revoir, bon voyage!—махала имъ бабушка съ крыльца батистовымъ платочкомъ . . . . . .

Долго вспоминали эту грозу и говорили о необыкновенномъ градѣ, разсказывая, что онъ въ полѣ побилъ много скота и что вѣтромъ уносило копны за нѣсколько верстъ, а что одинъ помѣ-

[1]) „Да maman, Дмитрій всегда придумываетъ что-нибудь смѣшное, когда у кого-нибудь случаются непріятности, для того, чтобы о нихъ забыть".

щикъ, застигнутый градомъ въ полѣ, спасъ свою лошадь и себя только тѣмъ, что догадался привязать ей и себѣ на голову и на спину снопы.

Можно себѣ представить, что тогда творилось въ полѣ, если у насъ въ затишьѣ выворотило съ корнями нѣсколько старыхъ деревьевъ и поломало много яблонь.

Когда рѣка вошла въ берега и исправили мостъ, мы ходили на ту сторону смотрѣть сгорѣвшій отъ молніи ометъ и, увидя огромнѣйшую кучу золы, среди четырехъ ометовъ соломы, съ удивленіемъ думали, какъ могли они уцѣлѣть. Поистинѣ это былъ пожаръ совсѣмъ особенный, заставлявшій человѣка призадуматься...

Для меня воспоминаніе объ этой грозѣ всегда было связано съ воспоминаніемъ о большой каретѣ и о маленькомъ форрейторѣ, проскакавшемъ верхомъ въ одинъ день не менѣе тридцати—сорока верстъ и столько же на другой день.

Когда знаешь какую отвѣтственную роль играли форрейторы при поворотахъ, спускахъ съ горъ и подъемахъ въ гору, а крутыхъ горъ, овраговъ и косогоровъ у насъ въ Тульской губерніи пропасть—удивляешься какъ могъ это выдерживать ребенокъ.

Неудивительно, что изъ форрейторовъ, если они не погибали въ дѣтствѣ, выходили не только искусные кучера и наѣздники, но и здоровые,

ловкіе и дѣльные люди—мастера на всѣ руки, недаромъ говорившіе:

— Я все могу—я фолетеромъ служилъ у своихъ господъ.

— — —

Глава VIII.

Будни.

Уже восемь часовъ утра и пора чай пить, а бабушка гдѣ-то пропадаетъ въ домѣ по хозяйству и на балконѣ нѣтъ никого, кромѣ молчаливой чайной посуды на столѣ и самовара, кипящаго рядомъ съ кубаномъ холоднаго молока.

Кубанъ только что принесенъ съ ледника и отпотѣваетъ въ лѣтнемъ тепломъ воздухѣ, обтекая каплями влаги, а самоваръ бунтуетъ и шумитъ, нетерпѣливо выпуская кверху тонкую и сильную струю пара изъ круглой дырочки своей крышки, изъ подъ которой брызжетъ кипятокъ, обливая вычищенные бока самовара, потому что бабушки все нѣтъ и нѣтъ и некому открыть кранъ и заварить кипяткомъ засыпанную въ чайникѣ щепотку чая, а я маленькая и могу обварить себѣ руку.

Какой у самовара важный видъ и конфорка на немъ надѣта, точно корона на головѣ, а плечи у него подняты точь-въ-точь, какъ у того генерала, портретъ котораго виситъ среди другихъ

портретовъ въ красной комнатѣ, надъ диваномъ съ львиными ножками. Этого генерала зовутъ Friedrich-Karl-Alexander Prinz von Preussen и онъ очень похожъ на нашего кохинхинскаго пѣтуха: такіе же у него круглые глаза, хохолъ на головѣ и бакенбарды.

Въ блестящемъ тѣлѣ самовара все отражается, какъ въ зеркалѣ, только въ уменьшенномъ и искаженномъ видѣ и въ немъ видно небольшое небо надъ крошечнымъ садомъ, а я сама отражалась въ немъ такъ смѣшно, что дѣлается весело: голова моя маленькая премаленькая, а носъ большой пребольшой и жалостливое выраженіе лица: улыбаюсь, а выходитъ точно плачу и ротъ растягивается до ушей, просто уморительно!

Мнѣ хочется ѣсть.

Беру кусокъ чернаго хлѣба съ тарелки и въ это время появляется Негро, поднявшійся неслышными шагами по балконной лѣстницѣ.

— Негроша! Здравствуй!.. Посмотри-ка, какая собачка въ самоварѣ сидитъ и хвостикомъ машетъ!

Но Негро не до того, онъ голоденъ и кладетъ мнѣ лапу на плечо.

— А вонъ другая собака изъ гостиной на тебя смотритъ,—говорю я не безъ умысла, отлично зная, что, увидя себя въ большомъ зеркалѣ противъ балконной двери, Негро начнетъ лаять и тогда бабушка догадается, что пора чай пить и придетъ.

— Ррр... ррр!.. — рычитъ Негро, а въ комнату войти не смѣетъ, потому что это ему строго запрещено, и такъ какъ ему обидно, что другой собакѣ можно тамъ быть, онъ начинаетъ на нее сердиться и лаять и еще больше лаетъ отъ ревности, увидя въ зеркалѣ, что я подхожу къ этой собакѣ и обнимаю ее.

— Негро-о-ша! Милый, дорого-о-ой! — говорю я, нарочно растягивая слова, а онъ выходитъ изъ себя и неистово рычитъ и лаетъ въ зеркало на самого себя.

— Что это такое!? —появляется бабушка на порогѣ гостиной. — Сейчасъ перестать! Пошелъ вонъ, Негро! Шурка, иди молоко пить!

Все приходитъ въ порядокъ.

Чай заваривается остывающимъ кипяткомъ и самоваръ уже не бушуетъ, а поетъ тонкимъ голосомъ, какъ бы подражая мухѣ, попавшейся въ паутину, а мы съ Негро пьемъ молоко съ чернымъ хлѣбомъ, онъ на полу изъ глубокой тарелки, а я за столомъ изъ розовой фарфоровой кружечки, и мы съ нимъ хитро переглядываемся, улыбаясь другъ другу.

— Va te promener, ma chère, et puis reviens apprendre [1]), — говоритъ бабушка, увидя, что я кончила.

Негро тоже поѣлъ и, облизавъ свою тарелку

[1]) „Иди погулять, моя милая, а потомъ вернись учиться".

такъ чисто, точно ее вымыли и вытерли, облизываетъ себѣ носъ и губы, показывая этимъ, что онъ также готовъ.

— Mercі, бабуля,—говорю я и цѣлую ей руку.

— Дай сюда тарелку съ полу, надо ее хоть немножко молокомъ запачкать, а то, пожалуй, ее въ буфетъ поставятъ, подумаютъ, что чистая,— улыбаясь показываетъ бабушка на полъ.

Подаю ей тарелку Негро и, обнявъ его за шею, спускаюсь съ нимъ по лѣстницѣ въ садъ и мы идемъ гулять.

Но куда же мы пойдемъ?

Въ березовую рощу, или на лугъ къ рѣкѣ, или же черезъ поле въ оврагъ, куда вода весной приноситъ съ горъ столько чудесныхъ камешковъ?

Нѣтъ.

Мы пойдемъ отыскивать въ саду такое мѣсто, гдѣ еще никто никогда не былъ и гдѣ живетъ соловей, но не поетъ днемъ, а дожидается ночи.

И мы идемъ искать это мѣсто, пробираясь по кустамъ въ самую, самую чащу, гдѣ переплетаются вѣтви шиповника, сирени и акаціи. Тамъ мы находимъ маленькую полянку, густо заросшую сочной травой и рядышкомъ садимся на траву.

Чтобы увидѣть небо съ этого мѣста, надо высоко, высоко поднять голову, потому что его заслоняютъ вершины деревьевъ, растущихъ между кустами и макушки ихъ колышатся, какъ бы въ самыхъ облакахъ среди небесной синевы.

Кругомъ все зелено, а на кустахъ растутъ крупные розовые, лиловые и желтые цвѣты шиповника, сирени и акаціи и къ нимъ прилетаютъ пчелы.

Жарко, и пахнетъ землей и воздухъ такъ благоухаетъ, что хочется его пить, какъ сладкую, душистую влагу.

Все кругомъ шуршитъ и шелеститъ—это перешептываются листья, цвѣты и букашки и разговариваютъ съ солнцемъ, но такъ тихо, что мы съ Негро тѣснѣе прижимаемся другъ къ другу и замираемъ, чтобы услышать, что они говорятъ... Вотъ и въ кустахъ слышенъ шорохъ... Оттуда вылетаетъ сѣренькая птичка и быстро пролетаетъ мимо насъ... Это—соловей!..

Негро поднимаетъ голову и глядитъ птичкѣ вслѣдъ, а потомъ вопросительно смотритъ на меня и я глажу его милую шелковистую черную голову.

Какія у него уши мягкія, точно бархатъ, а носъ мокрый и холодный,—значитъ здоровъ, но отчего у него такіе печальные глаза?

— Негроша, что ты, милый? Не грусти, посмотри, какъ здѣсь хорошо! Вѣдь ты мой дорогой братикъ!

Онъ тихо машетъ хвостомъ и вздыхаетъ, а я цѣлую его въ шелковую макушку и мы сидимъ обнявшись.

Въ золотомъ свѣтѣ солнца порхаетъ надъ нами

красная бабочка и мы не шевелимся, чтобы ее не испугать..

— Шура-а-а!Шурка-а-а!Шурочка-а-а!... Ау!...— слышится издали бабушкинъ голосъ.

Ахъ! А я и забыла, что пора идти учиться и поскорѣе отвѣчаю ей:

— Tou-te-suite-e-e, иду-у-у, сейча-а-асъ!

Задремавшій было Негро вскакиваетъ и тоже начинаетъ лаять и поскорѣе, поскорѣе, мы съ нимъ выбираемся изъ чащи и въ перегонки бѣжимъ домой...

Наши уроки съ бабушкой заключались въ томъ, чтобы въ опредѣленное время что-нибудь сдѣлать безъ лѣни, съ большимъ терпѣніемъ и очень хорошо: напримѣръ, прочесть изъ книги нѣсколько строчекъ съ помощью бабушкиной вязальной спицы, указывающей какъ буквы складываются въ слова; или написать въ тетрадку нѣсколько прописей, а также ровными стежками подрубить носовой платокъ, или конецъ полотенца—все это считалось урокомъ, или скорѣе обязанностью „une tâche, un devoir", и если это бывало дурно исполнено, бабушка грустно смотрѣла на меня и, съ сожалѣніемъ покачивая головой, говорила:

— Tu as été paresseuse, ma chére, et c'est pourquoi tu as mal rempli ton devoir [1]), и мнѣ становили

---

[1]) „Ты лѣнилась, моя милая, и потому дурно исполнила свою обязанность".

лось стыдно. Но она никогда не бранила, не торопила меня и не наказывала и учиться съ ней было очень пріятно.

Во время нашихъ занятій бабушка обыкновенно сидѣла въ гостиной на большомъ „вольтеровскомъ“ креслѣ и вязала чулокъ, а я читала и шила у ея ногъ, сидя на низенькой вышитой табуреткѣ съ мѣдными колесиками, которую почему-то считала своей дочерью и называла „Valentine“.

Послѣ чтенія и шитья, во время пятиминутнаго перерыва—„cinq minutes de récréation“, послѣ которыхъ я должна была идти писать, можно было съ бабушкой поиграть.

Игра начиналась съ того, что я брала ея руки и, мѣшая ей вязать чулокъ, перебирала ея пальчики и разсматривала ихъ по очереди.

Они составляли цѣлое семейство и у каждаго изъ нихъ было особое выраженіе лица.

Самый высокій третій палецъ былъ „papa“, четвертый пониже—„maman“, указательный палецъ—„l'index“ былъ бабушка, мизинецъ—я, а большой палецъ—„le pouce“, какъ совершенно отдѣльный отъ другихъ, за человѣка не считался,—это былъ Негро и когда „я“ съ „Негро“ цѣловалась, „maman“ непремѣнно нагибалась надъ нами, потому что прямо стоять она въ это время никакъ не могла.

— Finis, ma chére [1]),—улыбалась бабушка и

[1]) „Брось, моя милая“.

тогда я брала ея обѣ руки и, приложивъ ихъ ладонями къ своимъ щекамъ, поворачивала голову, то направо, то налѣво и цѣловала ихъ поочередно, а она смѣялась.

Тогда я дѣлала круглые, страшные глаза и, туго надувъ щеки, хлопала по нимъ бабушкиными руками—раздавался выстрѣлъ.

— Ахъ!—вскрикивала бабушка, дѣлая видъ, что очень испугалась, а я хохотала и надувъ щеки, опять хлопала по нимъ ея руками.

— C'est assez, ma chére,—принимала бабушка прежній серьезный видъ.

— Prends ton cahier, l'encre et la plume et va au bosquet écrire les exemples, et moi, je vais m'occuper de mon ménage [1]).

Дѣлать было нечего, надо было слушаться и идти въ бесѣдку. Но писать я тамъ любила и мнѣ нравилось, сидя за большимъ круглымъ столомъ, скрипѣть по шелковистой бумагѣ гусинымъ перомъ, макая его въ чернильницу, стоявшую на бронзовой подставкѣ рядомъ съ песочницей, и я любила выводить въ тетрадкѣ разныя палочки и буквы и потомъ засыпать ихъ изъ песочницы съ дырочками мелкимъ пескомъ, отчего онѣ становились выпуклыми.

Нравилось мнѣ и одиночество въ тѣни высо-

[1]) „Довольно, моя милая, возьми свою тетрадку, чернила и перо и иди въ бесѣдку писать прописи, а я пойду заниматься своимъ хозяйствомъ".

кихъ кустовъ акацій, покрытыхъ желтенькими цвѣтами, похожими на маленькихъ канареекъ.

Когда солнечные лучи, пробиваясь сквозь вѣтви бесѣдки, играли круглыми, свѣтлыми пятнышками на моей головѣ, на столѣ и на моей тетради, мнѣ казалось, что я уже большой человѣкъ и могу думать о чемъ-то очень серьезномъ, вспоминая что-то очень, очень важное.

Послѣ письма, самымъ любимымъ занятіемъ моимъ было лазить по деревьямъ и, поднимаясь съ вѣтки на вѣтку, все выше и выше, чувствовать легкость въ тѣлѣ, силу въ рукахъ и свободу.

И вотъ однажды, уже спускаясь съ дерева, рука моя попала между двумя вѣтвями и тамъ застряла...

Отлично помню, что я сознавала, что ее надо только поднять для того, чтобы освободить, но ощущеніе тисковъ и, какъ будто уже знакомаго мнѣ чувства, что я схвачена, закована и лишена свободы, привело меня въ паническій ужасъ и, потерявъ голову, я начала кричать и изо всѣхъ силъ тянуть руку книзу...

Смутно помню какъ прибѣжали люди, сняли меня съ дерева и понесли домой, затѣмъ память теряется на нѣкоторое время и я вижу себя уже въ сумеркахъ въ розовой комнатѣ на диванѣ.

Въ углу горитъ лампадка передъ образомъ, а кругомъ меня встревоженные люди и бабушка, возлѣ нея стоитъ высокая, худая старушка въ

синей паневѣ и бѣлой „занавѣскѣ“; голова ея повязана темнымъ платкомъ и ея морщенное лицо серьезно—это деревенская знахарка или „бабка“ и бабушка о чемъ-то съ ней совѣтуется.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій... — шепчетъ бабка и, взявъ мою руку, внимательно и съ видомъ знатока ощупываетъ ее отъ кисти до плеча, а я, воображая, что мнѣ больно—кричу.

— У нея жилка съ косточки соскочила,—озабоченно говоритъ бабка,—пожалуйте мнѣ лампаднаго маслица, ей надо ручку вправить.

Приносятъ деревяннаго масла въ бутылкѣ и я опять кричу, но бабка, не обращая на это никакого вниманія, сначала крестится на образа и опять шепчетъ молитву, а потомъ начинаетъ мнѣ „править руку“.

Хотя я продолжаю вопить, но мнѣ совсѣмъ не больно, а пріятно чувствовать, какъ она крѣпко растираетъ мою руку своими жесткими пальцами, ловко выворачивая мнѣ то кисть, то локоть.

Обильно уснастивъ мнѣ руку деревяннымъ масломъ, бабка три раза на меня дуетъ, потомъ три раза плюетъ въ сторону и три раза крестится.

— Ну, теперь жилка на косточку опять нашла,— говоритъ она, и меня уносятъ наверхъ, гдѣ я послѣ столькихъ волненій, засыпаю блаженнымъ сномъ въ своей кроваткѣ...

Но будни наши не всегда кончались такими

катастрофами, а обыкновенно протекали тихо и мирно отъ одного воскресенья до другого.

Послѣ уроковъ, въ два часа, у насъ былъ обѣдъ, но такой простой, что ясно припоминаю только щи, гречневую кашу, черный хлѣбъ и квасъ и ягоды съ молокомъ, хотя у насъ и былъ поваръ; но въ тѣ времена у помѣщиковъ не было кухарокъ, кромѣ „черныхъ“ — людскихъ, а все были повара, кулинарные таланты которыхъ или развивались, или глохли, смотря по вкусамъ и потребностямъ ихъ господъ. А бабушка, считая правильнымъ ѣсть простыя кушанья и пріучать дѣтей къ самой простой пищѣ, говорила:

— Дѣтямъ не надо давать никакихъ сластей и закусокъ, ничего соленаго, копченаго, кислаго и остраго, чтобы они были здоровы.

Послѣ обѣда, когда жара спадала, мы шли пѣшкомъ гулять въ поле, или же ѣздили осматривать хлѣба; такъ какъ бабушка, послѣ ухода и смерти Матвѣя Герасимовича, стала сама слѣдить за полевымъ хозяйствомъ; тогда намъ запрягали „тильбюри“ — небольшой шарабанчикъ, въ одиночку, обитый краснымъ бархатомъ и бабушка сама правила сѣрой лошадью, погоняя ее длиннымъ, предлиннымъ кнутомъ, похожимъ на удочку; конецъ его приходился лошади какъ разъ между ушей и когда бабушка имъ помахивала, лошадь, не видя его, ничего не боялась и шла себѣ какъ ей было угодно. Насъ всегда сопровождалъ верховой,

обыкновенно Петръ Павловъ и когда наша лошадь очень ужъ лѣнилась, онъ подгонялъ ее своимъ кнутикомъ.

Любуясь какъ Петръ красиво и ловко ѣздитъ верхомъ, я мечтала тоже когда-нибудь сѣсть на лошадь и помчаться по дорогамъ и полямъ къ синимъ далямъ... Но пока надо было терпѣливо ѣздить рысцой въ „тильбюри", довольствуясь тѣмъ, что бабушка позволяетъ мнѣ держать конецъ возжей и воображать, что я правлю.

Когда мы подъ вечеръ бывало возвращаемся домой съ поля, случалось, что солнце уже садилось и въ свѣтломъ небѣ, въ нагроможденныхъ надъ нимъ облакахъ, виднѣлись чудныя страны— розовыя озера и сверкающіе пурпуромъ и золотомъ волшебные города, среди высокихъ снѣжныхъ горъ.

Кто пребываетъ въ этихъ чудесныхъ странахъ?... Можетъ быть *Они* знаютъ, что мы живемъ здѣсь на землѣ и съ неба видятъ, какъ мы, точно маленькія букашки, полземъ по дорогѣ, воображая, что очень скоро ѣдемъ...

На противоположной сторонѣ въ совсѣмъ уже потемнѣвшемъ небѣ, какъ будто видно зарево далекаго пожара — это красный, круглый мѣсяцъ восходитъ на смѣну солнца, но еще не свѣтитъ и облака пыли, подымаемыя приближающимся стадомъ, еще озарены послѣдними отблесками солнечнаго свѣта.

Впереди по дорогѣ идетъ быкъ и, дико озираясь, мычитъ страшнымъ голосомъ, а за нимъ, двигаясь сплошной массой, идутъ къ рѣкѣ коровы и овцы, распѣвая разными голосами; среди этого пѣнія слышится жалобное блеяніе ягнятъ, точно дѣтскій плачъ и раздаются громкіе, какъ выстрѣлы, удары по воздуху длиннаго бича пастуха. За нимъ, высуня языкъ, бѣжитъ его собака, спѣша напиться въ рѣкѣ вмѣстѣ съ стадомъ.

Въ усадьбѣ уже почти темно и воздухъ влаженъ отъ росы. Къ чаю зажигаютъ масляную лампу въ залѣ на стѣнѣ и на столъ ставятъ свѣчи.

Опять, какъ утромъ, на столѣ бушуетъ и кипитъ самоваръ, ожидая бабушку, а въ открытое окно смотритъ тихій, синѣющій вечеръ и въ облакахъ видны серебристые отблески восходящаго свѣтила, но уже не краснаго мѣсяца, а зеленоватой луны, разливающей въ темномъ саду таинственный свѣтъ и тѣни.

Въ лунномъ сіяніи и влагѣ росы, нѣжнѣе благоухаютъ цвѣты и, пробудившійся соловей начинаетъ воспѣвать красоту наступающей ночи...

Возможно-ли, что эти дивные звуки и чудныя трели исходятъ изъ устъ маленькой, сѣренькой, пугливой птички?...

Лягушки, дождавшись вечерней сырости, одна за другой выползаютъ изъ травы -- послушать соловья и посмотрѣть луну и движутся темными пятнышками по освѣщенной дорожкѣ...

Никакъ не могу преодолѣть къ нимъ страха и потому предпочитаю по вечерамъ смотрѣть въ садъ съ верхняго балкона..

Глава IX.

Бывало вечеромъ стоишь на верхнемъ балконѣ Красновскаго дома, положивъ руки на высокія перила, а на нихъ голову, слушаешь соловья смотришь въ садъ и въ небо на луну и звѣзды, и думаешь:

„Какія высокія, высокія у насъ деревья, а небо еще выше... Но что же выше неба?..“

И при лунномъ свѣтѣ въ душѣ пробуждается чувство *Необъятности Выси*, къ которой вмѣстѣ съ трелями соловья уносятся мысли, стремится душа...

Туда же тянутся деревья и цвѣты, все выше, выше, пышно разростаясь надъ землей и проникая корнями къ ея сердцу все глубже, глубже, не только потому, что мы въ Красномъ окружены холмами, съ которыхъ къ намъ со всѣхъ сторонъ бѣгутъ вешнія и дождевыя воды, орошая наши рощи и сады, и не только оттого, что, защищенные со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра и непогоды, они спокойно нѣжатся въ горячихъ лучахъ солнца,— нѣтъ, они такъ разрастаются и такъ чудно цвѣтутъ также и потому, что вмѣстѣ съ земной вла-

гой и небесной теплотой ихъ питаетъ любовь моей прабабушки, которую при ея жизни называли ангеломъ на землѣ. Она жила здѣсь и любила это мѣсто, она здѣсь и домъ построила и обсадила его деревьями и многолѣтними цвѣтущими кустами; и теперь, когда ея уже нѣтъ, а мы гуляемъ въ Красновскомъ саду, бабушка ее часто вспоминаетъ и мы съ ней чувствуемъ любовь ея матери и въ темныхъ аллеяхъ ласково смыкающихъ свои своды надъ нашей головой, и подъ липами, покровительственно простирающими надъ нами свои вѣтви, и на лугу, возлѣ рѣки, среди высокихъ, ласково обнимающихъ насъ травъ; любовь эта звучитъ и въ полѣ, возлѣ усадьбы, гдѣ золотистая рожь привѣтливыми поклонами призываетъ насъ полюбоваться ея шелковисто-шумящими волнами и возлѣ нихъ отдохнуть на полевой межѣ.

Бывало, въ дѣтствѣ, съ разбѣга окунаясь въ эти душистыя колыхающіяся волны созрѣвающаго хлѣба и собирая въ ихъ глубинахъ васильки, чувствуешь себя рыбкой, а выплывая изъ моря ржи на просторъ, воображаешь себя уже не рыбкой, а птичкой и махая по воздуху руками, какъ крылышками, бѣжишь съ поля въ лѣсъ и тамъ между деревьями летаешь въ лучахъ солнца, падающихъ золотымъ дождемъ сквозь развѣсистыя вѣтви.

Какъ радостно бываетъ подбѣгать въ лѣсу къ милымъ березкамъ и вмѣстѣ съ солнцемъ обнимать ихъ тонкіе стволы и нѣжно цѣловать ихъ

бѣлую, бархатистую кору, чувствуя, какъ въ отвѣтъ на эту ласку березки тихо покачиваются и шелестятъ зеленой листвой... Всюду кругомъ насъ съ солнцемъ въ лѣсу играетъ тѣнь, а въ тѣни растутъ лѣсныя травы и грибы.

Мы съ бабушкой очень любимъ ихъ искать и собирать.

— J'ai trouvè un champignon [1])!—зоветъ она меня и я лечу къ ней и вижу притаившійся въ травѣ молодой грибъ съ толстенькимъ бѣлымъ тѣльцемъ и ладно надѣтой на немъ шапочкой, очень онъ хорошъ, точно маленькое дитя...

И вдругъ замѣчаю, что въ сторонкѣ отъ него стоитъ другой грибъ, немного старше и прикрывается сухимъ листочкомъ, чтобы его не замѣтили.

— Бабуля!—кричу я.—Voila encore un champignon [2])!

— А, опять подберезникъ!—радуется она и я кладу его въ свою шляпу рядомъ съ первымъ.

Возвращаясь домой, мы идемъ по лѣсу по дорогѣ къ аллеѣ, ищемъ грибы и намъ попадаются толкачики на тонкихъ ножкахъ съ бѣлыми, какъ слоновая кость головками, розовыя и зеленыя сыроѣжки и подберезники въ бархатныхъ шляпахъ, а въ аллеѣ между старыми акаціями мы находимъ семейство шампиньоновъ. Моя соломен-

---

[1]) „Я нашла грибъ!“

[2]) „Вотъ еще грибъ“.

ная шляпа съ широкими полями полна, полонъ грибами и бабушкинъ носовой платокъ.

— Ну, вотъ! — весело говоритъ она. — Nous avons fait une bonne récolte, — цѣлый грибной обѣдъ у насъ будетъ сегодня,—и супъ, и соусъ, теперь пойдемъ домой и отдадимъ ихъ повару.

Чтобы сократить дорогу, мы изъ темной аллеи пробираемся черезъ лазейку въ фруктовый садъ и тамъ, въ яркихъ солнечныхъ лучахъ опять встрѣчаетъ насъ забота и любовь прабабушки и въ чащѣ малины, и среди развѣсистыхъ, отягченныхъ ягодами кустовъ смородины и крыжовника, между которыми на деревьяхъ весной обильно цвѣли, а теперь зрѣютъ вишни, сливы, яблоки и груши въ тепломъ затишьѣ сада, окруженнаго аллеями и рощами.

— Какая здѣсь благодать и какъ все чудесно растетъ, мы точно въ раю! — говоритъ бабушка.

— И мы съ тобой Адамъ и Ева, бабуленька,— отвѣчаю я, вспоминая ея разсказы изъ Священной Исторіи.

Она смѣется и, озираясь кругомъ опытнымъ хозяйственнымъ взглядомъ, всюду видитъ молодые, сильные, покрытые плодами побѣги.

И въ самомъ дѣлѣ, сады наши такъ высоки и пышны, что закрываютъ старый домъ нашъ непроницаемой для глазъ стѣною, пряча его такъ же, какъ очарованный лѣсъ въ царствѣ спящей царевны скрывалъ отъ взоровъ ея замокъ,

и такъ же, какъ тамъ, въ нашемъ домѣ вещи, мебель, книги въ шкафахъ и портреты на стѣнахъ, какъ очарованные, блаженно дремлютъ среди цвѣтущей тишины сада и, впитывая его душистую влагу, благоухаютъ стариной.

Въ залѣ между окнами задумчиво стоитъ прабабушкино инкрустованное перламутромъ и бронзой старое фортепьяно продолговатой формы, на четырехъ точеныхъ ножкахъ и съ педалью въ видѣ лиры.

Когда я подхожу къ нему и поднимаю его крышку, оно меня встрѣчаетъ пріятнымъ запахомъ палисандра и привѣтливо улыбаясь мнѣ своими бѣлыми и черными клавишами, отзывается на легкое прикосновеніе пальца нѣжнымъ звукомъ, переходящимъ въ тихую рѣчь, когда перебираешь его клавиши.

Это фортепьяно — мой милый старый „прадѣдушка“ и онъ на разныхъ нотахъ отвѣчаетъ мнѣ на вопросъ, какая изъ нихъ лучше всѣхъ:

„Ищи — найдешь, слушай — узнаешь, люби— поймешь“.

И складывая его звуки въ мелодіи и собирая ихъ въ аккордъ, я къ нимъ прислушиваюсь и постепенно начинаю понимать, что всѣ они одинаково прекрасны и нужны, чтобы воспѣвать красоту сада, свѣтъ солнца и луны и Что-То, что выше ихъ, что краше ихъ... Позднѣе, познавъ, что То — Любовь, я повѣряла старому прадѣ-

душкѣ фортепьяно тайны сердца, самыя высокія, сокровенныя чувства свои, для которыхъ не было словъ, а были только звуки, исходящіе изъ глубины души.

Бабушка также любила „прадѣдушку“ и бывало подъ вечеръ, присаживаясь къ нему и играя старые ноктюрны, она его о чемъ-то точно вопрошаетъ, а потомъ, пробывъ нѣсколько минутъ въ мечтательномъ молчаніи, начинаетъ пѣть старинный романсъ „L'etoile“ [1]).

Тогда я забираюсь въ уголокъ дивана и сливаясь съ глубокимъ раздумьемъ сумерокъ, слушаю какъ тихо дрожитъ въ воздухѣ ея мелодичный голосъ... И мебель въ залѣ, и садъ какъ будто тоже ему внимаютъ, вспоминая старину... И кажется мнѣ, что я тоже ее знаю и люблю, но только вспомнить не могу и сердце у меня томится... А въ темныхъ углахъ комнаты, чудится— встаютъ таинственныя тѣни и вмѣстѣ съ звуками уносятся въ открытое окно . . . . . .

. . . . . .

Прадѣдушка-фортепьяно не только былъ мой другъ, но и мой первый учитель музыки.

Мудрый въ своемъ благомъ молчаніи и стройный въ своемъ звучаніи, онъ каждый день, прекраснымъ, безмолвнымъ видомъ своимъ призывалъ меня, маленькую дѣвочку, къ себѣ и мы

---

[1]) „Звѣзда“.

вмѣстѣ проводили нѣсколько времени, претворяя наши чувства въ звуки ..

— Ce que tu viens de jouer est très joli, [1])— однажды сказала мнѣ бабушка, подслушавшая насъ—лицо у нея было удивленное и радостное.

— Tu as du talent pour la musique, ma chère, [2])— добавила она и можетъ быть въ первый разъ въ жизни, испытывая передъ ней чувство застѣнчивости, я опустила глаза и молчала, стараясь понять значеніе ея словъ.

— Сыграй-ка мнѣ еще разъ то, что ты сейчасъ играла,—сказала она и, взявъ съ этажерки листъ нотной бумаги, она вынула изъ ридикюля карандашъ и приготовилась писать.

По ея просьбѣ мы съ „прадѣдушкой“ еще нѣсколько разъ повторили рядъ фразъ, сложившихся изъ его нотъ и выражавшихъ мою сердечную привязанность къ Негро и любовь мою къ саду и цвѣтамъ и бабушка ихъ записала.

— Ну теперь готово—voilà ta composition... [3])

Только послѣ долгихъ объясненій, мнѣ удалось понять значеніе и цѣль начертанныхъ ею на бумагѣ линеекъ, кружковъ, точекъ и крючковъ и я узнала, во-первыхъ, что то, что я играла и бабушка записывала есть *музыка* — „un morceau de musique“, которую она хочетъ назвать „Fan-

---

[1]) „То, что ты сейчасъ играла, очень красиво“.

[2]) „У тебя есть талантъ къ музыкѣ, моя милая“.

[3]) „Вотъ твое сочиненіе“.

taisie enfantine", [1]) во-вторыхъ, что мое „сочиненіе" должно сдѣлаться достояніемъ міра, то есть о немъ всѣ должны узнать въ Ивановскомъ.

— Вотъ мы на-дняхъ туда поѣдемъ,—объявила бабушка,—и ты подаришь эти ноты, которыя я начисто перепишу, tante Sophie въ день ея рожденія и скажешь ей:

— Ma chère tante Sophie! Je te félicite; permets moi de te présenter ma premiére composition musicale.

Замѣтивъ сіяніе на бабушкиномъ зарумянившемся лицѣ и заключивъ изъ этого, что она даетъ мнѣ важное порученіе, я все время передъ отъѣздомъ въ Ивановское о немъ думала и, гуляя съ Негро послѣ утренняго чая, все твердила не совсѣмъ понятныя мнѣ слова:

— Permets moi de te présenter... ma première... composition musicale... mu-si-ca-le...

— Негро!—ты понимаешь, что я говорю?

Негро нервно зѣвнулъ въ отвѣтъ, сконфуженно замахалъ хвостомъ, легъ на спину и поджалъ лапы, что означало, что, хотя ему и очень совѣстно въ этомъ признаться, но онъ ровно ничего не понимаетъ...

---

[1]) „Дѣтская фантазія".

Глава X.

Три грохота въ одинъ смычекъ.

Если Красное, укрывающееся за холмами на пригоркѣ, возлѣ узенькой быстрой рѣчки, было царствомъ зелени и тѣни, Ивановская усадьба, стоявшая на высокой горѣ на берегу широкой, спокойной рѣки, было царствомъ солнца и цвѣтовъ, среди которыхъ, въ красиво распланированныхъ вокругъ дома цвѣтникахъ, гуляли павлины, нарядно раскрывая вѣеромъ свои чудесные хвосты.

За цвѣтниками въ Ивановскомъ не было лѣсной чащи какъ въ Красномъ, но къ рѣкѣ спускались вычищенныя рощи, сквозь которыя съ террасы бѣлаго дома изъ-за колоннады былъ видѣнъ мерцающій на солнцѣ блескъ воды.

Съ другой стороны дома за густой еловой рощицей, растущей посреди широкаго шоссированнаго двора, стояли постройки — флигель, кухня, конюшня, гдѣ съ лошадьми жилъ старый козелъ, и каретный сарай, возлѣ котораго на цѣпи ходилъ ручной волкъ. Дальше былъ огромный фруктовый садъ съ теплицами и оранжереей, а у самаго въѣзда въ усадьбу, на обширномъ выгонѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ деревни, стояла бѣлая каменная церковь и свѣтлый звонъ ея колоколовъ, раздававшійся въ утренніе и вечерніе часы, при-

давалъ праздничный оттѣнокъ солнечному настроенію Ивановскаго.

Съ другой стороны усадьбы, гдѣ за глубокимъ оврагомъ на горѣ была большая псарня, въ эти же часы, какъ бы споря съ умиротворяющимъ звономъ колоколовъ, слышался лай и вой проголодавшихся охотничьихъ гончихъ и борзыхъ собакъ и окрики псарей, приносившихъ имъ въ это время пищу.

Ивановское было въ сорока верстахъ отъ Краснаго, на границѣ Чернскаго и Ефремовскаго уѣздовъ, на рѣкѣ „Ситовой Мечи", впадавшей въ „Красивую Мечу", возлѣ которой находились „Тургеневскія мѣста", описываемыя имъ въ его „Запискахъ охотника" и его охотникъ „Ермолай съ собачкой Валеткой"—большой пріятель моего дяди Юрія Петровича, часто навѣщалъ его въ Ивановскомъ, когда тамъ затѣивалась охота.

Этотъ Ермолай, котораго я уже знала старикомъ, на самомъ дѣлѣ назывался не Ермолаемъ, а Ѳеногеномъ и онъ славился во всемъ округѣ не только какъ бывшій Тургеневскій охотникъ, но и какъ остроумный человѣкъ, умѣвшій тонко подшучивать надъ „господами" и, хотя дядя Юрій Петровичъ тоже, при случаѣ, надъ нимъ подсмѣивался, но дѣлалъ это осторожно и съ оттѣнкомъ почтительности.

Помню какъ съ появленіемъ Ѳеногена, въ прихожей Ивановскаго дома собирались мои дядюшки

и ихъ гости, охотники, и тотчасъ же вокругъ Ѳеногена создавалось особенно оживленное настроеніе, а рядомъ изъ „буфетной“, слушая разговоры и шутки, выглядывали лакеи Николай, Дмитрій и буфетчикъ Савелій — страстный охотникъ и почитатель Ѳеногена.

Всѣхъ остротъ Ѳеногена припомнить не могу, но вспоминаю, какъ однажды дядя спросилъ его, отчего у него нѣтъ переднихъ зубовъ.

— А можетъ быть ихъ у меня дворяне повышибали,— съ такой тонкой ироніей, шепелявя отвѣтилъ Ѳеногенъ, что дядя сконфузился, а лакеи въ буфетной прыснули со смѣху.

— Бывали, бывали въ старину за господами такіе грѣшки,—покосился Ѳеногенъ въ сторону буфетной.

— Ну, а теперь небось другія времена—посмотрѣлъ онъ на господъ и дядя, какъ бы извиняясь передъ нимъ за „дворянъ въ старину“, ласково потрепалъ его по плечу.

— Савелій!—сказалъ онъ буфетчику,—поднеси Ѳеногену рюмочку дрей-мадеры.

— Не за „дримадеру“, а за ласку спасибо, баринъ,—отвѣтилъ Ѳеногенъ и, взглянувъ добрыми глазами на дядю, опрокинулъ въ свой беззубый ротъ, поднесенную ему на серебряномъ подносѣ большую рюмку съ темной влагой.

Когда мнѣ было десять лѣтъ и я узнала отъ дяди, что Ѳеногенъ умѣетъ играть на скрипкѣ,

онъ особенно заинтересовалъ меня, потому что въ это время я сама начала учиться на этомъ инструментѣ у стараго музыканта Василія Гавриловича, жившаго въ Ивановскомъ, такъ какъ ему, какъ и Ивану Акимовичу, некуда было дѣваться и нечего было ѣсть.

Встрѣтивъ Василія Гавриловича на ярмаркѣ въ Ефремовѣ, гдѣ онъ разорился со своимъ оркестромъ, дядя Юрій Петровичъ пожалѣлъ его и хотѣлъ ему помочь, но Василій Гавриловичъ былъ человѣкъ чрезвычайно гордый и жить у кого бы то ни было на хлѣбахъ изъ милости ни за что не согласился бы, поэтому дядя прибѣгнулъ къ хитрости—онъ притворился, что хочетъ учиться на флейтѣ, а дядя Митя, младшій братъ его, сказалъ, что будетъ учиться на скрипкѣ и Василій Гавриловичъ, умѣвшій играть на всѣхъ инструментахъ, снизойдя къ ихъ просьбамъ, поселился въ Ивановскомъ въ качествѣ домашняго учителя музыки и согласился заниматься на скрипкѣ и со мной.

Когда дядя, въ моемъ присутствіи, объявилъ объ этомъ Ѳеногену, которому онъ сообщалъ всѣ важныя новости Ивановскаго, Ѳеногенъ одобрительно кивнулъ головой и подманилъ меня къ себѣ пальцемъ.

Подойдя къ нему, я замѣтила насколько онъ ростомъ больше дяди, потому что мнѣ пришлось

гораздо выше поднять голову, чтобы смотрѣть въ его бритое, сморщенное лицо.

— А можешь ли ты *три грохота въ одинъ смычекъ сдѣлать?* — важно спросилъ онъ, глядя на меня сверху внизъ, какъ на ничтожную букашку.

Не понимая значенія этихъ словъ, я почтительно молчала.

— Еще не можешь?—Ну, когда выучишься, будешь въ Ефремовѣ въ общественномъ трактирѣ играть, а пока вникай и учись, — покровительственно положилъ онъ мнѣ руку на голову.

Эти таинственныя слова *три грохота въ одинъ смычекъ*, произнесенныя Ѳеногеномъ съ видомъ знатока, произвели на меня огромное впечатлѣніе, но такъ какъ никто не могъ мнѣ объяснить ихъ смысла, они остались для меня *скрипичной загадкой*, заставившей меня искать и усердно заниматься, поэтому я дѣлала успѣхи и черезъ нѣсколько лѣтъ пророчество Ѳеногена исполнилось—я играла въ Ефремовѣ, но не въ общественномъ трактирѣ, а въ общественномъ саду въ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ ефремовскимъ предводителемъ дворянства, Ѳедоромъ Александровичемъ Свѣчинымъ въ пользу Сербовъ во время ихъ войны съ Турками въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Въ этомъ концертѣ также участвовала его молоденькая кузина, мой другъ и сверстница, Варя Зарудная — теперь извѣстный профессоръ пѣнія

Московской консерваторіи. Уже тогда, прекрасно владѣя своимъ очаровательнымъ голосомъ, она пѣла какъ соловей, чаруя слушателей, и мы съ ней въ чудесный августовскій вечеръ выступали въ Ефремовѣ при звѣздахъ и лунѣ на открытой сценѣ маленькаго досчатаго театра, стоявшаго въ концѣ освѣщеннаго цвѣтными фонариками общественнаго сада, замѣнявшаго намъ концертный залъ.

Передъ нами на досчатыхъ, наскоро сбитыхъ скамьяхъ, сидѣла многочисленная публика—мѣстные помѣщики и гости изъ сосѣднихъ уѣздовъ, изъ Тулы и изъ Москвы; они восхищались пѣніемъ моего друга Вари и съ удивленіемъ видѣли *барышню, играющую на скрипкѣ.*

Такое явленіе въ Россіи, въ тѣ времена было довольно необычно и поражало многихъ не только въ провинціи, но и въ столицѣ, вызывая даже вопросъ, прилично ли дѣвушкѣ играть на скрипкѣ, а тѣмъ болѣе выступать съ этимъ инструментомъ передъ публикой; этотъ вопросъ безпокоилъ даже бабушку, придававшую большое значеніе тому, что скажутъ „въ обществѣ“ и онъ явился препятствіемъ къ осуществленію моей давнишней мечты поступить въ консерваторію, о чемъ бабушка и слышать не хотѣла; но мой профессоръ, Л. С. Ауэръ, смѣнившій Василія Гавриловича и двухъ другихъ моихъ преподавателей и занимавшійся со мной сначала какъ съ частной ученицей—первой своей *ученицей* и чуть ли не единственной тогда

русской дѣвочкой скрипачкой, потребовалъ, чтобы я поступила въ консерваторію въ его классъ и бабушка, хотя сопротивлялась, но должна была согласиться.

— Voyez vous, Monsieur Auer, je doute que ce soit convenable pour une jeune fille d'apprendre au conservatoire avec des jeunes jens [1] — начала она, краснѣя и умоляюще глядя на Л. С. Ауэра, котораго она не только любила какъ чудеснаго скрипача, но и уважала какъ умнаго передового человѣка.

— Oh, madame!—On ne regarde plus la crinoline [2] -засмѣялся Л. С. Ауэръ—и бабушка, тоже считавшая себя передовой женщиной, была покорена; ей оставалось утѣшаться мыслью, что въ консерваторіи уже раньше училась у Венявскаго молодая иностранка.

— Пусть и русскія дѣвушки учатся на скрипкѣ въ консерваторіи, — поддержалъ Л. С. Ауэра мой отецъ, сочувствовавшій просвѣщенію женщинъ.

И въ самомъ дѣлѣ, по моему примѣру все въ большемъ и большемъ числѣ въ консерваторію въ классъ скрипки стали поступать барышни и неза-

---

[1]) Видите-ли, г-нъ Ауэръ, я сомнѣваюсь, прилично ли молодой дѣвушкѣ учиться въ консерваторіи съ молодыми людьми.

[2]) О, сударыня! теперь ужъ больше не смотрятъ на кринолинъ.

мѣтно открылся широкій путь дѣятельности женщинамъ скрипачкамъ на музыкальномъ поприщѣ.

Такъ какъ во время описываемаго мною концерта въ Ефремовѣ, я уже хорошо играла, мы съ Варей Зарудной заслуженно „пожинали лавры“ и букеты живыхъ цвѣтовъ вѣнчали успѣхъ двухъ молоденькихъ начинающихъ артистокъ — успѣхъ не только внѣшній, но настоящій внутренній успѣхъ, созданный вдохновляющей всѣхъ благой цѣлью концерта, обратившагося въ настоящій музыкальный праздникъ, устроенный всѣми любимымъ, справедливѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ Ѳ. А. Свѣчинымъ.

Публика послѣ концерта восторженно привѣтствовала и его, а въ это время за оградой сада, гдѣ стоялъ *народъ*, также любившій Ѳедора Александровича, толпа, слышавшая овацiи, гудѣла отъ удовольствія.

— О, если бъ Ѳеногенъ былъ живъ, онъ непремѣнно былъ бы здѣсь и, отдавая дань справедливости „доброму барину“, онъ навѣрное одобрилъ бы и моего профессора Л. С. Ауэра, выучившаго меня играть на скрипкѣ трудныя концертныя вещи, въ составъ которыхъ вѣроятно входили и *три грохота въ одинъ смычекъ*.

Но что же, наконецъ, значатъ эти таинственныя слова?

— Мамочка, это навѣрное означаетъ *аккордъ*?— сказалъ мнѣ на-дняхъ мой младшій сынъ Коля.

— Ну, конечно, аккордъ! И я объ этомъ узнала только черезъ тридцать пять лѣтъ...

— — —

Глава XI.

Охота.

Вспоминая Ѳеногена и тѣ времена, вижу его рослую фигуру, характерную своей худобой.

На немъ высокіе сапоги и темная куртка неопредѣленнаго цвѣта, поверхъ которой скрещиваются ремни ягташа и патронташа; за спиной у него ружье и обѣ руки засунуты за широкій кожаный поясъ.

Онъ очень сердитъ и въ волненіи шагаетъ взадъ и впередъ по террасѣ со стороны двора, между двумя крыльцами Ивановскаго дома и его тощая собачка, можетъ быть уже третья или четвертая „Валетка“, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ.

Ѳеногенъ хмурится и ворчитъ себѣ подъ носъ, но достаточно громко, чтобы „господа“, которые всегда „копаются“, когда пора ѣхать на охоту, могли его услышать черезъ открытыя окна кабинета.

— Все чаи да кофеи по утрамъ распиваютъ... На охоту ѣхать—собакъ кормить... А ужъ десятый часъ!.. — шипитъ Ѳеногенъ, посматривая на солнце.

А въ кабинетѣ слышится смѣхъ—тамъ только

что отпили утренній чай и, поджидая сосѣдей-охотниковъ, не спѣша собираются.

Въ кабинетъ, называемый моими тетушками „la chambre des messieurs“ [1]), никто изъ женской половины Ивановскаго дома никогда не входилъ, но мнѣ, маленькой дѣвочкѣ, туда можно было ходить, и я отлично помню не только расположеніе комнатъ и вещей мужской половины, но даже запахъ кабинета — соединеніе тонкаго аромата дыма хорошихъ папиросъ съ душистымъ воздухомъ сада, проникающимъ въ открытыя окна сквозь вставленныя въ нихъ отъ мухъ мелкія желѣзныя сѣтки; черезъ эти сѣтки и дворъ съ постройками, и еловая роща, и шагающій по галлереѣ Ѳеногенъ казались мнѣ живыми картинами, вышитыми по канвѣ, освѣщенными солнцемъ шелками.

Кабинетъ находился въ нижнемъ этажѣ дома и состоялъ изъ двухъ комнатъ: одной большой — въ три окна, другой поменьше — въ два окна; въ обѣихъ комнатахъ стояли дубовые шкафы съ книгами и между ними турецкіе диваны, на которыхъ удобно было спать; надъ диванами на стѣнахъ висѣли персидскіе ковры и старинное оружіе, а надъ однимъ изъ ковровъ была прибита къ стѣнѣ большая деревянная голова лягавой собаки съ арапникомъ въ зубахъ.

---

[1]) Комната мужчинъ.

Я очень любила эту голову, потому что вообще любила собакъ, а она мнѣ особенно напоминала моего умершаго друга, дядинаго „Трезора“, котораго смѣнилъ рыжій сетеръ „Спортъ“, но и онъ погибъ геройской смертью, защищая отъ нападенія бѣшеной собаки Ольгу Сергѣевну, tante Olga, жену дяди Юрія Петровича и въ Ивановскомъ осталась только моська grande maman, на которую я перенесла всю любовь къ своимъ покойнымъ друзьямъ. Охотничьихъ собакъ я тоже любила, несмотря на то, что онѣ были грубы, прыгали прямо на плечи, безцеремонно дышали въ лицо и лизали въ губы, но все же онѣ были собаки и потому были милы мнѣ.

Какъ сейчасъ вижу кабинетъ въ Ивановскомъ въ этотъ день сборовъ на охоту.

Посреди большой комнаты, возлѣ дубоваго стола, не обращая никакого вниманія на воркотню Ѳеногена, сидятъ Юрій Петровичъ, дядя Митя и Василій Гавриловичъ и возятся съ порохомъ и дробью, а въ сосѣдней комнатѣ Николай Петровичъ, oncle Nicolas, не спѣша надѣваетъ элегантный охотничій костюмъ, костюмъ этотъ зеленый для того, чтобы обмануть звѣрей и птицъ и чтобы они не могли отличить его отъ лѣса.

Пока oncle Nicolas одѣвается, дядя Юша остритъ и надъ нимъ, и надъ Ѳеногеномъ, и надъ Василіемъ Гавриловичемъ и всѣ смѣются, заглушая доносящіеся изъ залы нѣжные звуки рояля:

тамъ дядя Саша, не собиравшійся на охоту и не любившій ее, игралъ „Пѣснь золотой рыбки“, новое сочиненіе своего друга, молодого композитора Балакирева—романсъ, посвященный моей матери.

Вступительная фраза этого романса была мнѣ такъ же знакома, какъ свѣтъ солнца, вливающійся въ окна двухсвѣтной залы Ивановскаго дома и была мнѣ такъ же мила, какъ нѣжный ароматъ бѣлыхъ цвѣтовъ комнатнаго жасмина и воскового плюща, стоявшихъ въ залѣ на окнахъ рядомъ съ другими цвѣтами.

Этой музыкальной фразой дядя Саша начиналъ свой день и когда, часовъ въ десять утра, я ее слышала, это значило, что можно бѣжать къ нему въ залу и, наслушавшись музыки, потомъ играть съ нимъ въ интересныя „спартанскія игры“, какъ называлъ онъ разныя импровизированныя упражненія для развитія находчивости, силы воли, ловкости и терпѣнія.

— Я хочу изъ тебя сдѣлать спартанскую женщину,—бывало говорилъ онъ мнѣ во время этихъ игръ и, хотя онъ меня ими иногда мучилъ, но мнѣ было пріятно терпѣть и слышать отъ него эти слова, означавшіе, что дядя Саша, поклонникъ и знатокъ античнаго міра, меня любитъ и посвящаетъ въ его тайны.

Въ кабинетѣ всѣ притихли, когда дядя Саша запѣлъ слова „пѣсни золотой рыбки“:

„Дитя мое, останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье и холодъ, и покой.
Я созову моихъ сестеръ, мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ и духъ усталый твой.
Уснн—постель твоя мягка, прозраченъ твой покровъ,
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка подъ говоръ чудныхъ сновъ.
О, милый мой, не утаю, что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю, люблю, какъ жизнь мою“.

Поднявъ на послѣднихъ словахъ свой голосъ на высокую, высокую ноту, дядя Саша опустилъ его на низкій звукъ, который замеръ среди музыкальныхъ фразъ, напоминавшихъ плескъ воды.

А вѣдь хороша эта музыка,— сказалъ Василій Гавриловичъ, бросившій набивать патроны.

— Еще бы нехороша, вѣдь это Лермонтовъ и Балакиревъ,— отвѣтилъ Юрій Петровичъ и, заслушавшись музыки, никто не замѣтилъ, какъ изъ-за церкви послышался и все приближался звонъ бубенцовъ.

— Ѣдутъ, ѣдутъ!— шумно растворивъ дверь изъ прихожей влетѣлъ въ дверь старичекъ Иванъ Акимовичъ.

Онъ былъ одѣтъ въ самодѣльный охотничій костюмъ, подпоясанный ремнемъ съ кинжаломъ и глаза его на рябомъ лицѣ горѣли воинственнымъ огнемъ—недаромъ же онъ когда-то былъ офицеромъ и воевалъ съ туркой.

На дворѣ уже собиралась охота: слышался топотъ лошадиныхъ ногъ, конское ржаніе, лай и визгъ собакъ, которыхъ охотники укрощали ударами арапниковъ.

Изъ прихожей въ кабинетъ вошелъ буфетчикъ Савелій, тоже одѣтый охотникомъ и доложилъ:

— Ѳедоръ Александровичъ! Ѣдутъ-съ!

И въ ту же минуту, звеня бубенцами и наборной сбруей, къ крыльцу подкатила нарядная тройка и изъ коляски вышелъ симпатичный молодой человѣкъ высокаго роста, — Ѳедоръ Александровичъ Свѣчинъ—Ѳеденька, какъ звали его друзья; слѣдомъ за нимъ къ дому подъѣхали другіе экипажи и дворъ, и прихожая, и кабинетъ наполнились веселыми голосами и оживленіемъ, въ которомъ совершенно потонуло дурное, ворчливое настроеніе Ѳеногена...

Въ это время наверху, въ дамской половинѣ, выходившей балкономъ на дворъ, тревожилась жена Юрія Петровича—tante Olga.

— Боже мой, Боже мой! Опять собаки, охотники, вино и кутежи, и все это, чтобы затравить какого-нибудь несчастнаго зайца, — волновалась она.

— Что дѣлать, другъ мой, мужчины, какъ дѣти: когда имъ хочется веселиться, они ни о чемъ не думаютъ и теряютъ разумъ, — старалась ее утѣшить tante Sophie.

Онѣ спустились въ залу, чтобы проводить охотниковъ и Ольга Сергѣевна, перекрестивъ мужа, старавшагося придать благоговѣйное выраженіе своему смѣющемуся лицу, шепнула ему:—George, Бога ради, будьте осторожны.—Она всегда боялась, чтобы на охотѣ, въ наказаніе за жестокость людей, не случилось бы какого-нибудь несчастія.

Обожая мужа, Ольга Сергѣевна радовалась когда онъ веселился и развлекался музыкой и садомъ, но противъ его охоты и кутежей она возставала всей душой и за это мужчины называли ее „пуританкой", а мужъ, извиняя ей эту „слабость" и стараясь пріучить ее къ охотѣ, постоянно звалъ ее смотрѣть „травли"—репетиціи охоты, которыя онъ устраивалъ въ полѣ возлѣ псарни, выпуская молодыхъ неопытныхъ собакъ на пойманныхъ заранѣе звѣрей, но Ольга Сергѣевна отказывалась отъ этого „удовольствія", что очень огорчало Юрія Петровича.

Однажды онъ уговорилъ ее посмотрѣть совсѣмъ безобидное зрѣлище — первое знакомство маленькихъ охотничьихъ щенятъ съ двумя волченятами; Ольга Сергѣевна согласилась и мы всѣ отправились на лугъ къ рѣкѣ.

Очень интересно было видѣть, какъ стая приведенныхъ изъ псарни черненькихъ, рыженькихъ и пестренькихъ живыхъ, пушистыхъ шариковъ съ блестящими, какъ бусеньки глазами и острыми,

какъ иголочки бѣлыми зубками, играли съ двумя такими же пушистыми сѣрыми шарами, не подозрѣвавшими, что они находятся въ компаніи дѣтей гончихъ и борзыхъ собакъ, враговъ ихъ родителей—волковъ.

Все шло прекрасно и мы уже начали умиляться дружбой щенятъ и волченятъ, но вдругъ все испортилъ услужливый псарь.

— Улюлю! Улюлю! Ату его!..—закричалъ онъ во все горло и, затрубивъ въ рогъ, началъ арапникомъ подгонять мирно игравшую толпу къ рѣкѣ, возлѣ которой была большая рыбная сажелка.

Отъ звуковъ ли рога, криковъ и ударовъ арапника, но въ маленькихъ животныхъ начали пробуждаться звѣриные инстинкты и мирная игра постепенно превратилась въ ожесточенную драку.

Волченята, которыхъ начали грызть щенята, огрызаясь, бросились въ воду, а за ними туда же кинулись щенята, псарь также влѣзъ въ сажелку и, стоя по колѣна въ водѣ, продолжалъ трубить въ рогъ и „улюлюкать“, натравливая другъ на друга щенятъ и волченятъ, пока, обезсилѣвъ отъ злости, они не начали захлебываться въ водѣ; тогда, вытащивъ волченятъ изъ сажелки, псарь понесъ ихъ домой, а щенята, страшно визжа и свирѣпо рыча тоненькими голосами, толпой бросились за нимъ.

— Неправда ли, интересно и забавно?—спросилъ дядя свою жену.

— Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой. Все это очень печально,—грустно отвѣтила Ольга Сергѣевна и пошла домой.

Какъ-то разъ, не спросивъ ни у кого позволенія, дядя взялъ меня съ собой на травлю и я до сихъ поръ вспоминаю о ней съ тяжелымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, которое тогда я старалась заглушить какимъ-то фальшивымъ чувствомъ молодечества, увѣряя себя, что я, хотя и дѣвочка, но такъ же храбра, какъ мужчины.

— Гдѣ ты была?—сухо спросила меня бабушка, уже знавшая, гдѣ я была, когда я вернулась домой.

— Видишь ли, бабуленька,—виновато-развязно отвѣтила я,—дядя Юша взялъ меня съ собой на травлю и онъ далъ мнѣ подержать свору борзыхъ собакъ. Знаешь, когда собаки увидѣли зайца, онѣ меня такъ потянули, что я упала на дорогѣ, и прямо въ пыль, — старалась я заинтересовать бабушку своими приключеніями.

— *Вижу* и *знаю*,—сказала бабушка съ видомъ небеснаго судіи.

— А *это что*? Отчего у тебя на фартукѣ пятнышко крови?—строго взглянула она на мое платье.

— Ахъ, это дядинъ охотникъ далъ мнѣ подержать зайца...

— Зайца? *Какого зайца?* Ну, послѣ *этого*,—развела она руками, — я съ тобой ни видѣться, ни говорить не хочу,—отвернулась отъ меня бабушка и пошла.

— Ты очень, очень дурно поступила,—серьезно и съ упрекомъ подтвердила tante Sophie и пошла за бабушкой.

— Вообрази себѣ только, милая моя, что долженъ былъ испытывать бѣдный заяцъ, когда столько собакъ за нимъ гнались,—печально добавила Ольга Сергѣевна и, взглянувъ на меня укоризненнымъ, но всепрощающимъ взглядомъ, тоже ушла.

И я осталась одна...

Опустивъ голову и руки, съ тоской смотрѣла я въ землю и, увидя на своемъ фартукѣ несмываемую, какъ показалось мнѣ тогда, каплю крови бѣднаго затравленнаго зайца, я содрогнулась и съ недоумѣніемъ подумала:

— Какъ же это? Если все это такъ дурно, почему же охота нравилась Ивану Сергѣевичу Тургеневу, нравится многимъ мужчинамъ, такому хорошему, справедливому человѣку, какъ Ѳедоръ Александровичъ Свѣчинъ и моему милому, доброму дядѣ Юшѣ, крестному отцу моему, который такъ любитъ животныхъ и такъ умѣетъ приручать ихъ?

И мнѣ вспомнилось, съ какой нѣжностью дядя Юша подходилъ къ ручному волку, сидѣвшему на цѣпи возлѣ каретнаго сарая и какъ этотъ волкъ довѣрчиво клалъ ему лапы на плечи и внимательно всматривался своимъ волчьимъ взглядомъ въ прекрасные, добрые человѣческіе глаза дяди Юши.

Положимъ, что этотъ по своей природѣ сво-

бодолюбивый волкъ въ одинъ прекрасный день сорвался съ цѣпи и ушелъ, оправдывая пословицу „какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ“, но онъ часто возвращался „домой“, гулялъ возлѣ дома по ночамъ или рано утромъ и даже разъ привелъ съ собой другого волка.

Дядя Юрій Петровичъ, думается мнѣ, увлекался охотой по примѣру другихъ помѣщиковъ, сосѣдей своихъ, но въ сущности больше любилъ музыку и цвѣты; онъ отлично пѣлъ пріятнымъ басомъ, а цвѣтники его были наполнены роскошными клумбами и аллеями чудеснѣйшихъ рѣдкостныхъ цвѣтовъ, за которыми онъ самъ съ увлеченіемъ ухаживалъ вмѣстѣ съ садовникомъ Симономъ и садъ въ Ивановскомъ былъ настоящій рай, въ которомъ я любила гулять съ дядей Юшей и Ольгой Сергѣевной, видя, какъ ея прекрасное лицо съ тонкимъ классическимъ профилемъ расцвѣтало красотой высшей радости среди любимыхъ цвѣтовъ ея возлюбленнаго мужа, имена которыхъ онъ зналъ наизусть и называлъ намъ.

Страшная охота, омрачавшая жизнь Ольги Сергѣевны въ Ивановскомъ, вскорѣ прекратилась силою судьбы, — несчастье, котораго она такъ боялась, случилось,—во время травли лисицы, лошадь сбросила буфетчика Савелія и, запутавшись ногой въ стремени, онъ бился головой объ землю и, не приходя въ сознаніе, черезъ три дня умеръ, оставивъ жену и дѣтей.

Не менѣе его семьи объ этомъ сокрушалась Ольга Сергѣевна.

— Это несчастіе послано намъ въ наказаніе за охоту,—говорила сча, глядя полными слезъ глазами въ высокій уголъ залы на освѣщенный солнцемъ старинный образъ—Ликъ Спасителя, окруженный звѣздами.

— Господи! Спаси и научи!..—глубоко вздохнула она.

Вѣроятно въ связи съ этимъ несчастнымъ случаемъ въ Ивановскомъ вскорѣ была распущена охота и уничтожена псарня, но въ Ситовѣ у Свѣчиныхъ охота еще продолжалась и ею особенно увлекался дядя Ѳедора Александровича, почтенный старикъ съ бѣлыми волосами и бѣлой бородой, уважаемый всей губерніей Ѳедоръ Павловичъ, отъ котораго Ѳедоръ Александровичъ вѣроятно преемственно унаслѣдовалъ страсть къ охотѣ, такъ же, какъ въ домахъ, гдѣ увлекаются картами, отъ старшихъ къ младшимъ передается страсть къ карточной игрѣ.

Вотъ однажды Ѳедоръ Павловичъ, не только страстный охотникъ, но и хорошій хозяинъ, поѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ осматривать поля; увидя перелѣсокъ и, вѣроятно, вспомнивъ русака, лисицу, волка, онъ вообразилъ себя на конѣ и давай махать и щелкать по воздуху арапникомъ и „улюлюкать“.

И повстрѣчался ему на дорогѣ мужичекъ-странничекъ тоже съ бѣлой головой и бородой.

— Э-э-эхъ, старичекъ, старичекъ! — сказалъ онъ Ѳедору Павловичу. — Пора о Богѣ подумать, а ты чѣмъ занимаешься...

Задумался, говорятъ, послѣ этого случая Ѳедоръ Павловичъ и понемногу, понемногу охоту бросилъ.

Вскорѣ умерла молодая жена его племянника Ѳедора Александровича и Ѳедоръ Александровичъ, какъ говорили, цѣлыми днями сталъ ходить съ ружьемъ по полямъ и лѣсамъ, стараясь забыться отъ тоски.

Помню, какъ однажды онъ пріѣхалъ къ намъ въ Ивановское и сталъ читать намъ вслухъ свои воспоминанія объ охотѣ.

— Я видѣлъ взглядъ застрѣленнаго мною вальдшнепа, — прочелъ онъ подъ конецъ, — и этотъ взглядъ, напомнившій мнѣ взглядъ умиравшаго дорогого мнѣ существа...

Голосъ его дрогнулъ и прервался, онъ закрылъ лицо руками и не могъ кончить.

Глубоко тронутые, мы всѣ молчали и поняли, что охотиться онъ больше ужъ не можетъ.

Глава XIX.

Божьи дѣти.

Когда я была маленькая и мы съ бабушкой изъ Краснаго ѣздили въ Ивановское, мы обыкновенно на полъ-пути останавливались „покормить

лошадей" въ Стрѣлицѣ у бабушкиныхъ бездѣтныхъ родственниковъ, Владиміра Сергѣевича и Екатерины Степановны, воспитывавшихъ мою двоюродную сестру Наденьку—хорошенькую дѣвочку однихъ лѣтъ со мной, которую я обожала, также какъ и ея брата Ромочку—мальчика двумя годами старше меня, воспитывавшагося въ Петербургѣ у моихъ родителей, у которыхъ послѣ меня еще не было дѣтей.

Ромочка и Наденька, дѣти моряка, умершаго отъ чахотки, брата моего отца, были круглые сироты, „Божьи дѣти", какъ называла ихъ нянюшка Наталья Васильевна, которые должны были, по ея мнѣнію, принести счастье добрымъ людямъ, взявшимъ ихъ на воспитаніе.

Ромочку я увидѣла въ первый разъ, когда онъ изъ Петербурга пріѣзжалъ съ моими родителями къ намъ въ гости въ Красное; мнѣ тогда было года четыре и тогда же я въ первый разъ познакомилась съ „papa" и „maman."

Помню въ какомъ я была затрудненіи, не зная говорить ли отцу и матери „toi" или „vous." „Toi"—*ты* казалось мнѣ слишкомъ фамильярнымъ для перваго знакомства, а „vous—*Вы* недовольно родственнымъ, поэтому, избравъ благую середину, я стала говорить имъ ни „toi," ни „vous," а въ среднемъ родѣ—„*on*".

Это всѣхъ очень разсмѣшило и моя мать, сидѣвшая въ залѣ за чайнымъ столомъ, очевидно

понявъ мои затрудненія и оцѣнивъ мою изобрѣтательность, подозвала меня къ себѣ.

— Oh! mon tresor, [1]),—крѣпко поцѣловала она меня и дала мнѣ блюдечко съ вареньемъ.

Сдѣлавъ ей почтительный реверансъ и взявъ варенье, я внезапно почувствовала, что должна накормить имъ Ромочку и, подойдя къ нему, сказала:

— Ромочка „*on*“ m'a donné des confitures parceque je suis sage—je vois que tu es trés sage—manges les, mon cher [2]) — и гладя его по головѣ, я начала кормить его съ ложечки.

Всѣ смѣялись, а Ромочка—худенькій, смуглый мальчикъ, хотя и кушалъ варенье съ аппетитомъ, но былъ такъ серьезенъ, что я вдругъ почувствовала къ нему огромную жалость и любовь и мнѣ ясно представилось, что я его мать, поэтому я рѣшила—пусть смѣются, а я всегда буду кормить его вареньемъ.

Съ этого дня между нами завязалась дружба, длившаяся до конца его жизни, внезапно прервавшейся на девятнадцатомъ году въ расцвѣтѣ его художественныхъ и музыкальныхъ способностей.

Послѣ нашей первой встрѣчи въ Красномъ, я нѣсколько разъ видѣла Ромочку въ Ивановскомъ, куда онъ пріѣзжалъ съ моей матерью къ

---

[1]) О! сокровище мое.

[2]) Ромочка, мнѣ дали варенья, потому что я умная, я вижу, что ты очень умный—скушай его, милый.

ея „maman“—моей „grand-maman,“ а потомъ, когда у моей матери родилась моя сестра Соня, бабушка взяла Ромочку въ Красное и мы нѣсколько лѣтъ росли вмѣстѣ какъ старые, старые друзья, давно знавшіе и любившіе другъ друга, можетъ быть даже гораздо раньше, чѣмъ родились на свѣтъ.

Когда моя мать пріѣзжала съ Ромочкой въ Ивановское, она часто привозила съ собой кого-нибудь изъ ручныхъ животныхъ моего отца, оставшихся на ея попеченіи, когда отецъ мой, который также какъ и Ромочкинъ отецъ, былъ морякомъ, уходилъ въ плаваніе.

Эти животныя, большей частью спасенныя имъ отъ болѣзни, или отъ смерти такъ любили его и такъ безъ него скучали, что собачка „Чарликъ“ отказывалась отъ пищи, когда онъ уѣзжалъ и кто-нибудь долженъ былъ надѣвать отцовскій халатъ и туфли, чтобы обманомъ выманить Чарлика изъ-подъ письменнаго стола и накормить его.

Помню также бѣлаго попугая съ розовымъ хохломъ, привезеннаго матерью въ деревню, который такъ привыкъ сидѣть на рукахъ моего отца и такъ безъ него скучалъ, что „maman“ также должна была носить его какъ ребенка, кутая его въ свою зеленую клѣтчатую шаль, откуда онъ съ тоской смотрѣлъ на всѣхъ недоумѣвающими круглыми глазами, не находя того, кого любилъ.

Былъ у отца и ручной пѣтухъ, всюду слѣдовавшій за нимъ, была у него и сѣрая мышка, пря-

тавшаяся въ его рукавѣ и бѣлка, спасенная имъ изъ воды и жившая на волѣ въ комнатахъ; его канарейки также летали на свободѣ и выводили птенцовъ въ гостиной за бабушкинымъ портретомъ и умный котъ „Василій," умѣвшій подавать гостямъ лапку, птицъ не трогалъ.

Но интереснѣе всѣхъ, по разсказамъ „maman", былъ ручной снигирь отца.

Этотъ снигирь, купленный отцомъ совсѣмъ больнымъ, вылѣченный и выхоженный имъ, такъ его любилъ, что всегда сидѣлъ у него на плечѣ, слетая на полъ, чтобы собирать кусочки бумаги, ниточки и всякую всячину, которую онъ находилъ и въ знакъ любви приносилъ и складывалъ отцу на плечо, въ видѣ дара, вѣроятно столь же пріятнаго ему, какъ Богу жертва бѣдняка.

Вечеромъ, свернувшись розовымъ клубкомъ, снигирь спалъ въ залѣ на карнизѣ, но всегда просыпался, когда къ отцу приходили въ гости его друзья—молодые композиторы Балакиревъ, Мусорскій и другіе музыканты, искавшіе въ то время новыхъ свѣтлыхъ путей въ мірѣ звуковъ.

Когда начиналась музыка, снигирь слеталъ къ роялю, садился на ноты и, поворачивая головку, то направо, то налѣво, внимательно глядѣлъ и слушалъ, поднимая лапки, когда требовалось переворачивать ноты.

Отецъ мой и его друзья-музыканты очень любили этого милаго снигиря съ красной грудкой,

сѣрой спинкой и черной головкой съ умными блестящими глазками и онъ поистинѣ могъ считаться ихъ товарищемъ и участникомъ въ дѣлѣ основанія русской школы музыки, созидавшейся въ тѣ времена (въ шестидесятыхъ годахъ 19-го столѣтія) молодыми композиторами, ставшими впослѣдствіи гордостью своей отчизны.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ любовь этихъ чуткихъ людей къ этому Божьему дитяти—умной маленькой птичкѣ, принимавшей такое живое участіе въ ихъ работѣ, не отразилась тонкой красотой въ ихъ безсмертныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ?

Любовь отца моего къ животнымъ выражалась не только его заботой о нихъ, но и тѣмъ, что онъ никогда не охотился, считая это занятіе жестокостью, тогда какъ почти всѣ считали охоту доблестью. Не потому ли звѣри, птицы и даже рыбки въ акваріумѣ такъ довѣрчиво шли къ нему навстрѣчу, какъ младшіе братья къ старшему.

Такое же трогательное отношеніе къ младшимъ братьямъ человѣка—къ „собачкамъ“ и „кошечкамъ“ проявлялъ и другъ моего отца, Милій Алексѣевичъ Балакиревъ.

Когда, уже позднѣе, я жила съ бабушкой, Ромочкой и моими родителями въ Петербургѣ и брала уроки музыки у Милія Алексѣевича „на дому“, въ его маленькой квартирѣ въ пятомъ этажѣ дома Бенардаки на Невскомъ, помню какъ

изъ всѣхъ дверей ко мнѣ навстрѣчу выходили кошки и собаки разныхъ мастей, а сѣрый тигровый котенокъ съ зелеными глазами, высоко поднявъ хвостъ, какъ побѣдоносное знамя, даже выѣзжалъ изъ комнаты на плечѣ самого Милія Алексѣевича.

— Милій Алексѣевичъ, — бывало спросишь его,—откуда у васъ столько „народу“ собралось?

— Ахъ, Сашенька, — отвѣтитъ онъ,—это народъ Божій, его на свѣтѣ много. Иныя „собачки“ бездомныя по улицамъ бродятъ, другія хозяина потеряли и плачутъ и всѣ кушать хотятъ—надо же кому-нибудь ихъ пріютить и накормить — ну Богъ меня и посылаетъ къ нимъ навстрѣчу. А „кошечки“ сами съ лѣстницы приходятъ ко мнѣ—не гнать же мнѣ ихъ.

— Ничего, — ласкалъ онъ сѣраго котенка,— „они“ умные, дружно живутъ съ „собачками“ и Маріана ихъ любитъ. (Маріана была его старенькая кухарка).

Милій Алексѣевичъ никогда не говорилъ про кота, или про собаку „онъ“—котъ, или „она“—собака, но всегда говорилъ съ тонкой улыбкой „они“—„кошечки“, „собачки“ и это звучало чрезвычайно ласковымъ юморомъ, особенно трогательнымъ въ сопоставленіи съ серьезнымъ выраженіемъ лицъ его безсловесныхъ друзей.

Такъ разсуждалъ и поступалъ любимый ученикъ Глинки, знаменитый композиторъ и піанистъ

Балакиревъ, представитель русской школы музыки, который въ то время былъ такъ бѣденъ, что едва существовалъ уроками музыки и службой въ желѣзнодорожной конторѣ за сорокъ рублей въ мѣсяцъ, вынужденный избрать этотъ родъ занятій, благодаря непониманію, несочувствію своихъ современниковъ и даже гоненію со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ музыкальномъ мірѣ лицъ, и все же онъ отдавалъ чуть ли не послѣднее свое достояніе младшей братіи своей—бѣдствующимъ кошечкамъ и собачкамъ, навстрѣчу которымъ самъ Богъ его посылалъ.

Въ тѣ же времена жизненныхъ затрудненій Милія Алексѣевича мнѣ случилось какъ-то разъ зайти въ одну очень дорогую С.-Петербургскую лечебницу для животныхъ и тамъ, среди клѣтокъ съ породистыми больными собаками богатыхъ хозяевъ, я увидѣла клѣтку, въ которой сидѣла старая, худая, вся облѣзлая простая дворняжка и надъ ней была надпись:

„Собака господина Балакирева“

Глава XIII ая.

Мой отецъ.

Балакиревъ, Мусорскій и ихъ друзья, молодые музыканты — піонеры новой музыки, бывали у моего отца въ Петербургѣ почти каждый день

и каждый вечеръ у насъ была музыка, подъ звуки которой въ дѣтствѣ я засыпала часовъ въ девять и часто выспавшись просыпалась часа въ четыре утра.

Оперы „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“ Глинки и „Русалку“ Даргомыжскаго, я знала наизусть, потому что онѣ почти каждый день исполнялись у насъ въ домѣ. Maman — отличная піанистка—ученица Гензельта, изображала оркестръ, а оперныя роли распредѣлялись между моимъ отцомъ и его друзьями, но такъ какъ ихъ не всегда бывало достаточно для всѣхъ ролей, то одно лицо исполняло по нѣсколько партій, а хоровыя партіи пѣли всѣ вмѣстѣ, мужчины пѣли женскія роли и дядя Митя, братъ maman, даже ухитрялся пѣть партію Людмилы въ Русланѣ женскимъ голосомъ въ настоящемъ регистрѣ, отлично выполняя всѣ фіоритуры.

Роль „Головы великана“ въ „Русланѣ“ для забавы поручалась моему дядѣ Платону Васильевичу, именно потому, что онъ былъ необыкновенно маленькаго роста. Его ставили на столъ, съ высоты котораго онъ изображалъ „Хоръ басовъ“, исполняющій въ оперѣ партію „головы“ и грозно вращая глазами и хмуря брови, онъ пѣлъ своимъ тонкимъ голосомъ: „Кто здѣсь блуждаетъ, пришлецъ безразсудный“... а отецъ мой, представлявшій Руслана, отвѣчалъ ему речитативомъ: „Встрѣча чудесная — видъ непонятный“... и всѣ

это выходило презабавно. Иногда даже костюмировались—всѣмъ было весело и музыка русскихъ классиковъ изучалась въ атмосферѣ простодушной радости.

Исполнялась у насъ также и музыка иностранныхъ классиковъ и, когда играли фуги Баха, молодой композиторъ Бороздинъ, (авторъ очень красивыхъ польскихъ романсовъ), начиналъ ихъ *танцевать*. Всѣ тогда очень смѣялись этой выдумкѣ, не подозрѣвая, что можетъ быть авторъ этой странной затѣи являлся творцомъ идеи, вдохновившей нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя знаменитую „босоножку" Айседору Дунканъ.

Хотя отецъ мой былъ морякомъ и много плавалъ, но дивный голосъ его отъ этого ничуть не страдалъ и онъ такъ чудесно пѣлъ, что былъ извѣстенъ всему петербургскому музыкальному міру.

Только теперь, послѣ того какъ въ теченіе своей жизни, я слышала множество пѣвцовъ и сама довольно долго была капельмейстеромъ въ оперномъ товариществѣ моего мужа, могу судить о томъ, какой у моего отца былъ голосъ чарующаго тембра и огромнаго діапазона. Не поддаваясь обыкновенному подраздѣленію голосовъ на баса, баритона и тенора — этотъ голосъ давалъ отцу возможность пѣть безъ затрудненія и басовыя и самыя высокія теноровыя партіи, не стѣсняясь знаменитымъ „Ut dieze", которымъ когда-то прославился Тамберликъ.

Благодаря этому голосу и веселому, общительному нраву отца вездѣ принимали съ распростертыми объятьями. Онъ даже былъ извѣстенъ въ придворныхъ сферахъ и великая княгиня Елена Павловна, стоявшая тогда во главѣ музыкальнаго міра, несмотря на маленькій морской чинъ моего отца часто приглашала его къ себѣ пѣть, а онъ иногда лѣнился и имѣлъ смѣлость отказываться.

— Что ты дѣлаешь, Васенька, неловко же, придворная карета ждетъ,—увѣщевала его мать.

— Отстань, скажи, что я сплю, — отвѣчалъ отецъ и придворная карета уѣзжала. Все это извинялось ему и его опять, приглашали пѣть къ Еленѣ Павловнѣ во дворецъ.

Когда я уже кончала курсъ Петербургской Консерваторіи и играла въ одномъ изъ ученическихъ симфоническихъ вечеровъ (какъ сейчасъ помню — 8-ой концертъ Шнора съ оркестромъ), Предсѣдатель Русскаго Музыкальнаго Общества Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, бывшій тогда и Генералъ-Адмираломъ Флота, въ антрактѣ черезъ нашего директора позвалъ меня къ себѣ.

— Тонъ у васъ,—сказалъ онъ, — совершенно какъ голосъ вашего отца,—и, представивъ меня вел. княг. Екатеринѣ Михайловнѣ, дочери Елены Павловны, онъ прибавилъ:

— Отецъ ея — морякъ, со мной плавалъ, онъ такъ чудесно пѣлъ у насъ въ каютъ-компаніи что разъ я ему поклонился, коснувшись рукой до

земли. А вы,—обнялъ онъ меня,—какъ его дочка—теперь моя внучка.

Маленькая, худенькая, моложавая, восемнадцатилѣтняя, похожая на пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, ростомъ я была только, только по плечо своему новому „дѣду“ и, въ смущеніи, взглянувъ снизу вверхъ въ его проницательные, орлиные глаза, я сдѣлала ему и всѣмъ присутствующимъ, глубокій реверансъ и, выйдя изъ комнаты, стремительно побѣжала по корридору, чтобы поскорѣе все разсказать нашему любимому директору Карлу Юльевичу Давыдову.

Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, очень хорошій віолончелистъ и страстный любитель музыки, постоянно посѣщалъ наши консерваторскіе концерты, а на квартетныхъ вечерахъ всегда сидѣлъ съ партитурой въ рукахъ, свободно читая ее. Онъ также очень любилъ собирать у себя въ Мраморномъ дворцѣ наши оркестровый и хоровой классы, присоединяя ихъ къ оркестру русской оперы, которымъ въ бѣлой готической залѣ Мраморнаго дворца обыкновенно управлялъ Э. Ф. Направникъ, а Великій Князь, въ простой тужуркѣ, раскуривая коротенькую трубочку, называемую моряками „носогрѣйкой“, сидѣлъ со своей віолончелью вмѣстѣ съ нами и съ увлеченіемъ разыгрывалъ съ листа симфоніи и ораторіи.

Потомъ мы пили чай въ сосѣднихъ залахъ и было такъ весело въ домѣ нашего радушнаго хо-

зяина, умѣвшаго объединять вокругъ себя въ атмосферѣ музыки людей всѣхъ классовъ, возрастовъ и національностей, что мы, бывало, во время оркестроваго класса въ консерваторіи такъ и ждемъ — не послышится-ли на лѣстницѣ звонъ шпоръ личнаго адъютанта Великаго Князя, что означало бы, что мы сейчасъ съ директоромъ и нашими профессорами сядемъ въ поданныя къ крыльцу кареты и поѣдемъ въ Мраморный дворецъ къ нашему Предсѣдателю, котораго мы любили за его простое, доброжелательное отношеніе къ намъ и за его участіе ко всѣмъ начинающимъ свой жизненный путь, молодымъ музыкантамъ.

Окончивъ курсъ консерваторіи, я давала въ Петербургѣ концертъ и Великій Князь пріѣхалъ и въ антрактѣ посѣтилъ артистическую комнату, въ которой мы пили чай съ пѣвицей Вильгельминой Ивановной Раабъ, здѣсь же былъ и мой женихъ—молодой мичманъ, почтительно стоявшій у двери, пока его Генералъ-Адмиралъ бесѣдовалъ съ нами.

— А! Унковскій,—замѣтилъ онъ его, выходя изъ комнаты,—ты, говорятъ, хорошо поешь,— ну пой, пой, — поздравляю тебя съ невѣстой-артисткой.

Черезъ мѣсяцъ, когда отецъ мой являлся къ Великому Князю по дѣламъ службы, онъ и ему сказалъ:

— Поздравляю тебя,—твоя дочка выходитъ за-

мужъ за моряка-пѣвца. (Генералъ-Адмиралъ всѣмъ морякамъ говорилъ „ты“).

— Противъ моей воли, Ваше Императорское Высочество,—холодно отвѣтилъ мой отецъ, человѣкъ очень независимый въ своихъ мнѣніяхъ, онъ находилъ лишнимъ, чтобы я выходила замужъ, изъ боязни, что это повредитъ развитію моего таланта.

— Что ты, что ты,—горячо возразилъ Великій Князь,—вѣдь и ты былъ молодъ, дай же молодымъ пожить.

Можетъ быть это доброжелательное вмѣшательство моего названнаго „дѣда“ повліяло на отца. Въ концѣ концовъ онъ далъ свое согласіе и черезъ нѣсколько лѣтъ даже возгордился моимъ мужемъ, узнавъ, что на его удачномъ дебютѣ въ Маріинскомъ театрѣ Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ спросилъ:

— Это тотъ самый Унковскій, бывшій морякъ, который женился на скрипачкѣ, дочери моряка Захарьина?

— Какую карьеру, благодаря своему голосу, могъ бы сдѣлать вашъ отецъ,—нерѣдко слышала я отъ своихъ знакомыхъ и вспоминала разсказы бабушки и моей матери, что когда отецъ мой былъ молодъ, въ Петербургѣ находились меценаты, предлагавшіе обезпечить существованіе его семьи съ тѣмъ, чтобы, бросивъ службу, онъ ѣхалъ пѣть въ Италію и вернулся оттуда знаменитостью; но

отецъ мой, вѣрный долгу службы, остался во флотѣ и, не дѣлая ни шагу, чтобы, съ помощью своего гѣнія, двинуться по службѣ, продолжалъ скромно жить своимъ жалованьемъ, медленно двигаясь по служебному пути.

Онъ могъ быть очень богатъ, когда внезапно умеръ его родной дядя, чуть ли не милліонеръ, не оставивъ завѣщанія, но оставивъ двухъ незаконныхъ дочерей.

— За кого вы меня считаете! — помню какъ грозно ударилъ отецъ мой кулакомъ по столу въ отвѣтъ на поздравленія его знакомыхъ „съ законнымъ наслѣдствомъ"; зная волю своего дяди, онъ тотчасъ же поѣхалъ хлопотать о передачѣ этого наслѣдства своимъ двоюроднымъ сестрамъ, не оставивъ себѣ ни малѣйшей его части.

— Какой отецъ твой „человѣкъ"!—восторженно сказала мнѣ тогда бабушка, поднявъ глаза и правую руку къ потолку.

Мы въ это время жили въ Петербургѣ въ небольшой квартирѣ на Англійскомъ проспектѣ; у меня тогда уже была пятилѣтняя сестра Соня и ожидалась сестра Варя, поэтому мы переѣхали на другую, нѣсколько большую квартиру на Офицерской улицѣ, противъ лютеранской церкви.

Въ этомъ домѣ, этажемъ выше насъ, жилъ композиторъ Сѣровъ и, сочиняя свои оперы, цѣлыми днями игралъ на роялѣ, и мнѣ нравилось

внизу, повторять аккорды, которые онъ бралъ наверху,—услышу аккордъ, или музыкальную фразу и подражаю имъ на нашемъ роялѣ,—на верху замолчатъ, точно ждутъ—и я молчу и жду.

Оттого ли, что Сѣровъ слышалъ въ нашей квартирѣ музыку и пѣніе моего отца, но онъ интересовался нами,—объ этомъ узнала наша горничная Анисья отъ его прислуги и сообщила намъ, что Сѣрову извѣстно, что мой отецъ морякъ, что онъ поетъ, что у него есть токарный станокъ и онъ отлично столярничаетъ.

Вскорѣ заболѣла моя мать и такъ какъ ее очень безпокоила музыка, отецъ мой черезъ Анисью убѣдительно просилъ Сѣрова нѣкоторое время не играть на роялѣ и онъ любезно замолчалъ,—замолчало у насъ внизу и его эхо, а потомъ, когда мать выздоровѣла—музыка возобновилась, но къ ней стали примѣшиваться пренепріятные стуки, раздававшіеся въ сосѣдней квартирѣ, гдѣ происходилъ ремонтъ и Сѣровъ, котораго они вѣроятно очень раздражали, вообразивъ, что это „столярничаетъ“ мой отецъ, сгоряча написалъ ему письмо:

„Господинъ сосѣдъ! Вамъ вѣроятно извѣстно, что столярамъ, плотникамъ и т. п. по закону не полагается селиться въ центрѣ города, въ особенности же по сосѣдству съ людьми, работающими мозгами“... Далѣе слѣдовала просьба прекратить стукотню, памятуя, что и онъ, Сѣровъ, прекра-

щалъ даже музыку, когда отецъ мой его объ этомъ просилъ.

Содержаніе этого письма почти дословно осталось у меня въ памяти, потому что отецъ, мать и бабушка, нѣсколько разъ перечитывая его вслухъ, добродушно смѣялись надъ выраженіемъ: „люди, работающіе мозгами“. Отецъ мой, написавъ отвѣтъ Сѣрову, также читалъ его вслухъ:

„Господинъ сосѣдъ!—писалъ онъ,—Вамъ тоже вѣроятно извѣстна русская пословица: „слышишь звонъ, да не знаешь откуда онъ“...—далѣе шло объясненіе настоящей причины стукотни, мѣшавшей музыкѣ и увѣреніе въ томъ, что хотя онъ,—„господинъ сосѣдъ“ Сѣрова, Василій Васильевичъ Захарьинъ и столяръ, и плотникъ, но съ совершеннымъ уваженіемъ относится „къ людямъ, работающимъ мозгами“ и никогда не позволилъ бы себѣ нарушить ихъ покой.

Получивъ это письмо, Сѣровъ тотчасъ же спустился къ намъ, познакомился съ отцомъ, извинялся и послѣ этого они такъ подружились, что помню сіяющее лицо моего отца при встрѣчахъ съ Сѣровымъ и благосклонную улыбку серьезнаго, обрамленнаго сѣдой гривой, бритаго лица композитора.

Черезъ годъ Сѣровъ переѣзжалъ на другую квартиру и я видѣла въ окно, какъ на воза нагружали его вещи. Возлѣ нихъ хлопотала скромно одѣтая симпатичная дама небольшого роста—его

жена, извѣстная впослѣдствіи своей удивительной музыкальной дѣятельностью среди народа, а около нея стоялъ крошечный мальчикъ въ черномъ пальто—ея сынъ, будущій знаменитый художникъ Валентинъ Александровичъ Сѣровъ.

Глава XIV.

Театръ.

Послѣ того какъ композиторъ Сѣровъ, авторъ Юдиѳи, Рогнѣды и только что начатой имъ оперы „Вражья сила“, покинулъ квартиру, помѣщавшуюся надъ нами, сверху къ намъ уже больше не доносились его чудные аккорды и въ трехэтажномъ домѣ, гдѣ мы жили на Офицерской улицѣ, музыка продолжала звучать только у насъ; но и мы вскорѣ переѣхали и поселились въ домѣ Юсупова, противъ Литовскаго рынка, недалеко отъ Маріинскаго театра, и эта новая квартира, въ которой мы прожили болѣе десяти лѣтъ и гдѣ мнѣ посчастливилось расти и музыкально развиваться подъ вліяніемъ новой русской музыки, стала однимъ изъ центровъ, гдѣ она процвѣтала подъ руководствомъ друзей моего отца, молодыхъ композиторовъ, представителей просвѣтительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, коснувшагося и міра искусства.

Не всѣ еще тогда понимали какое важное значеніе это движеніе имѣло для русской музыки и

критики безпощадно высмѣивали работу Балакирева, Мусорскаго, Кюи и Римскаго-Корсакова, называя ихъ „Могучей кучкой“.

Помню съ какимъ юморомъ Балакиревъ относился къ этому странному прозвищу и какъ дядя Саша Арсеньевъ, братъ maman, со смѣхомъ, но не безъ гордости называлъ себя и товарищей своихъ Бларамберга и Гусаковскаго „кучкистами“.

Эти ученики Балакирева, таланты которыхъ онъ очень цѣнилъ, были еще совсѣмъ юные музыканты и онъ ихъ бережно воспитывалъ, а они были ему безгранично преданы, какъ ученику Глинки, благословившаго Балакирева стать руководителемъ новаго музыкальнаго движенія въ Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, яркая самобытность характера Балакирева, его огромная воля, прямота и свѣтлый умъ, давали право этому музыкальному великану, вмѣстѣ съ сгруппировавшимися вокругъ него музыкальными силами, вписывать новыя богатыя страницы въ исторію русской музыки, раскрывая ея глубокую связь съ музыкой востока.

Но тяготѣніе души Балакирева къ востоку, отражавшееся въ его произведеніяхъ, не было понятно большинству музыкантовъ, тяготѣвшихъ къ западу и увлекавшихся подражаніемъ иностраннымъ композиторамъ, въ особенности же Вагнеру, горячимъ послѣдователемъ котораго былъ и Сѣровъ.

Оперы Сѣрова въ это время уже ставились на Маріинской сценѣ и отецъ мой съ Балакиревымъ и его друзьями, отдавая справедливость его огромному таланту, съ интересомъ посѣщали эти спектакли, на которые родители мои, заботившіеся о развитіи музыкальности своихъ дѣтей, часто брали и насъ съ собой, и я помню, какъ въ ложу къ намъ въ антрактахъ приходили Балакиревъ и его ученики и какъ они съ моимъ отцомъ обсуждали красоты и слабыя стороны оперъ Сѣрова.

Благодаря частымъ посѣщеніямъ театра, я уже въ дѣтствѣ знала почти наизусть много русскихъ и иностранныхъ оперъ и это впослѣдствіи чрезвычайно помогло мнѣ, когда самой пришлось быть капельмейстеромъ въ оперномъ товариществѣ моего мужа и участвовать въ постановкѣ этихъ оперъ въ провинціальныхъ театрахъ Россіи.

Съ какой благодарностью вспоминала я тогда тѣхъ, кто возилъ меня въ Маріинскій театръ, который въ дѣтствѣ былъ для меня вторымъ домомъ въ Петербургѣ, столь же милымъ мнѣ, какъ Красное и Ивановское въ деревнѣ.

Съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ бывало въ дѣтствѣ весной я ѣхала въ деревню, входила я осенью и зимой въ подъѣздъ Маріинскаго театра и какими прекрасными казались мнѣ его лѣстницы, коридоры и красивое фойе въ стилѣ Людовика XVI-го; этого фойе теперь уже, къ сожалѣ-

нію, не существуетъ и его замѣнила длинная, скучная зала.

Съ какимъ почтеніемъ встрѣчала я въ театрѣ красныхъ капельдинеровъ—хранителей ключей отъ запертыхъ ложъ и какъ сейчасъ вижу величественное выраженіе министерскаго лица знакомаго намъ капельдинера второго яруса.

Онъ съ важнымъ видомъ спрашиваетъ у насъ „билетикъ“ и, убѣдившись, что билетъ тотъ самый—настоящій, вкладываетъ ключъ въ замочную скважину—легкій поворотъ ключа, дверь отворяется, а тамъ-то, тамъ, какая красота!

На свѣтлоголубой бархатъ барьеровъ ложъ, на кресла, на стулья и на опущенную передъ сценой занавѣсъ, сверху льется яркій желтоватый свѣтъ газа, горящаго въ огромной хрустальной люстрѣ, вокругъ которой на потолкѣ, подъ звуки настраивающагося оркестра, танцуютъ нимфы и амуры, переплетаясь съ гирляндами цвѣтовъ.

Недаромъ, въ день спектакля, съ утра испытываешь такое волненіе и никакъ не дождешься вечера, а вечеромъ такъ боишься опоздать въ театръ.

Уже дня за два до представленія какой-нибудь новой оперы, бывало, отецъ мой рано утромъ посылаетъ нашу горничную Анисью въ театръ за ложей и она съ письмомъ отправляется къ знакомому намъ кассиру, такъ что можно быть почти увѣреннымъ, что ложа у насъ будетъ—все

же ожидаешь возвращенья Анисьи съ такимъ душевнымъ трепетомъ, что едва дѣлаешь свои уроки.

— Нехорошо, мой другъ, не надо терять самообладанія и надо быть терпѣливой,—увѣщеваетъ меня бабушка, а я едва сижу на стулѣ и, услышавъ Анисьины шаги, срываюсь съ мѣста и бѣгу къ ней навстрѣчу.

— Ну что, Анисьинька,—есть?

Но, зарумянившаяся отъ мороза, красивая, черноглазая Анисья, загадочно молчитъ и сердце у меня падаетъ отъ волненія; но вотъ, сверкая глазами и улыбаясь, Анисья, не спѣша и какъ бы испытывая мое терпѣнье, аккуратно развязываетъ уголокъ носового платка и сперва достаетъ „сдачу" съ десяти рублей (ложа 2-го яруса стоила тогда около шести рублей); потомъ изъ другого уголка она вынимаетъ длинненькій розовый билетъ и, дразня меня, помахиваетъ имъ надъ головой.

— Покажи, ну покажи, Анисьинька, — ловишь ее за руку.... О радость!—ложа противъ самой сцены, значитъ туда можно будетъ пригласить хоть двадцать человѣкъ—всѣмъ будетъ видно.

Это соображеніе не было лишено основанія, потому что отецъ мой, любившій всѣмъ доставлять удовольствіе, старался въ ложу пригласить какъ можно больше народу изъ числа своихъ родныхъ и знакомыхъ, не имѣвшихъ возможности доставать билеты и ѣздить въ театръ.

Обыкновенно за обѣдомъ происходилъ семейный совѣтъ кого именно пригласить въ ложу и рѣшеніе этой сложной задачи напоминало мнѣ дѣйствіе сложенія и вычитанія, такъ какъ трудно было сразу остановиться на опредѣленномъ числѣ приглашенныхъ и приходилось ихъ то прибавлять, то отбавлять.

— Ну ужъ какъ хотите, а Анну Петровну съ дѣтьми непремѣнно надо позвать, лучше ужъ я не поѣду въ театръ, — великодушно уступаетъ свое мѣсто бабушка.

Опять считаютъ, соображаютъ и въ концѣ концовъ оказывается, что и Анну Петровну можно пригласить, но и бабушка непремѣнно должна ѣхать въ театръ и сидѣть на первомъ мѣстѣ, а дѣтей можно посадить по два на каждый стулъ.

Въ тѣ времена такое загроможденіе ложъ не запрещалось—театры были прочны, а театральная администрація снисходительна, родители же мои стояли выше предразсудковъ и не стѣснялись сидѣть въ своей ложѣ съ дѣтьми и гостями, какъ дружное семейство опенокъ въ урожайный годъ, тогда какъ *bon genre* и свѣтскія приличія требовали, чтобы не только въ бенуарѣ, или въ бельэтажѣ, но и во второмъ ярусѣ, въ одной ложѣ было не болѣе четырехъ, пяти человѣкъ, и то больше мужчинъ, чѣмъ дамъ, для того, чтобы красуясь въ модныхъ туалетахъ и небрежно лорнируя публику, дамы могли бы эффектно выдѣ-

ляться на темномъ фонѣ фраковъ своихъ кавалеровъ и, обмахиваясь вѣерами и съ скучающимъ видомъ кушая дорогія конфекты отъ Berin, были бы видны всѣмъ въ театрѣ.

У насъ же въ ложѣ было не такъ и, хотя мы были одѣты въ лучшія платья, но у насъ было и тѣсно, и жарко, а молодежь, поочереди пользуясь бабушкинымъ биноклемъ и вѣеромъ maman, не безъ жадности прохлаждалась леденцами и бульдегомами изъ жестяныхъ коробочекъ Ландрина, но зато у насъ всегда бывало весело и лица сіяли счастьемъ — развѣ на минутку сгрустнется, что мой отецъ не всѣхъ на свѣтѣ пригласилъ въ театръ и гдѣ-нибудь кто-нибудь сидитъ дома и скучаетъ, когда мы такъ веселимся и такъ счастливы.

— А-а-а!—Вотъ ложа Василія Васильевича Захарьина,—увидя нашу тѣсноту, съ улыбкой говорили про насъ въ театрѣ наши знакомые и кланялись намъ изъ партера и изъ другихъ ложъ, а въ антрактѣ приходили къ намъ побыть въ атмосферѣ нашей радости и поговорить съ отцомъ о музыкѣ.

Въ такихъ счастливыхъ условіяхъ знакомилась я въ дѣтствѣ съ оперным репертуаромъ Маріинскаго театра, который мнѣ было суждено впослѣдствіи пропагандировать въ другихъ театрахъ въ центрѣ Россіи и на далекихъ окраинахъ нашей обширной родины.

Здѣсь же, въ этомъ миломъ Маріинскомъ театрѣ, я слушала всѣхъ знаменитыхъ русскихъ пѣвицъ и пѣвцомъ и видѣла какъ, съ теченіемъ времени, измѣнялись традиціи и взгляды на оперное искусство.

Изъ прежнихъ пѣвцовъ особенно памятны мнѣ знаменитый басъ Петровъ, для котораго Глинка написалъ партію Сусанина и пѣвица Леонова, чудное контральто которой заставляло забывать несоотвѣтствіе ея внѣшности съ ролью Вани въ „Жизнь за Царя“.

Вспоминаю также цѣлый рядъ блестящихъ именъ русскихъ оперныхъ артистовъ, заставлявшихъ трепетать сердца меломановъ, умѣвшихъ цѣнить ихъ голоса и пѣніе и снисходить къ недостаткамъ ихъ игры и грима.

Въ старину хорошо играли въ операхъ Петровъ да Коммисаржевскій, и ихъ за это хвалили, ничуть не огорчаясь неподвижностью другихъ пѣвцовъ и тѣмъ, что нѣкоторыя примадонны въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ ограничивались тѣмъ, что прикладывали руки къ вискамъ и слегка раскачивались изъ стороны въ сторону, что должно было выражать отчаяніе, и никому бы въ голову не пришло ихъ за это осудить, или же посмѣяться надъ неуклюжей фигурой и неумѣлой игрой одного знаменитаго русскаго тенора, исполнявшаго роль Лоэнгрина, еслибъ какой-то скептически настроенный критикъ не вздумалъ написать про него въ

газетахъ, что въ первомъ дѣйствіи Лоэнгрина къ берегу рѣки въ раковинѣ, которую везетъ картонный лебедь, подплываетъ дьяконъ, оказавшійся Лознгриномъ, тутъ же, въ поединкѣ съ Тельрамундомъ нечаянно разбивающимъ себѣ носъ своимъ же собственнымъ щитомъ.

Такія непріятныя нападки газетныхъ критиковъ заставляли пѣвцовъ быть настороже и думать о своей игрѣ и гримѣ и, насколько помнится мнѣ, забота объ этомъ стала особенно проявляться со времени поступленія на сцену баритона Мельникова, на первомъ дебютѣ котораго въ Ратклифѣ Кюи, мнѣ пришлось въ дѣтствѣ присутствовать.

Во времена Мельникова и послѣ него, на оперной сценѣ стали появляться хорошіе актеры-пѣвцы, которыхъ публика привѣтствовала, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ были небольшіе голоса, терявшіеся въ обширномъ залѣ Маріинскаго театра, славившагося своимъ дурнымъ резонансомъ.

Съ теченіемъ времени, требованіе публики къ зрительнымъ впечатлѣніямъ все возрастало, иногда въ ущербъ слуховымъ впечатлѣніямъ, и только старые меломаны, вздыхая о прежнихъ голосахъ, съ трудомъ мирились съ новымъ оперным направленіемъ и съ тѣмъ, что публика все снисходительнѣй относилась къ пѣнію и голосамъ артистовъ, придавая больше значенія ихъ внѣшности.

Въ то время въ музыкальномъ мірѣ даже появилась карикатура, изображавшая разговоръ двухъ театраловъ новаго и стараго направленія:

— Неправда ли какъ эта пѣвица чудно поетъ?

— Что вы, что вы! — у нея голоса совсѣмъ нѣтъ и она безбожно фальшивитъ.

— Ахъ нѣтъ!— она прехорошенькая...

Среди пѣвцовъ, прекрасно игравшихъ, рядомъ съ Мельниковымъ выдѣлялся баритонъ Корсовъ, создавшій роль Олоферна и Юдиѳи Сѣрова, въ то время, какъ Мельниковъ создавалъ роль князя Владиміра въ Рогнѣдѣ и эта опера произвела на меня въ дѣтствѣ огромное впечатлѣніе и музыкой и сюжетомъ своимъ.

Могла ли я думать, слушая ее тогда, что мнѣ самой придется ею дирижировать и что роль Владиміра Красное Солнышко будетъ коронной ролью моего мужа.

Когда онъ въ первый разъ выступилъ въ Рогнѣдѣ въ Казани, я слушала ее съ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ дѣтствѣ, но уже сознательно и понимая, какое значеніе для Сѣрова имѣлъ Рихардъ Вагнеръ.

Рогнѣда тогда была великолѣпно поставлена въ Казани и финалъ ея производилъ особенно сильное впечатлѣніе.

На сценѣ, въ жуткомъ полумракѣ разсвѣта страшнаго дня въ градѣ Кіевѣ, по волѣ князя

собирается народъ—онъ призванъ княземъ судить Рогнѣду, покушавшуюся на его жизнь.

„Нашъ судъ коротокъ—кровь за кровь“—произноситъ ей народъ смертный приговоръ и среди женщинъ, окружающихъ Рогнѣду слышны вопли отчаянія и плачъ.

А на востокѣ уже загорается заря—мракъ разсѣивается—новый день съ неба проливаетъ на землю свѣтъ и за глухими стѣнами города слышно таинственное пѣніе странниковъ:

Милосердъ Господь,
съ высоты небесъ
возлюбилъ онъ гѣхъ.
кто врагамъ своимъ
воздаетъ добро,
забывая зло..

Пораженный этими словами, князь Владиміръ, среди своего народа, вспоминаетъ молодого воина Руальда, встрѣтившагося ему въ лѣсу во время охоты на лютаго звѣря и положившаго тамъ свою жизнь, спасая его жизнь—жизнь князя, похитившаго невѣсту своего слуги Руальда.

— Руальдъ! Руальдъ!—Ты воздалъ мнѣ добромъ за зло—ты слѣдовалъ велѣнію невѣдомаго Бога...

— Отнынѣ пусть и мнѣ онъ сердце наполняетъ.

— Прощенье день—придите всѣ въ объятія мои.

— Рогнѣда!—Ты свободна...

Голосъ просвѣтленнаго князя сливается съ голосами приближающихся странниковъ—они входятъ въ городскія ворота и съ ними идетъ величественный сѣдовласый Старецъ.

— Просвѣти народъ, — благословляетъ онъ князя, —

— И во вѣкъ славна Святорусская будетъ жить земля.

. . . . . .

. . . . . .

— Какъ хорошъ Николай Владиміровичъ въ Рогнѣдѣ, — однажды сказалъ мнѣ поклонникъ моего мужа, молодой казанскій фотографъ Бебинъ, видѣвшій какъ публика въ театрѣ проливала слезы умиленія, когда онъ пѣлъ, и Бебинъ разсказалъ мнѣ, что одинъ художникъ, проѣзжавшій черезъ Казань и слушавшій Рогнѣду, пріобрѣлъ фотографіс Унковскаго въ роли князя Владиміра, какъ эскизъ къ своей картинѣ.

Не придавая этому особаго значенія, я тогда не спросила имени художника, а потомъ совсѣмъ объ этомъ забыла; но много, много лѣтъ спустя, когда моего мужа уже не было на свѣтѣ и мнѣ пришлось случайно посѣтить Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, я была поражена, увидя величественную картину „Крещеніе Руси“..

Въ тѣхъ же богатыхъ золотыхъ одеждахъ и въ вѣнцѣ, съ тѣмъ же вдохновеннымъ лицомъ,

стоялъ передо мной Князь Владиміръ и, простирая руки къ небу, благословлялъ народъ... И казалось мнѣ, знакомый, красивый, металлическаго тембра голосъ, повторяя вѣщія слова Старца, пѣлъ въ Храмѣ:

„И во вѣкъ славна Святорусская будетъ жить земля“...

Глава XV.

Домашнія представленія.

Посѣщеніе Маріинскаго театра въ тѣ далекія, прошедшія времена, имѣло на насъ дѣтей и на наши игры большое вліяніе и мы—двѣнадцатилѣтній двоюродный братъ мой Ромочка, шестилѣтняя сестра Соня и я, постоянно дома играли въ „театръ“, устраивая представленія и разыгрывая разныя сцены изъ оперъ

Мы изображали дамъ, рыцарей, злодѣевъ, храбрыхъ витязей и красныхъ дѣвицъ, дѣлая себѣ самые фантастическіе костюмы изъ старыхъ платьевъ, мантилій и шляпъ maman и бабушки, а мечи, шлемы и щиты для битвъ, турнировъ и поединковъ мы склеивали изъ картона, золотой и серебряной бумаги, и намъ въ этомъ помогалъ мой отецъ, принимавшій дѣятельное участіе въ нашихъ представленіяхъ; воображеніе же помогало намъ видѣть въ нашей небольшой залѣ съ

изразцовой печкой, или поле битвы съ мрачнымъ средневѣковымъ замкомъ, гдѣ томился славный воинъ и пѣвецъ Манрико изъ оперы „Трубадуръ“, или же чудесный заливъ изъ „Фенеллы“, надъ которымъ возвышался Везувій (нашъ диванъ) и намъ казалось, что онъ извергаетъ пламя и дымъ, заливая всю страну лавой, въ которую бросается „нѣмая изъ Портичи“, потомъ все превращалось въ волшебный пальмовый лѣсъ въ Индіи (это были наши комнатныя растенія) и тамъ, на берегу моря (нашъ акваріумъ) подъ Манценииллой, ядовитымъ деревомъ съ красными цвѣтами, вдыхая ихъ сладкій ароматъ, въ нашемъ воображеніи умирала покинутая Селика, оплакивая своего милаго Васко де Гама, героя оперы „Африканка“.

Отецъ, очень сочувствовавшій этимъ театральнымъ играмъ, построилъ намъ кукольный театръ съ кулисами, декораціями и даже съ провалами въ полу для Мефистофеля и Бертрама изъ оперы „Робертъ“, а актеровъ для этого театра мы покупали въ Гостинномъ дворѣ въ бумажныхъ лавкахъ, гдѣ продавались листы, на которыхъ, въ краскахъ, были напечатаны дѣйствующія лица разныхъ оперъ, шедшихъ тогда за-границей и въ Россіи; мы ихъ вырѣзывали, подклеивали и, съ помощью нитокъ и проволокъ, заставляли двигаться по сценѣ, а сами исполняли ихъ роли и пѣли ихъ партіи.

Эти представленія часто сопровождались му-

зыкой и maman за роялемъ была оркестромъ, а публика—бабушка, отецъ и младшая годовалая сестра Варя на рукахъ своей кормилицы; они сидѣли въ переднихъ рядахъ, а въ заднихъ—горничная Анисья и кухарка Прасковья, умная, энергичная женщина, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ въ нашей семьѣ, и только Семенъ, Прасковьинъ мужъ, по волѣ своей супруги, на эти представленія не допускался и стоило ему пріотворить дверь къ намъ въ комнату, чтобы посмотрѣть какая опера у насъ идетъ, какъ Прасковья махала руками и изъ „партера“ шипѣла на него:

— Ну куда ты суешься—у-у-у, волчьи глаза убирайся, злодѣй, на кухню.

И Семенъ покорно уходилъ, плотно закрывая за собой дверь, а Прасковья на всѣ просьбы допустить въ театръ Семена, только отмахивалась.

— Нечего ему въ „кіатръ“ ходить, что онъ „визига“ понимаетъ.

Между тѣмъ „злодѣй Семенъ, визига, волчьи глаза“ былъ мужикъ предобрый, изъ солдатъ, съ серебряной серьгой въ правомъ ухѣ и съ покорнымъ, какъ у смирнаго быка, выраженіемъ выпученныхъ голубовато-сѣрыхъ глазъ; жилъ онъ у насъ сначала просто при своей женѣ Прасковьѣ, а потомъ служилъ у насъ лакеемъ и когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ и я брала уроки пѣнія у m-me Everardi, бабушка приказывала Семену надѣвать ливрею и цилиндръ съ

кокардой и сопровождать меня по улицамъ, что приводило меня въ отчаяніе, потому что Семенъ ужасно компрометировалъ меня.

Бывало, если послѣ дождя, на улицѣ мокро—онъ деликатно, двумя пальцами приподнимаетъ фалды своей ливреи и на цыпочкахъ идетъ за мной. точно дама, и прохожіе смѣются, а я краснѣю и не дай Богъ у него что-нибудь спросить при ученикахъ въ прихожей m-me Everardi,—онъ непремѣнно отпуститъ какое-нибудь словечко, отъ котораго опять всѣ смѣются, а я опять краснѣю до ушей.

Просто бѣда была мнѣ съ Семеномъ, но за то я была не просто барышня, а „барышня съ лакеемъ", что по мнѣнію бабушки и съ точки зрѣнія ея знакомыхъ дамъ подобало дѣвицѣ изъ хорошаго общества.

Жена Семена, Прасковья Тимофеевна, жила у насъ очень долго и въ домѣ у насъ имѣла важное значеніе не только какъ хорошая кухарка, но и какъ хорошій человѣкъ—нашъ другъ.

Ей можно было все поручить—какія-угодно цѣнности и повѣрить какую-угодно семейную тайну—она все умѣла и сохранить, и разсудить, и каждому дать умный совѣтъ, руководствуясь своей внутренней правдивостью, аналогичной ея внѣшней чистоплотности.

Одна бѣда—характеръ у нея былъ дурной и она постоянно бранилась.

Насъ, дѣтей, она бранила за безпорядокъ, Анисью за бойкость и смѣшливость, а Семена—за все, про все и даже отцу и матери она, при случаѣ, дѣлала выговоры и всѣмъ говорила „ты", кромѣ бабушки, которую даже за глаза бранить не смѣла.

Бывало, если рано утромъ, убирая комнаты Прасковья ворчитъ, ворчитъ безъ конца—это значитъ, что мы, такія сякія дѣти, наканунѣ, во время спектакля нечаянно закапали полъ стеариномъ, или же разбросали актеровъ и декораціи по столамъ и не убрали ихъ.

Въ это время, слушая воркотню Прасковьи и не подумаешь пойти къ ней объясняться, а притаившись въ своей комнатѣ, только молчишь и слушаешь, поучаясь отъ ея непріятныхъ словъ, но зная, что она часъ бранитъ любя, а сама всегда готова за всѣхъ насъ горой стоять.

Когда я уже была дѣвушкой-невѣстой и Н. В. Унковскій сдѣлалъ оффиціальное предложеніе моимъ родителямъ, отецъ мой очень разсердился и не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, потому что не могъ рѣшиться выдать меня замужъ боясь, что замужество отвлечетъ меня отъ искусства; не получивъ отвѣта, женихъ мой, раскланявшись, долженъ былъ временно „благородно ретироваться", а отецъ мой остался сидѣть въ столовой, подпершись голову рукой и молча такъ мрачно смотрѣлъ въ сторону, что мы и подступить

къ нему не смѣли. Рѣшилась на это одна Прасковья.

— Э-охъ ма-а!—черезъ нѣкоторое время послышался ея зычный голосъ въ зловѣщей тишинѣ столовой.—Посмотрю я на тебя, Василій Васильевичъ—глядѣть какъ будто ты мужикъ умный, а на дѣлѣ-то выходитъ не то: глупо думаешь и глупо дѣлаешь.

— Ты что же?—помолчавъ, подперла она голову рукой точно также какъ отецъ.—Такъ-таки и не желаешь дѣвку замужъ выдавать? Напрасно, напрасно, а ей ужъ безъ малаго девятнадцать лѣтъ, да и женихъ представился хорошій, не какой-нибудь „визита и филей" въ родѣ моего Семена—этотъ молодчина—у-умный, шуустрый...

— Да я, Прасковьюшка, собственно говоря, противъ него лично ничего не имѣю, только зачѣмъ же ему непремѣнно жениться на моей дочери и зачѣмъ ей замужъ выходить, когда у нея и скрипка есть, и пѣніе, и рисованіе есть, — заговорилъ отецъ мой, изливая свое сердце передъ Прасковьей и какъ будто оправдываясь передъ ней.

Но она ему и договорить не дала.

— Ничего не имѣ-ѣю, — передразнила она его,—а самъ, не знамо какъ дуешься — развелъ такую тоску кругомъ себя, что никто не подступись къ нему; ишь ты!—подумаешь—страсть какая.

— Не дѣло, не дѣло, — неодобрительно покачала она головой и ушла къ себѣ въ кухню, а отецъ мой остался одинъ обдумывать созданное имъ положеніе, но уже смягченный и болѣе доступный для дипломатическихъ переговоровъ.

Казалось бы страннымъ, что все это позволялось Прасковьѣ, но это позволялось ей, потому что мы всѣ знали какъ она насъ любитъ и всѣ понимали, что, выговаривая моему отцу, она это дѣлала любя и его и меня: а заступаясь за моего жениха, она можетъ быть чувствовала въ немъ ту силу, которая впослѣдствіи помогла ему стать виднымъ піонеромъ искусства, за которое отецъ мой такъ ревновалъ меня къ нему, и, можетъ быть, Прасковья безсознательно провидѣла, что это именно тотъ человѣкъ, слѣдуя за которымъ, какъ шелковинка за иглой, вышивающей новые узоры по богатой старой ткани—на стезѣ искусства, на тернистомъ пути странствующихъ трубадуровъ, я возлѣ него научусь служить и черезъ страданіе, терпѣніе и самоотреченіе, со временемъ увижу истинный Путь Жизни и познаю значеніе истиннаго Святого искусства.

Глава XVI.

Музыка.

Нашъ домашній другъ и совѣтникъ Прасковья изо всѣхъ насъ, дѣтей, больше всѣхъ любила Ро-

мочку, можетъ быть оттого, что онъ былъ сирота, а можетъ быть потому, что она чувствовала въ немъ присущую ей самой душевную прямоту, свѣтящуюся въ его правдивыхъ глазахъ съ свѣтло-сѣрыми зрачками, окаймленными темными ободочками.

Ромочка былъ мальчикъ особенный—онъ какъ-будто все понималъ, но обо всемъ молчалъ и никто не могъ съ нимъ ничего сдѣлать неправильными путями—раздражительностью, или суровой требовательностью — онъ тотчасъ же замыкался самъ въ себѣ и, не прекословя, только молчалъ и прямо въ глаза смотрѣлъ своими ясными глазами, въ которыхъ каждый, если хотѣлъ, могъ какъ въ зеркалѣ прочесть свою ошибку; но не всѣ этого хотѣли и нѣкоторые преподаватели наши считали Ромочку упрямымъ и лѣнивымъ.

— Ничего не могу съ вашимъ племянникомъ сдѣлать, —съ раздраженіемъ говорилъ моему отцу Ромочкинъ учитель скрипки, отказываясь отъ него, а Ромочка, когда его позвали для объясненія „желаетъ ли онъ наконецъ стараться", ничего не отвѣтилъ, а только зорко посмотрѣлъ на своего учителя.

Видите сами,—не безъ ехидства указалъ на него учитель и раскланявшись ушелъ.

Ромочка только болѣзненно улыбнулся и отошелъ въ сторонку и скрипочка его, на которой мнѣ вскорѣ суждено было начать учиться, осталась лежать въ своемъ футлярчикѣ на роялѣ.

Когда мы еще были маленькіе, я уже знала, что отъ Ромочки всего можно добиться любовью и лаской и, стоило мнѣ къ нему подойти и погладить его по головѣ, какъ я это сдѣлала въ раннемъ дѣтствѣ, когда въ первый разъ увидѣла его и кормила его вареньемъ, такъ я узнала, что на скрипкѣ Ромочка не могъ учиться, потому что учитель во время урока на него сердился, топалъ ногой и при каждой ошибкѣ грубо кричалъ, какъ на лошадь:

— Н-у-у!

Бросивъ скрипку, Ромочка продолжалъ учиться на роялѣ у бабушки, которая никогда на насъ не сердилась и съ большимъ терпѣніемъ занималась съ нами музыкой подъ руководствомъ М. А. Балакирева, выбиравшаго для насъ интересные этюды и пьесы, изъ которыхъ очень нравились мнѣ „Kinderstücke“ Шумана, потому что и ноты были съ картинками, и самыя пьесы были картинны и учили меня чувствовать „живопись музыки“ и пытаться самой „рисовать звуками“, что придавало жизненность моей дѣтской игрѣ, за которую Балакиревъ однажды поцѣловалъ мою маленькую руку и сказалъ:

— Молодецъ, Сашенька, скоро я самъ буду заниматься съ вами.

Мнѣ было очень пріятно это слышать отъ *такого человѣка — самаго главнаго въ музыкѣ*, и я была этому рада не изъ дѣтскаго тщеславія, а потому,

что ему понравилась пьеска, которую я играла—прехорошенькое скерцо, въ которомъ пассажи въ правой рукѣ стремительно уносились снизу вверхъ, точно маленькія феи взлетали въ небо съ поверхности тихихъ водъ, звучавшихъ въ лѣвой рукѣ.

Кромѣ пьесъ и этюдовъ, мнѣ нужно было каждый день играть гаммы и бабушка для этого выбрала самые ранніе часы, чтобы никому не было скучно ихъ слушать.

Она вставала въ шесть часовъ утра, будила меня, заставляла быстро умываться и одѣваться и мы съ ней, въ половинѣ седьмого, со свѣчей шли играть на фортепіано въ гостиную.

Зима—на улицѣ и въ домѣ еще совсѣмъ темно и всѣ спятъ, даже Ромочка, которому позволялось вставать позднѣе, потому что онъ былъ мальчикъ слабенькій, и только мы втроемъ—бабушка, зажженая свѣча да я бодрствуемъ и натощакъ приступаемъ къ музыкальнымъ упражненіямъ.

Легкая дрожь пронизываетъ все мое тѣло въ утренней зимней прохладѣ нашей квартиры, гдѣ еще ни печей не затапливали, ни самовара не ставили и слегка коченѣющими, еще не разогрѣвшимися отъ упражненій пальцами начинаю играть гаммы, сначала правой, потомъ лѣвой рукой.

Бабушка въ это время, позади меня, въ полумракѣ, шагаетъ по комнатѣ и выстукиваетъ ритмъ своими каблучками, замѣняя мнѣ метрономъ, отъ котораго я со слезами отказалась, не будучи въ силахъ

вынести безпощадной методичности его машинныхъ движеній; умоливъ бабушку позволять мнѣ только опредѣлять по метроному темпъ упражненій я обѣщала ей стараться выдерживать тактъ по совѣсти и она мнѣ въ этомъ помогала.

Открывъ крышку рояля и поставивъ свѣчу на пюпитръ, сперва я приступаю къ *до*-мажорной гаммѣ и, внутренно опредѣливъ ея ритмическій ходъ, пускаю пальцы по клавишамъ.

Они проворно бѣгаютъ взадъ и впередъ, въ согласіи съ бабушкиными шагами, а сама я предаюсь мечтаніямъ и, глядя на радужный кругъ возлѣ пламени свѣчи, постепенно сливаюсь съ нимъ и перехожу въ міръ грезъ и сновидѣній, гдѣ рояль ужь не рояль и пальцы мои—не пальцы, а что-то совсѣмъ другое, насильственно связанное и стремящееся разъединиться, чтобы успокоиться.

— Tu dors, ma chère? [1])—откуда-то издалека, издалека слышится мнѣ бабушкинъ удивленный голосъ.

— Нѣтъ, бабуленька, ничего, это я такъ, — отвѣчаетъ за меня мой языкъ и горло мое, помогая ему врать, громко кашляетъ.

— Какъ не совѣстно?—внутренно уличаю ихъ во лжи и отъ стыда просыпаюсь...

На улицѣ уже свѣтаетъ и слышенъ утренній шумъ, а въ столовой, черезъ дверную щель видно

---

[1]) Ты спишь, моя милая?

горитъ лампа и слышно какъ самоваръ кипитъ и вкусно пахнетъ кофеемъ.

— C'est assez, ma chère, allons prendre du café [2])—съ состраданіемъ въ голосѣ говоритъ бабушка и задуваетъ свѣчу, уже уставшую спорить съ усиливающимся дневнымъ свѣтомъ; закрываю крышку рояля и мы идемъ въ столовую.

Тамъ за самоваромъ сидитъ мама; подхожу къ ней и цѣлую ея маленькія дѣловитыя ручки, уютно разливающія по чашкамъ чай и кофе, къ которому ждутъ присоединиться горячее молоко и теплые калачи съ масломъ.

Папа въ своемъ сѣромъ халатѣ сидитъ противъ мамы и куритъ папиросу, стряхивая съ нея пепелъ въ мельхіоровую пепельницу въ формѣ лебедя съ загнутой книзу шеей.

— Здравствуй, папочка!

— Здравствуй, здравствуй,—смѣется онъ.

— А я въ щелочку видѣлъ, какъ ты за роялемъ спала,—обличаетъ онъ меня.

— Ну, папочка, зачѣмъ...—бросаюсь я къ нему на шею и, зажимая ему ротъ своей щекой, виновато озираюсь на бабушку.

А она, какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ.

— Послѣ чая на фортепіано будетъ играть Ромочка, а потомъ опять ты, чтобы исправить то, что ты утромъ дурно исполнила, а теперь ты можешь заняться чѣмъ хочешь.

---

[2]) Довольно, милочка, пойдемъ кофе пить.

Глава XVII.

Рисованіе.

„Заниматься чѣмъ хочется“, для меня значило рисовать.

Я обожала рисованіе и мечтала о какихъ-то чудесныхъ краскахъ, которыхъ точно когда то, гдѣ-то уже видѣла, но теперь нигдѣ увидѣть не могла и, стараясь ихъ найти въ картинахъ, жадно останавливалась передъ художественными магазинами и искала ихъ на выставкахъ и въ эрмитажѣ, куда отецъ мой, очень любившій живопись, бралъ меня съ собой; тамъ я мечтала, что сама когда-нибудь буду писать масляными красками и копировать свои любимыя картины, забравшись съ палитрой и кистями на высокую лѣсенку, какъ художники, въ Эрмитажѣ.

Ромочка тоже очень любилъ рисовать, но когда мы фантазировали, темы наши были различны — у меня были все фантастическія, а у Ромочки одна и та же тема — крестъ, или на могилѣ, подъ развѣсистымъ деревомъ, или на горѣ надъ водами, за которыми виднѣлись дали, и даже, если онъ рисовалъ дома, людей и животныхъ — гдѣ нибудь въ сторонкѣ онъ непремѣнно ставилъ крестъ, или новенькій, прямой, или старый, уже покосившійся отъ времени, и кресты эти были какъ-то особенно

выразительны и вызывали къ себѣ и къ Ромочкѣ чувство грустной почтительности, заставлявшее внимательно всматриваться въ Ромочкины свѣтлые глаза и тогда онъ загадочно улыбался.

Обративъ вниманіе на нашу любовь къ рисованію, бабушка пригласила къ намъ учителя, но съ нимъ было очень скучно заниматься и непонятно зачѣмъ мы должны были рисовать отдѣльные носы, глаза и уши, покрывая ихъ мелкими черточками, что называлось „тушевать“ и было гораздо скучнѣе, чѣмъ рано утромъ играть гаммы на фортепіано.

Этотъ учитель, найдя, что мы не очень способны, скоро отказался отъ нашего урока и его замѣнилъ другой—Михаилъ Андреевичъ имя котораго памятно мнѣ, потому что мы съ Ромочкой сразу полюбили его.

Онъ былъ простой бѣлокурый и румяный молодой человѣкъ высокаго роста, но въ его обращеніи съ нами чувствовалось что-то такое милое, простое и привѣтливое, что онъ сразу сталъ нашимъ героемъ и вскорѣ Ромочка, отъ котораго у меня не было тайнъ, узналъ, что когда рука Михаила Андреевича близко отъ моего лица поправляетъ мой рисунокъ, мнѣ ужасно хочется поцѣловать ее, только боюсь, что это неприлично.

— Ромочка, ты посмотри какая это милая, добрая рука, и всегда такая чистая.

— Это, Шурочка, не рука его добрая, а самъ

онъ добрый, мнѣ такъ хочется самого его поцѣловать и ничего тутъ неприличнаго нѣтъ; ты Шура посмотри какое у него милое лицо и волосы, а когда хохолъ падаетъ на лобъ, какъ онъ встряхиваетъ головой точно лошадь.

— Славный, славный Михаилъ Андреевичъ!— мечтательно улыбался Ромочка, сіяя глазами.

На слѣдующій урокъ, когда Михаилъ Андреевичъ исправлялъ мои ошибки, я украдкой взглянула въ его румяное, безусое лицо и, встрѣтивъ сочувственный взглядъ Ромочки, сидѣвшаго противъ меня, мы съ нимъ перемигнулись.

Михаилъ Андреевичъ былъ очень доволенъ нашими успѣхами и къ концу зимы онъ сказалъ моему отцу:

— У вашего племянника Романа большой талантъ, да и дѣвочка ваша способная, имъ ужъ можно начать рисовать съ гипса. купите имъ какой-нибудь бюстикъ для модели.

Отецъ мой, очень довольный этимъ, купилъ намъ не только одинъ, но даже два бюста: Венеры и Париса

О, чудо! Парисъ былъ дѣ капли воды похожъ на Михаила Андреевича и такой же кудрявый, только въ шапочкѣ.

Намъ это съ Ромочкой сразу обоимъ показалось, а у Венеры мы замѣтили только, что волосы ея пресмѣшно завязаны на затылкѣ, точно конскій хвостъ; она за это какъ будто обидѣлась на

насъ и, отвернувшись, холодно смотрѣла въ окно своими бѣлыми глазами.

Какая радость! Михаилъ Андреевичъ теперь всегда будетъ жить съ нами на шкафчикѣ въ гостиной и мы не только будемъ его видѣть, но даже рисовать съ него.

Отъ этой мысли на другое утро я проснулась раньше бабушки и быстро умывшись и одѣвшись, со свѣчей пошла на цыпочкахъ въ гостиную поздороваться съ Михаиломъ Андреевичемъ.

Заигралъ ли лучъ свѣта на его лицѣ, но онъ мнѣ такъ привѣтливо улыбался, что я взяла стулъ, подставила его къ шкафчику и, взобравшись на него, нѣжно поцѣловала Париса въ щеку.

Что еслибъ Ромочка вошелъ въ эту минуту въ комнату, чтобы тоже поздороваться съ Михаиломъ Андреевичемъ, я бы сказала ему:

— Ты опоздалъ, теперь пойди и поцѣлуй Венеру!

Но въ отвѣтъ на эти лукавыя слова онъ навѣрное зорко на меня взглянулъ бы своими ясными глазами и отрицательно покачалъ бы головой...

Зима прошла, былъ апрѣль мѣсяцъ и 23-го ожидались бабушкины и мои именины.

— Мнѣ ужъ десять лѣтъ,—думала я, — и по тому мнѣ навѣрное подарятъ не игрушки, а книги, краски и тетради.

Знаменательный день наконецъ насталъ и дѣйствительно мнѣ подарили книги Пушкина и Лер-

монтова, а также коробочку съ красками; уроки были всѣ отмѣнены, кромѣ урока рисованія, отъ котораго мы съ Ромочкой ни за что отказаться не хотѣли.

Учитель нашъ пришелъ къ намъ въ свой обычный часъ и,—о, радостное удивленіе,—онъ тоже принесъ мнѣ подарокъ: акварель своей работы, чудесную розу, окруженную гвоздикой, астрами и листьями.

— Пусть процвѣтаютъ ваши таланты, какъ эти цвѣты,—сказалъ онъ мнѣ и покраснѣлъ отъ смущенія и удовольствія: я почтительно присѣла передъ нимъ, но поцѣловать его, какъ Париса, не посмѣла.

Весной, на выставкѣ картинъ, мы съ Ромочкой увидѣли другую работу нашего дорогого учителя: крестьянскихъ дѣтей, играющихъ на солнышкѣ.

— Какой чудесный колористъ и какъ онъ понимаетъ народный бытъ, —сказалъ про него кто-то на выставкѣ и кто-то другой отвѣтилъ:

— Немудрено: онъ самъ вышелъ изъ народа.

Съ приближеніемъ лѣта, наши уроки рисованія прекратились до осени, такъ какъ мы съ бабушкой уѣзжали въ деревню; но осенью, увы, имъ не было суждено возобновиться съ Михаиломъ Андреевичемъ—онъ лѣтомъ умеръ

Тотъ, кого мы съ Ромочкой такъ полюбили, былъ отъ насъ отнятъ

Парисъ со временемъ тоже разбился, но акварель-роза, окруженная гвоздикой, астрами и листьями, до сихъ поръ жива и краски ея такъ же свѣжи какъ тогда.

Подъ цвѣтами, нѣжными, блѣдно-голубыми буквами написано:

„М. Кудрявцевъ, 23-го апрѣля 1867-го года"

Глава XVIII.

За границей и у насъ.

Когда мы съ Ромочкой были дѣтьми и уѣзжали съ бабушкой на лѣто изъ Петрограда въ Тульскую губернію, намъ приходилось совершать длинное путешествіе верстъ въ девятьсотъ, сначала до Москвы по Николаевской желѣзной дорогѣ, а отъ Москвы черезъ Тулу въ Красное, на лошадяхъ, такъ какъ въ тѣ времена въ тѣхъ мѣстахъ желѣзныхъ дорогъ еще не было.

Помню, какъ начала строиться Московско-Курская желѣзная дорога, сперва отъ Москвы только до Серпухова, а потомъ дальше.

Углубляясь къ югу, она проходила мимо большого торговаго села Сергіевскаго, имѣнія князя Гагарина, находившагося въ двѣнадцати верстахъ отъ нашего Краснаго и въ нашихъ мѣстахъ желѣзная дорога вызывала въ народѣ мистическій страхъ; крестьяне называли ее „чугункой", шопо-

томъ прибавляя къ этому слову: „Нечистая сила, будь она неладна".

— Какъ же не нечистая сила, коли сама безъ лошадей ходитъ, — покачивали головами старики, и въ одной деревнѣ мужики рѣшили чугунку испытать, отъ Бога ли она или отъ лукаваго: собрались они съ крестнымъ ходомъ идти по рельсамъ навстрѣчу „этому самому глазастому паровозу", ежели, молъ, онъ остановится передъ иконами, стало быть онъ и есть тотъ самый „нечистый".

Разумѣется, что когда машинистъ увидѣлъ издали на пути толпу съ образами и хоругвями, онъ остановилъ поѣздъ и мнѣніе о дьявольской, губительной силѣ „чугунки" въ народѣ укрѣпилось, поддерживаемое частыми крушеніями, случавшимися на Курской желѣзной дорогѣ, стяжавшей себѣ среди крестьянъ названіе „костоломки"; имя это долго сохранялось за ней, пока оно, по заслугамъ, не перешло къ другимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, постепенно покрывавшимъ сѣтью рельсовъ мѣстность, въ которой до тѣхъ поръ такое важное значеніе имѣли большія дороги и шоссе—„большаки" и „шошаки", какъ называли ихъ ямщики.

Мало осталось теперь людей, которымъ когда-то съ безчисленными приключеніями приходилось ѣздить на лошадяхъ изъ Тульской губерніи въ Москву; но тѣхъ, кто изъ Кіева на лошадяхъ пу-

тешествовалъ въ Дрезденъ, должно быть совсѣмъ ужъ больше нѣтъ и въ нашу эпоху желѣзныхъ дорогъ, автомобилей и аэроплановъ, когда насъ такъ безпокоятъ желѣзнодорожныя пересадки и переѣзды на извощикѣ отъ одного вокзала на другой, не безъ удивленія перечитываю пожелтѣвшее отъ времени письмо моего дѣдушки Сергѣя Павловича Тиличеева, брата бабушки, написанное имъ изъ Дрездена въ Кіевъ, вѣроятно гусинымъ перомъ и чернилами не химическими, а сдѣланными изъ чернильныхъ орѣшковъ, которые и теперь, какъ тогда, такъ же красиво растутъ въ лѣсахъ на дубовыхъ листьяхъ, но кажется ужъ больше никому не нужны.

— Savez vous, ma chère amie Sophie, ce que je vous dirai [1]),— пишетъ дѣдушка 13-го іюля 1840 года къ своей женѣ.—Je trouve qu'il y a encore moyen que vous veniez me rejoindre a Dresde. Ne prenez pas votre voiture, mais vous pouvez acheter une britchka pour 150—200 roubles, attelez vos propres quatre chevaux, le cocher Ivan vous conduira très bien jusqu'à Dresde, vous savez le chemin et cela

[1]) Знаете ли, другъ мой Софи, что я вамъ скажу, я нахожу, что еще возможно, чтобы вы пріѣхали ко мнѣ въ Дрезденъ. Не берите вашей кареты, но вы можете купить бричку за 150—200 рублей, запрягите вашихъ собственныхъ четырехъ лошадей, кучеръ Иванъ отлично повезетъ васъ въ Дрезденъ, вы знаете дорогу и это будетъ стоить не очень дорого, такъ какъ лошади будутъ проданы здѣсь. Возьмите съ собой Диди и Лоло и мадамъ Жоли и, если

ne coûtera pas trop cher, car les chevaux seront d'abord vendus ici. Prenez avec vous Didi et Lolo et madame Joli, et si vous partez le 10 d'août, vous arriverez à Dresde pour les premières dates de septembre et nous y séjournerons encore deux ou trois mois. Ne perdez pas de temps et partez tout de suite. N'oubliez pas qu'il faut un bon soulier pour la roue, pour descendre les montagnes, car le cocher Ivan ne sait pas cela. Une fois que vous êtes parvenus jusqu'à la chaussée, vous pouvez faire 80 verstes par jour, en voyageant à la manière allemande, Ivan pourra comprendre cela bientôt.

Вотъ какъ въ старину просто путешествовали изъ центра Россіи за границу наши дѣдушки и бабушки не только съ дѣтьми, гувернанткой и кучеромъ Иваномъ, который „все можетъ", но и съ цѣлой свитой дворовыхъ людей и съ обозомъ ржаной муки и гречневой крупы, какъ это дѣлала старушка, княгиня Голицына, которая безъ чернаго хлѣба и каши жить не могла.

Трудно было бы этому повѣрить, еслибъ это не разсказывала сама бабушка сопровождавшая

вы поѣдете 10-го августа, вы пріѣдете въ Дрезденъ къ первымъ числамъ сентября и мы тамъ пробудемъ еще два или три мѣсяца. Не теряйте времени и выѣзжайте сейчасъ же. Не забудьте, что нуженъ хорошій „башмакъ" для колеса, чтобы спускаться съ горъ, такъ какъ кучеръ Иванъ этого не знаетъ. Разъ вы доѣдете до шоссе, вы можете дѣлать по 80 верстъ въ день, на нѣмецкій ладъ, Иванъ сможетъ это скоро понять.

въ молодости княгиню Голицыну за границу и любившая въ старости вспоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, гдѣ она встрѣчалась съ значительными людьми и, познакомившись съ сыномъ Наполеона I-го le Duc de Reistadt, бесѣдовала съ нимъ.

— Парижъ! Версаль!—задумчиво говорила она, читая мнѣ, когда мнѣ уже было шестнадцать лѣтъ, историческія повѣсти временъ Людовика XVI-го, въ которыхъ фигурировали короли и королевы и таинственныя личности—Mesmer, Cagliostro и Le Comte de S-t Germain

— Правда, бабушка, говорятъ, что это одно и то же лицо?—спросила я ее однажды.

— Ахъ нѣтъ, мой другъ, это разныя лица и le Comte de S t Germain былъ нѣкто очень великій, — отвѣчила она мнѣ такимъ серьезнымъ тономъ, что сердце мое дрогнуло и насторожилось

Вліяніе на бабушку и на многихъ ея современниковъ Франціи, Англіи, Италіи и Германіи, вполнѣ выяснилось мнѣ, когда самой пришлось посѣтить эти страны и съ радостнымъ изумленіемъ тамъ увидѣть, уже знакомый мнѣ по Тульской и Калужской губерніи типъ уютныхъ старинныхъ виллъ съ зелеными жалюзи на окнахъ, окруженныхъ бесѣдками изъ розъ и „англійскими“ садами, а въ комнатахъ такія же гравюры и мебель краснаго дерева съ бронзой, среди которой въ Англіи я встрѣтила старинные часы съ музыкой, на высокой тумбѣ, какъ у насъ въ деревнѣ.

Въ Генуѣ, въ предмѣстьѣ Корниліано, въ маленькомъ городкѣ Нолли, гдѣ жилъ Данте и училъ Джордано Бруно, въ Версалѣ, возлѣ „le petit Trianon“ и въ Дрезденѣ, мнѣ часто казалось, что я не за границей, а въ Ивановскомъ, въ Желѣзцовѣ, близъ Калуги, или въ Крапивенскомъ уѣздѣ въ Пришнѣ, гдѣ жила бабушкина двоюродная сестра и куда мы заѣзжали по дорогѣ въ Москву, по той самой дорогѣ, по которой пріѣзжали въ наши мѣста иностранки наставницы; которыхъ наши бабушки выписывали къ своимъ дѣтямъ и внукамъ

Когда бабушка взяла въ Красное маленькаго Ромочку, она также нашла нужнымъ пригласить къ намъ для языковъ швейцарку M-elle Zélie и молодую нѣмочку Fräulein Minna.

Къ пожилой, рябой, необыкновенно чистоплотной и аккуратной M-elle Zélie, мы съ Ромочкой почувствовали большое почтеніе, а съ Freulein Minna, такъ подружились, что скоро перестали называть ее Fräulein, а просто Minna, Minnchen.

— Sie sind ein *Pferd* Minna — говорили мы ей, играя съ ней въ лошадки и не безъ удовольствія выдувая губами „пф“ — первыя буквы слова „*Pferd*“, казавшагося намъ очень забавнымъ и Минна смѣялась и тоже дула на насъ:

— Ich bin ein *Pferd*, du bist ein *Pferd*, er ist ein *Pferd*.

За это мы ее стегали кнутикомъ и она со

смѣхомъ убѣгала отъ насъ и мы ее догоняли, изучая на практикѣ нѣмецкую грамматику.

Но если съ Минной можно было бѣгать, рѣзвиться и шалить, возлѣ M-elle Zélie надо было сидѣть смирнехонько и внимательно слушать, когда она читала намъ разсказы изъ дѣтскаго журнала „La semaine des enfants“, который бабушка выписывала для насъ изъ Парижа. Онъ былъ чудесно иллюстрированъ лучшими современными французскими художниками, среди которыхъ встрѣчались имена Perro и Gustave Doré и мнѣ особенно нравились картины, гдѣ были изображены подвиги рыцарей

Посидѣвъ смирно возлѣ M-elle Zélie, мы съ Ромочкой могли послѣ чтенія идти гулять, и любимымъ мѣстомъ нашимъ былъ лугъ возлѣ рѣки, гдѣ трава была такъ высока, что Негро, всегда сопровождавшій насъ, совершенно въ ней утопалъ и, теряя насъ изъ вида, волновался и лаялъ

Однажды, послѣ французскаго урока во время котораго M-elle Zélie читала намъ о славномъ рыцарѣ Баярѣ, воодушевленные его подвигами, мы на лугу съ Ромочкой рѣшили воевать и, нарвавъ цвѣтовъ, стали сражаться ими какъ оружіемъ, а Негро кругомъ насъ бѣгалъ и лаялъ, ныряя въ травѣ какъ большая черная рыба.

Въ пылу сраженія, я увидѣла въ сторонѣ возлѣ рощи двухъ нашихъ дворовыхъ дѣвочекъ: Дуньку и Дашку, собиравшихъ цвѣты, тогда какъ дворо-

вымъ было запрещено ходить на лугъ, чтобы не мять траву.

— Ah! Voila les ennemis! [1])— пронеслись у меня въ головѣ слова, которыя долженъ былъ бы въ этомъ случаѣ сказать Баярръ.

— Et comme il était vaillant, il les assaillit [2]), — добавила я отъ себя и кинулась къ дѣвочкамъ.

Не успѣли онѣ оглянуться, какъ я уже изо всѣхъ силъ цвѣтами колотила по головѣ маленькую Дашку, которая ростомъ была ниже меня, а Дунька, не смѣвшая тронуть меня, „маленькую барышню", только ахала и старалась руками защитить голову своей сестренки.

Дашка въ испугѣ закричала тоненькимъ голоскомъ и такъ жалостливо, что я остановилась, а она подняла головку и, взглянувъ на меня глазами полными слезъ, сложила ручки.

И вдругъ молніей мелькнуло, поразившее меня уже раньше, сходство этой кудрявой, бѣлокурой, босой дѣвочки въ бѣлой рубашонкѣ, съ маленькимъ Христомъ—Сыномъ Мадонны въ голубомъ, передъ образомъ которой, стараясь сложить руки также какъ Онъ, я становилась на колѣни и молилась въ спальнѣ вечеромъ и утромъ.

Пораженная, я стояла какъ вкопанная, а Дунька потащила Дашку за руку и обѣ дѣвочки бѣгомъ

---

[1]) Ah! вотъ непріятель.

[2]) И такъ какъ онъ былъ мужественъ, онъ на нихъ напалъ.

побѣжали отъ меня въ рощу и скрылись тамъ въ кустахъ.

Ко мнѣ подошелъ Ромочка и, взглянувъ на меня, тоже отъ меня побѣжалъ домой и за нимъ помчался Негро.

Съ ужасной тяжестью въ сердцѣ поплелась я за ними.

Какъ странно и скучно свѣтило солнце и какъ трудно передвигались мои ноги, тогда какъ Ромочка съ такой легкостью поднимался въ гору, и вдругъ я позавидовала ему, что онъ Дашку не билъ...

Вечеромъ, когда я ложилась спать и стала на колѣни передъ комодомъ, на которомъ были иконы, освѣщенныя огнемъ лампады, я замѣтила, что *тамъ* мною недовольны - у Спаса Нерукотвореннаго было загадочное выраженіе лица и Онъ смотрѣлъ мимо меня, а Мадонна, опустивъ очи, печально улыбалась' пламя лампады безпокойно мерцало и мнѣ стало страшно...

— Бабуля, я хочу къ тебѣ, -сказала я дрожащимъ голосомъ, когда бабушка подошла къ моей кроваткѣ, чтобы перекрестить меня и сразу поняв, что я, или нездорова, или меня что-нибудь тревожитъ, она взяла меня на руки и перенесла въ свою кровать.

Согрѣваясь возлѣ нея, я стала успокаиваться и, когда она погасила свѣчу, я посмотрѣла на озаренные лампадой образа.

— Бабушка! кто Христосъ?—спросила я шопотомъ и она стала разсказывать.

Значительно и мѣрно звучалъ ея голосъ въ полумракѣ комнаты и когда она дошла до того мѣста, когда воины били Христа, передъ тѣмъ, какъ вести Его на распятіе, я обняла ее за шею и разрыдалась.

Прерывающимся голосомъ я разсказала ей, что утромъ тоже побила Дашку и, огорченная бабушка молчала.

— C'est trés bien que tu te repents, Dieu pardonne tous ceux qui se repentent sincèrement, — наконецъ тихо сказала она, — demande pardon à Дашка, demain, quand tu la verras [1]).

Тяжесть спала съ моего сердца.

Облегченно вздохнувъ двойнымъ, глубокимъ вздохомъ, но чувствуя себя очень слабой, неподвижно лежала я, положивъ голову на плечо, обнимавшей меня, какъ теплое крыло, бабушкиной лѣвой руки, возлѣ которой было слышно какъ бьется бабушкино сердце.

Теперь я знала, кто Христосъ и понимала, что когда люди обижаютъ дѣтей и людей, они обижаютъ Его, а когда они прощаютъ — прощаетъ Онъ и съ этой мыслью я стала засыпать...

Мнѣ приснился страшный сонъ.

---

[1]) Это очень хорошо, что ты раскаиваешься, Богъ прощаетъ гѣхъ, кто искренно раскаивается, попроси у Дашки прощенія завтра, когда увидишь ее.

Я видѣла два храма, похожіе на тотъ греческій храмъ, который былъ изображенъ на картинкѣ въ „la semaine des enfants“—оба они были съ колоннами и у бѣлаго храма, противъ меня къ двери вели нѣсколько ступеней и она была заперта.

У другого храма налѣво дверь была возлѣ самой земли и широко открыта, а за ней была черная, бездонная яма Мнѣ стало такъ страшно, что я упала и покатилась прямо къ пропасти.. Но вдругъ какая-то сила удержала меня на самомъ краю и въ жуткой тишинѣ, я услышала Голосъ Бога.

Смотри, не упади, сказалъ Онъ, и я проснулась

Въ комнатѣ тихо мерцалъ огонь лампады, тихо шевелились тѣни и большая муха жужжа вилась вокругъ огня, а бабушка тихонько похрапывала возлѣ меня.

Огромное счастье охватило меня при мысли, что я не провалилась въ яму. но что лежу тутъ, около бабушки и. вспоминая Голосъ Бога, я опять заснула сладкимъ мирнымъ сномъ...

На другой день, встрѣтивъ Дашку возлѣ людской, я въ смущеніи подошла къ ней.

У нея было веселое лицо и влажный носикъ.

Мы другъ на друга посмотрѣли и улыбнулись, потомъ разсмѣялись и оглядываясь другъ на друга разбѣжались въ разныя стороны.. очевидно Дашка мнѣ простила...

Глава XIX.

Маленькій герой.

Дашка мнѣ простила, но Ромочка какъ-будто избѣгалъ меня, и только на слѣдующее утро, когда мы умывались, я увидѣла, что это съ нимъ прошло, онъ опять довѣрчиво смотрѣлъ на меня и попрежнему говорилъ со мной.

— Правда, Шура, мыльная пѣна точно муссъ? помнишь, его подавали въ Ивановскомъ за обѣдомъ,—сказалъ онъ, намыливая себѣ руки.

— Ромочка, а правда какъ смѣшно, что отъ зеленаго мыла идетъ бѣлая пѣна; а мыло цвѣтомъ точно фисташковое мороженое, правда? — замѣтила я.

— Вотъ бы попробовать его, можетъ быть, оно такое же вкусное,—отвѣтилъ Ромочка.

— Что вы, баринъ, пустяки говорите, нешто мыло ѣдятъ, отъ него помрешь, — вмѣшалась въ нашъ разговоръ нянюшка Наталія Васильевна.

— Вотъ, погодите, скажу мамзель Зели, она задастъ вамъ,—погрозила нянюшка Ромочкѣ.

— Êtes-vous prêts, mes chers enfants [1])? — послышался голосъ m-elle Zélie за дверью и, постучавъ, она вошла въ комнату.

— Tout de suite, Mademoiselle [2]),—стала я торо-

[1]) Вы готовы, милые дѣти?

[2]) Сейчасъ, мадемуазель.

питься и, одѣвшись, побѣжала внизъ въ гостиную, гдѣ бабушка, въ ожиданіи чая, уже сидѣла въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ.

— А Ромочка готовъ?—спросила она.

— Сейчасъ придетъ, бабуля,—отвѣтила я, усаживаясь у ея ногъ на низенькую табуретку.

Дверь изъ синей комнаты отворилась, и въ ней показалась M-elle Zélie, она вела за руку Ромочку, и за ними шла нянюшка

— Savez-vous, Madame, ce garçon mange du savon, vous pouvez le demander a Natal Vasilna [1]), быстро и съ негодованіемъ заговорила M-elle Zélie.

— Что же ты за нимъ не смотришь?—строго обратилась бабушка къ нянюшкѣ.

— Помилуйте, сударыня, нешто углядишь за ими, я и то обѣщалась имъ пожаловаться мамзель,—стала оправдываться нянюшка.

— Ты что же это дѣлаешь? Можетъ быть, мыло ядъ, и ты отъ него можешь умереть,—всплеснула бабушка руками, обращаясь къ Ромочкѣ.

— Oui, Madame, le savon est, peut-être, un poison très dangereux,—подтвердила M-elle Zélie [2]).

— Конечно, помрутъ, непремѣнно помрутъ, не прикажете ли ужъ за священникомъ послать, сударыня?—поспѣшила сказать нянюшка.

Слушая эти рѣчи, я во всѣ глаза глядѣла на

---

[1]) Знаете, сударыня, этотъ мальчикъ ѣстъ мыло. Вы можете спросить у Натальи Васильевны.

[2]) Да, сударыня, можетъ быть мыло очень опасный ядъ.

Ромочку, а онъ молчалъ и хмурился, подперевъ щеку рукой и, казалось мнѣ, лицо его темнѣетъ,—очевидно Ромочка умиралъ,—сейчасъ онъ долженъ будетъ куда-то исчезнуть...

Отъ жалости и страха я громко закричала и ничкомъ бросилась на полъ.

Въ комнатѣ произошелъ переполохъ, всѣ засуетились, кинулись поднимать меня, что-то говорили, а мое сердце разрывалось отъ отчаянія, и я все громче и громче кричала:

— Ромочка! Ромочка! — стараясь этимъ удержать его отъ смерти... и онъ еще не умеръ, а подбѣжалъ ко мнѣ, и я крѣпко обхватила его шею и, прижавъ его къ себѣ, замолчала.

— Il ne faut jamais perdre espoir, Madame, — сказала въ наступившей тишинѣ M-elle Zélie, — pour chaque poison il y a du contrepoison, et si on le lui donne, il ne mourra pas.

— Que peut-on lui donner, Mademoiselle? [1]) — спросила бабушка, и по ея голосу я почувствовала, что она боится не за Ромочку, а за меня.

— Oh! Rien qu'un peu de moutarde [2]), — увѣренно отвѣтила M-elle Zélie.

— Да, да, да! — обрадовалась бабушка,—дайте

---

[1]) Никогда не надо терять надежды, сударыня, для каждаго яда есть противоядіе и если его дать ему, онъ не умретъ.

— Что же можно дать ему, Мадемуазель?

[2]) О! Только немножко горчицы

горчицы и за священникомъ не посылайте.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ какой-то голосъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ на мои крики собрались люди.

Когда принесли баночку съ горчицей, я отпустила Ромочку, чтобы онъ скорѣе принялъ противоядія, и онъ храбро открылъ ротъ, а M-elle Zélie капнула ему туда горчицы съ ложечки.

Ромочка поморщился, потомъ сильно покраснѣлъ и закашлялся.

— C'est ça [1])!—улыбнулась M-elle Zélie.

— Что, будете мыло кушать?—засмѣялась Наталія Васильевна, а за ней расхохотались люди въ сосѣдней комнатѣ.

Это убѣдило меня, что Ромочка спасенъ, и я взяла его за руку.

— Пойдемъ въ садъ,—шепнула я ему, и пока M-elle Zélie о чемъ-то спорила съ бабушкой, вѣроятно о методахъ воспитанія, мы вышли на балконъ.

Тамъ ждалъ насъ Негро, не смѣвшій войти въ комнату, но тоже встревоженный моими криками и суетой въ гостиной, и мы втроемъ побѣжали въ аллею.

— Ромочка, а мыло было вкусное?—спросила я его тамъ на-ухо, чтобы никто не слыхалъ.

---

[1]) Такъ!

— Не знаю, я его не ѣлъ,—тихонько отвѣтилъ онъ...

— Зачѣмъ же ты горчицу ѣлъ?—должна была бы я его спросить.

Но я была мала и глупа, мнѣ было всего лѣтъ семь, и я только въ недоумѣніи смотрѣла на Ромочку, не умѣя прочесть въ свѣтлыхъ глазахъ маленькаго героя.

— А горчицу я ѣлъ, чтобы ты перестала бояться, что я умру, и больше не кричала...

Глава XX.

Горе.

Недоразумѣніе съ мыломъ и комедія съ горчицей, поставившія меня въ дѣтствѣ лицомъ къ лицу съ мыслью возможности смерти моего друга Ромочки, можетъ быть, подготовили мое маленькое сердце къ ожидавшему его удару—смерти не менѣе дорогого мнѣ существа, Негро.

Наступила осень, мнѣ минуло восемь лѣтъ; maman пріѣзжала въ Красное и увезла съ собой въ Петербургъ Ромочку, а мы съ бабушкой должны были, по ея дѣламъ, провести часть зимы въ Тулѣ; собираясь уѣзжать, мы поѣхали въ Соковнино прощаться съ бабушкиной сестрой.

Негро, предчувствуя нашъ скорый отъѣздъ, ни за что отстать отъ насъ не хотѣлъ и, несмотря

ни на какія увѣщеванія и приманки, сколько его изъ дому ни звали и ни свистали ему, онъ никакъ справиться съ собой и послушаться не могъ и побѣжалъ за нами.

— Ступай домой, ступай домой,—строго кричалъ на него съ козелъ кучеръ Ѳедоръ, и Негро начиналъ хитрить, то покорно поджималъ хвостъ и поворачивалъ назадъ, то ложился, но потомъ опять бѣжалъ за нами, умышленно увеличивая разстояніе между собой и нашимъ экипажемъ, чтобы мы повѣрили, что онъ догнать насъ не можетъ и перестали на него обращать вниманіе.

На пятой верстѣ, когда мы съ проселка повернули на большую дорогу, онъ все еще мелькалъ издали чернымъ движущимся пятномъ среди яркой зелени озимей, и мы съ бабушкой тревожились за него, зная, что въ Соковнинской усадьбѣ много строгихъ дворовыхъ собакъ.

— Небось, съ большака вернется, не побѣжитъ въ усадьбу, — успокаивалъ насъ Ѳедоръ, считавшій себя сердцевѣдомъ лошадей и собакъ.

— Вотъ я тебя! — погрозилъ онъ кнутомъ по направленію Негро и пустилъ лошадей полной рысью.

Въ усадьбѣ съ визгомъ и лаемъ встрѣтила насъ и закружилась возлѣ лошадей и экипажа стая разношерстныхъ собакъ, и я подумала:

— Хорошо, что нѣтъ Негро.

— Мы пріѣхали къ вамъ на минуточку про-

ститься, — сказала бабушка своей сестрѣ, встрѣтившей насъ въ залѣ со своими дѣтьми, и я даже не успѣла какъ слѣдуетъ погулять въ саду и поиграть со своими друзьями, какъ уже надо было собираться.

— Очень спѣшу домой, прощайте, до свиданья въ Тулѣ, — цѣловалась бабушка съ сестрой и ея дѣтьми и, провожаемыя ихъ ласковыми улыбками, мы сѣли въ экипажъ.

Собакъ на дворѣ не было, но, возвращаясь откуда-то съ большой дороги, вся стая встрѣтила насъ у воротъ и опять лаяла и бросалась на насъ.

— Гдѣ теперь Негро?—подумала я.

Но что это? Вѣдь это онъ, вонъ тамъ лежитъ на межѣ и вѣрно ждетъ насъ, но отчего онъ не встаетъ, когда мы приближаемся и ѣдемъ мимо?

— Ѳедоръ, остановись,—съ тревогой говоритъ бабушка, и Ѳедоръ, понявъ ея мысль, слѣзаетъ съ козелъ.

— Подержите лошадей, сударыня,—передаетъ онъ возжи бабушкѣ и идетъ къ Негро.

Вотъ онъ подходитъ къ нему, наклоняется надъ нимъ и, махнувъ рукой, возвращается.

— Загрызли,—говоритъ онъ, качая головой, и бабушка, схвативъ меня на руки прижимаетъ мое лицо къ своей груди, чтобы я ничего не видѣла.

— Ѳедоръ, поѣзжай скорѣй,—слышу я ея встревоженный голосъ и въ оцѣпенѣніи чувствую, что

случилось что-то ужасное, и Негро ужъ больше никогда, никогда домой не вернется.

. . . . . .

Глава XXI.

Осень

Какъ въ Красномъ стало скучно и холодно!

Листья на кустахъ и на деревьяхъ почти всѣ пожелтѣли и, падая на землю, ложились мягкимъ слоемъ въ лѣсу и на дорожкахъ сада; покрываясь по утрамъ тонкимъ серебромъ заморозковъ и оттаивая къ полдню алмазными капельками влаги, сухіе листья нѣжно шуршали подъ ногами и, благоухая, наполняли воздухъ сладкимъ и печальнымъ ароматомъ осени, а надъ ними вѣтви оголенныхъ деревьевъ, выдѣляясь на холодныхъ голубыхъ просвѣтахъ неба и на сѣрыхъ облакахъ, казались совсѣмъ черными.

Въ саду и въ домѣ было пусто—тамъ больше не было Негро и Ромочки...

Когда истопникъ Артамонъ по утрамъ протапливалъ печи, мнѣ вспоминалось, какъ давно, давно, когда мы съ Ромочкой были совсѣмъ маленькіе, онъ насъ лѣтомъ каталъ въ колясочкѣ по двору и вывалилъ.

Ромочка тогда очень ушибся, но не плакалъ, а я кричала во все горло, хотя совсѣмъ нигдѣ не

было больно, и было совѣстно, что бабушка за это бранитъ Артамона, но разъ ужъ начала кричать—надо же было продолжать.

Артамонъ объ этомъ вѣрно ужъ позабылъ и всегда ласково на меня смотрѣлъ, когда я подходила поглядѣть, какъ онъ топитъ печи.

Онъ утромъ притаскивалъ къ печамъ большія охапки ржаной соломы, замѣнявшей намъ дрова, которыхъ въ Чернскомъ уѣздѣ, за отсутствіемъ лѣсовъ, мало, соломы же пропасть, и, свертывая ее въ жгуты, совалъ ихъ въ печь, гдѣ они горѣли, а онъ все подкладывалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока печь не накаливалась, тогда онъ шелъ топить другую.

Иногда Артамонъ замѣшялъ солому гречишной лузгой, насыпая ее изъ мѣшковъ въ ящикъ въ формѣ воронки на ножкахъ, откуда лузга по желобку бѣжала въ топку и тамъ жарко пылала разноцвѣтнымъ огнемъ, и Артамонъ молча на него глядѣлъ.

Хорошій онъ былъ малый, всегда веселый и ходилъ зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же овчинномъ тулупчикѣ.

Хотя у насъ за лѣто наварили много разнаго варенья, но бабушка и M-elle Zélie передъ отъѣздомъ въ Тулу вздумали еще сварить рябины и чистили ее въ розовой комнатѣ.

Рябина, уже тронутая утренними морозами, сморщившись, на своихъ вѣточкахъ, кучами ле-

жала на столѣ, а очищенная—на блюдахъ, точно груды коралловыхъ бусъ, нитку которыхъ носила Fräulein Minna, и рябина напоминала мнѣ ее.

Минны у насъ ужъ больше не было, бабушка уступила ее кому-то изъ сосѣдей, затруднявшихся выписывать себѣ нѣмку, тогда какъ мы легко могли найти въ Тулѣ другую, а они Миннѣ прибавили жалованья.

Минна очень плакала, покидая насъ, но отчего ей было плакать?—Вѣдь разъ она пріѣхала работать въ Россію, она должна была прожить у насъ, или въ другомъ мѣстѣ, не все ли равно, извѣстное число лѣтъ, помогая своимъ родителямъ и собирая себѣ приданое, чтобы, вернувшись въ отчизну, выйти замужъ за своего Франца, который ждалъ ее и тоже гдѣ-нибудь работалъ на чужбинѣ.

Но, вѣрно, у Минны было нѣжное сердце, хотя, можетъ быть, еще не такое благородное, какъ у M-elle Zélie, и, поддавшись соблазну прибавки жалованія, она увидѣла, что любитъ насъ, и что любовь дороже денегъ.

— О чемъ это M-elle Zélie такъ споритъ съ бабушкой?—подумала я, входя въ розовую комнату.

Щеки ея пылали, она громко говорила и, жестикулируя руками, въ сердцахъ кидала рябину въ стаканъ, тогда какъ бабушка спокойно чистила ее и тихо возражала M-elle Zélie.

— N'ayez pas peur, mon enfant, nous ne nous querellons pas, c'est un combat de générosité,—et

je-ne-vous-quit-te-rai-pas [1]),—твердо произнесла M-elle Zélie и засмѣялась, увидя мое недоумѣніе.

Оказывалось, ее кто-то тоже переманивалъ, что, къ сожалѣнію, иногда между помѣщиками практиковалось, и она негодовала и сердилась на бабушку, великодушно предлагавшую ей, если она хочетъ, взять бо́лѣе выгодное мѣсто.

Убѣдившись, что между бабушкой и M-elle Zélie, въ сущности, все обстоитъ благополучно, и никто больше не разстается, мнѣ стало скучно слушать споры *состязанія въ великодушіи*, и я ушла въ залу.

Тамъ на этажеркѣ лежала французская книжка съ картинками, которую мнѣ привезла maman; разсмотрѣть ее какъ слѣдуетъ я еще не успѣла, потому что все бѣгала въ саду и играла съ Ромочкой, пока онъ еще былъ въ Красномъ.

Увидя книжку и вспомнивъ maman, я подумала: Ромочки уже нѣтъ,—и съ грустью усѣлась на диванъ.

Книжечка была совсѣмъ новенькая, отъ нея пріятно пахло печатью, и буквы были крупныя и отчетливыя, а я уже умѣла читать по-французски.

На одной изъ картинокъ, напечатанной сѣрыми тонами, соотвѣтствующими моей печали по Негро и Ромочкѣ, была изображена полутемная комната; черезъ большое, широкое окно, полукруглое вверху

[1]) Не бойтесь, дитя мое, мы не ссоримся, но между нами состязаніе въ великодушіи и *я-васъ-не-по-ки-ну*.

и съ мелкимъ переплетомъ, былъ виденъ садъ, и надъ деревьями свѣтила полная луна; у окна стоялъ высокій, стройный человѣкъ и, указывая на луну мальчику, стоявшему возлѣ него, онъ что-то говорилъ ему,—подъ картинкой были написаны его слова:

— Regarde, mon fils, la lune se lève au-dessus des saules pleureurs et des bouleaux [1]).

Отчего мнѣ стало вдругъ такъ страшно, что я закрыла книжку и зажмурилась, и мнѣ представился какой-то домъ, какой-то садъ и озеро, къ которому вела лѣсенка съ перилами изъ низенькихъ, точеныхъ колонокъ...

Съ тѣхъ поръ я стала бояться луны, и когда опять смотрѣла картинку—отъ словъ: „les saules pleureurs et les bouleaux“ хотѣлось плакать.

Мнѣ сталъ сниться странный домъ, и хотя онъ былъ красивъ, онъ казался мнѣ страшнымъ снаружи и еще страшнѣй внутри; тамъ я проходила по таинственному корридору и за запертыми дверями слышала голоса, но до конца никогда дойти не могла, такъ какъ просыпалась въ ужасѣ...

Сонъ этотъ преслѣдовалъ меня, то чаще, то рѣже, въ продолженіе почти двадцати пяти лѣтъ, даже когда я была замужемъ, и у меня уже были дѣти.

[1]) Смотри, мой сынъ, луна поднимается надъ плакучими ивами и березами.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Казани умерла нашъ большой другъ, Наталія Александровна Семякина, горячо любившая моего мужа и меня, и, когда я объ этомъ узнала въ Красномъ и конечно опечалилась, мнѣ опять приснился страшный домъ, но внутри было тихо, и въ этотъ разъ я дошла до конца корридора. Тамъ въ большой комнатѣ высоко билъ фонтанъ, окруженный перилами изъ низенькихъ точеныхъ колонокъ, и возлѣ него, улыбаясь, встрѣтила меня Наталія Александровна... Я проснулась, но безъ страха, и подумала:—этотъ фонтанъ—ея прежнія слезы.

Съ этихъ поръ мой сонъ прекратился, должно быть навсегда, но когда мнѣ приходилось видѣть въ старыхъ паркахъ, дворцахъ и зданіяхъ такіе фонтаны, перила и окна съ мелкимъ переплетомъ, у меня всегда сжималось сердце, и сильнѣе всего оно сжалось въ Версалѣ...

Въ Пришнѣ, въ усадьбѣ бабушкиной двоюродной сестры, Елены Сергѣевны Коленковой, къ которой мы заѣзжали по дорогѣ въ Тулу, въ домѣ былъ балконъ съ такими перилами, и въ дѣтствѣ я любила тамъ быть и о чемъ-то смутно вспоминать.

Мнѣ также нравилась въ Пришнѣ круглая гостиная съ старой мебелью краснаго дерева и съ портретами людей въ напудренныхъ парикахъ, но не нравилось, что въ Пришнѣ всегда на ночь закрывали ставни, и когда мы тамъ ноче-

вали, если, бывало, проснешься рано утромъ, когда еще всѣ спятъ, долго видишь дневной свѣтъ только черезъ маленькія отверстія ставней въ формѣ сердецъ и съ тоской чувствуешь себя точно въ тюрьмѣ, во власти кого-то неизвѣстнаго, завѣдующаго ставнями; и какъ долго, долго онъ ихъ не открывалъ..... Но вдругъ ставни съ шумомъ и грохотомъ, по чьему-то приказанію, отворялись снаружи, и яркій дневной свѣтъ, ослѣпляя въ первую минуту, широкой волной освобожденія вливался въ комнату, и тѣ, кто еще спали, просыпались..

Глава XXII.

Двѣ дороги.

Въ Тулу мы ѣздили изъ Краснаго не такъ, какъ въ Ивановское.

Въ Ивановское мы отправлялись на-легкѣ, въ колескѣ, иногда даже парочкой, и не брали съ собой провизіи, а въ Тулу ѣхали четверикомъ въ каретѣ; сзади еще былъ тарантасъ тройкой для людей и подвода съ вещами, и мы забирали съ собой много провизіи и воды въ бутылкахъ, чтобы ѣсть и пить дорогой

Ѣхать въ Ивановское было гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Тулу,—не такъ далеко, и дороги, ближ-

няя и дальняя, были до малѣйшихъ подробностей знакомы мнѣ.

По ближней дорогѣ, которая почти сплошь шла мимо деревень и усадебъ, ѣздить было веселѣй, на ней встрѣчались люди, лошади, стада и собаки, и она была верстъ на десять короче дальней, шедшей по пустыннымъ полямъ, но она зато была опаснѣй, такъ какъ часто приходилось переѣзжать черезъ рѣки и овраги по мостамъ.

Бабушка ужасно боялась этихъ мостовъ, потому что они были живые и только для видимости обманчиво прикрываясь слоемъ соломы, такъ и ходили подъ экипажемъ и подъ ногами лошадей, попадавшихъ копытами въ дыры и щели, а нѣкоторые мосты были очень узки, и часть даже безъ перилъ, такъ что благополучно проѣхать по такому мосту считалось большимъ кучерскимъ и лошадинымъ искусствомъ.

Ѳедоръ, гдѣ только было возможно, старался объѣзжать мосты, онъ, вѣрно, слышалъ разсказъ объ одномъ кучерѣ, который повезъ свою барыню въ каретѣ по мосту черезъ оврагъ и провалился.

— Эхъ вы, ну ужъ и мосты у васъ,—горько упрекалъ онъ мужиковъ, собравшихся вытаскивать карету изъ-подъ обломковъ, а они засмѣялись и отвѣтили ему:

— И ты тоже хорошъ, а еще кучеръ! видишь мостъ и прямо ѣдешь на него, нѣтъ того, чтобы его объѣхать.

Хотя Ѳедоръ никогда насъ не вываливалъ, и лошади наши никогда не шалили, все же бабушка не совсѣмъ довѣряла имъ на горахъ и на краю овраговъ и, крѣпко держась руками за коляску и сдерживая дыханіе, говорила мнѣ по-французски, чтобы Ѳедоръ не обидѣлся:

— Je crains qu'il ne nous fasse culbuter dans le précipice [1]).

Но она никогда отъ страха не кричала на мостахъ, какъ grand-maman, и не шептала при спускахъ съ горъ:

„Помяни Господи царя Давида и всю кротость его",—или же: *„Самсонова сила, павлинье перо"*—при подъемѣ въ гору, но покорно ожидала своей участи, облегченно вздыхая, когда опасности кончались.

Вопросъ: ѣхать ли въ Ивановское прямо по скучной дальней дорогѣ, или же сворачивать налѣво на ближнюю, веселую, рѣшался на полпути въ Раевѣ, но у бабушки не всегда хватало храбрости сказать.

— Ѳедоръ, поѣзжай налѣво,—но чаще всего она говорила:

— Ѳедоръ, прямо,—и мнѣ тогда предстояло во время пути по дальней дорогѣ не развлекаться земными видами, но, слѣдуя по пустынной мѣстности, глядѣть въ небо на облака и думать о комъ-то невидимомъ за ними, а потомъ заснуть

---

[1]) Я боюсь, чтобы онъ насъ не кувыркнулъ въ пропасть.

въ коляскѣ до самой „Дубровы“, откуда съ горы открывался великолѣпный видъ на Ивановское.

Чудно блеститъ тамъ рѣка подъ горой, а надъ рѣкой, на противоположномъ высокомъ берегу, на широкомъ выгонѣ стоитъ бѣлая каменная церковь. Направо отъ нея далеко тянется большая деревня, соединяясь съ другими деревнями, а налѣво усадьба, и за ней, въ туманной дали вдоль рѣки, виднѣются другія деревни, церкви и усадьбы.

Если мы подъѣзжаемъ къ Ивановскому вечеромъ, солнце садится за нами, озаряя всю картину розовымъ свѣтомъ, и стекла въ окнахъ барскаго дома, церкви и деревенскихъ избъ, отражая этотъ свѣтъ, хоромъ поютъ солнцу торжественный прощальный гимнъ, а намъ—привѣтственную пѣсню.

Слушая ее, мы ѣдемъ съ горы и видимъ, какъ въ усадьбѣ старый паркъ спускается къ рѣкѣ навстрѣчу намъ, и какъ бѣлый домъ съ террасой, фронтономъ и колоннами радуется намъ, и его окна, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца, смотрятъ на насъ и горятъ, какъ зоркія, живыя очи.

Усыпанныя пескомъ дорожки, отъ радости, что мы ѣдемъ, съ площадки передъ домомъ во всѣ стороны разбѣгаются мимо цвѣтущихъ клумбъ и, прячась за кустами, выглядываютъ оттуда, потомъ бѣгутъ къ рѣкѣ, гдѣ бѣленькая, обтянутая парусиной купальня лукаво улыбается намъ изъ-подъ вѣтвей плакучихъ ивъ, а возлѣ нея лодочка, покачиваясь на водѣ, привѣтливо киваетъ намъ.

О милое, милое Ивановское! Милый старый домъ!

Вотъ кто-то выпелъ на балконъ, точно выползла темненькая букашка, она засуетилась, побѣжала въ комнаты и оттуда привела съ собой другую, онѣ машутъ намъ бѣлыми платочками.

— C'est tante Sophie et encore quelqu'un [1]),— говоритъ бабушка радостнымъ голосомъ, а у меня сжимается горло отъ восторга, и такъ сильно бьется сердце, чувствуя волны любви, которыя оттуда плывутъ къ намъ, что хочется летѣть навстрѣчу къ нимъ, а мы такъ тихо, тихо спускаемся съ горы...

Но вотъ наконецъ нашъ экипажъ съ громомъ въѣзжаетъ на мостъ.

— Крѣпокъ ли мостъ?—безпокоится бабушка и хватается руками за коляску, но колеса ровно катятся по новымъ доскамъ, и онѣ не прыгаютъ, и лошади безъ страха стучатъ по нимъ копытами,— нигдѣ ни одной дыры, ни одной щели—мостъ торжественно гремитъ и, слегка сотрясаясь, съ достоинствомъ выдерживаетъ насъ.

Подъ нимъ шумитъ вода, омывая толстыя сваи, и течетъ дальше, а мы несемся въ гору,— еще одно усиліе, и мы мчимся во весь духъ по выгону, мимо церкви, прямо въ ворота и подкатываемъ къ крыльцу, а тамъ насъ уже ждутъ, встрѣчаютъ насъ и море любви и душевнаго тепла, поглощающихъ насъ...

[1]) Это tante Софи и еще кто-то.

Какъ сладко въ немъ тонуть, захлебываясь отъ радости!..

Но въ Тулѣ, куда мы теперь собираемся изъ Краснаго, никто не ожидаетъ насъ.

Какъ скучно ѣхать въ городъ изъ деревни...

Глава XXIII.

Сказочка.

Осенній дождь, мелкій какъ туманъ, падаетъ съ утра изъ сплошныхъ тучъ, застилая сѣрой пеленой оголенный лѣсъ и дали красновской усадьбы; временами усиливаясь до ливня, гонимый вѣтромъ, дождь стучится въ окна и разливается по стекламъ потоками холодныхъ слезъ... Если близко, близко приложить лицо къ стеклу, кажется, что самъ плачешь горючими слезами, сожалѣя о лѣтѣ:

— Ахъ! Зачѣмъ, зачѣмъ наступила осень, лучше бы все время было лѣто, и мы все гостили бы въ Ивановскомъ у grand maman.

Думая о ней, вспоминаю, какъ однажды grand' maman, любившая спать послѣ обѣда и полагавшая, что дѣтямъ тоже непремѣнно спать надо въ это время, рѣшила уложить меня съ собой и привела меня за ручку наверхъ въ свою спальню.

Тамъ были спущены коричневыя занавѣси, и среди дня было такъ темно, что захотѣлось поскорѣе убѣжать отъ grand' maman, но она заперла

дверь, сняла чепецъ и платье, надѣла длинный бѣлый пеньюаръ и улеглась въ постель подъ одѣяло, а меня положила рядомъ съ собой сверхъ одѣяла.

— Ну, внучка моя, слушай, я тебѣ разскажу сказочку,—сказала она, и мнѣ понравилась ея ласковая русская рѣчь и слово „внучка“.

— Жила-была коза, и у нея былъ козленочекъ,—начала grand' maman.

— Вотъ коза и говоритъ своему козленочку:

— Я пойду за молокомъ, а ты, смотри, никуда не уходи.

Вернулась коза домой, постучала въ окошечко и запѣла...

Медленно и монотонно звучалъ мелодичный голосъ grand' maman, желавшей усыпить свою внучку, но пѣсня еще не дѣйствовала, и она продолжала разсказывать:

— На другой день коза опять собралась идти за молокомъ и велѣла козленочку сидѣть дома, а онъ не послушался и пошелъ погулять.

Увидѣла его лиса-красна и подкараулила его, а когда козленочекъ вернулся домой, она подошла къ окошечку и запѣла:

— Ди-итено-очекъ, ко-озлено-очекъ, отомкниися, отопри-ися, твоя мать пришла, молока принесла.

Козленочекъ-то не разобралъ голоса лисы, отомкнулся а лиса, цапъ-царапъ, и унесла его къ себѣ въ лѣсъ.

Пришла домой коза и пропѣла свою пѣсенку— grand' maman цѣликомъ повторила ее еще протяжнѣе, но „внучка“ все не засыпала и во всѣ глаза глядѣла въ сторону запертой двери.

Вотъ видитъ коза, что никто не отмыкается и не отпирается, догадалась она, что козленочекъ пропалъ, и заплакала.

Пришли къ ней въ гости котъ и баранъ и спрашиваютъ: о чемъ ты, коза, плачешь?

— А она говоритъ: какъ же мнѣ не плакать? Лиса-красна утащила къ себѣ моего козленочка.

— Котъ, баранъ и говорятъ ей. не плачь, коза, мы пойдемъ его искать.

— А козленочекъ сидитъ у лисы и горько, горько плачетъ и поетъ:

— А-ахъ, котъ-ба-аранъ, меня лиса-кра-асна къ себѣ унесла...

— Да ты что же это не спишь, проказница?— потерявъ наконецъ терпѣніе, засмѣялась grand' maman.

— Пою, пою, а ты ни въ одномъ глазу, вотъ погоди, я тебя.

Она поджала два среднихъ пальца правой руки и, выставивъ рогами указательный и мизинецъ, направила ихъ въ мою сторону:

— Идетъ коза рогатая, забодала, забодала, забодала... защекотала она меня.

Огласивъ темную комнату звонкимъ смѣхомъ,

„внучка“ grand' maman соскочила съ постели и бѣгомъ побѣжала къ двери.

— Пошла отъ меня прочь, безсонная, — притворно разсердилась grand' maman и, вставъ съ постели, отворила дверь.

— Ну, уходи, только, смотри, тихонько спускайся съ лѣстницы,—не падай и не шуми внизу, пока я буду спать.

— Grand' maman, я пойду къ бабушкѣ, она, вѣрно, плачетъ, что ты утащила меня къ себѣ— внезапно пришла мнѣ въ голову мысль утѣшить grand' maman, объяснивъ ей свою поспѣшность отъ нея уйти.

— Ахъ, ты, хитрая дѣвчоночка, значитъ, выходитъ, что бабушка у тебя коза, а я—лиса,—ну, смотри у меня, — разсмѣялась она добрымъ старушечьимъ смѣхомъ и погрозила пальцемъ...

Глава XXIV.

Прежніе люди.

Grand' maman была статная, красивая старая женщина съ жгучими черными глазами и она терпѣть не могла говорить по-французски. Черные волосы ея вились кольчиками и выбивались изъ-подъ бѣлаго накрахмаленнаго чепца, не какъ у бабушки, у которой былъ черный чепецъ, волосы немного свѣтлѣе и гладкіе, и голубые глаза.

До самой смерти (grand' maman дожила до семидесяти шести, а бабушка до восьмидесяти), онѣ не посѣдѣли и читали безъ очковъ, несмотря на то, что у нихъ было много горя въ жизни и много пролито слезъ.

Бабушка звала grand' maman Варенькой, а grand' maman бабушку — Сашенькой, онѣ были очень дружны и помогали другъ другу, когда обѣ овдовѣли.

Въ семьѣ grand' maman бабушка считалась ученой и передовой и воспитывала ея дѣтей, а grand' maman была хозяйственна и консервативна, но хозяйственность ея не выражалась однѣми хлопотами и заботами матеріальнаго свойства — у нея это былъ настоящій талантъ, художественное пониманіе выраженія лица земли и неба, тонкое искусство читать въ нотахъ музыки природы, умѣнье распознавать въ закатахъ и восходахъ солнца, въ теплыхъ и холодныхъ, сухихъ или росистыхъ зоряхъ, въ какія формы сложится на небѣ дыханіе земли, въ дождливыя ли тучи, или въ легкія облака.

Сообразуясь съ этимъ, она знала, какъ распоряжаться уборкой и посѣвомъ хлѣба, свѣряясь съ барометромъ въ домѣ лишь для проформы, какъ опытный музыкантъ съ метрономомъ, увѣренный, что темпъ онъ чувствуетъ и безъ него.

Слилась ли grand' maman съ природой въ самой себѣ, научилась ли она въ ея знаменіяхъ

угадывать не только погоду, но и грядущее, но она провидѣла и предсказала день и часъ своей кончины.

— Завтра соберитесь всѣ ко мнѣ наверхъ, — сказала она однажды своимъ близкимъ, — въ три часа я умру.

Всѣ удивились, потому что тогда grand' maman, хотя уже два года была въ параличѣ, но ничѣмъ въ это время не хворала.

— Уведите Боску и сидите тихо, — распорядилась она, когда всѣ, по ея приказанію, собрались на другой день послѣ обѣда возлѣ ея постели.

Собачку увели, и въ наступившей тишинѣ grand' maman тихо отошла въ иной міръ...

Когда grand' maman была еще здорова, она вставала рано, рано утромъ, часовъ въ пять и уходила пѣшкомъ въ поле; оттуда она возвращалась съ цвѣтами, травами, колосьями и сѣмянами и сажала зерна въ ящики съ землей, чтобы видѣть, сколько каждое зернышко дастъ колосьевъ, а каждый колосъ—зернышекъ, и, читая въ маломъ, она учитывала урожай своей земли, не забывая принимать въ расчетъ и полевыхъ вредителей, и домашнихъ истребителей, во главѣ которыхъ былъ ея управляющій Яковъ Андреевичъ, le gros monsieur, какъ прозвала я его въ дѣтствѣ, отожествляя его, всегда надутаго и недовольнаго во время разговоровъ съ grand' maman, со своимъ „капризомъ", о которомъ бабушка говорила мнѣ, когда я упрямилась и не слушалась:

— Vite, vite chasse ton caprice à la rivière [1]), и я брала прутикъ, бѣжала къ рѣкѣ и прогоняла „le gros monsieur“ [2]).

У grand' maman было большое имѣніе и сложное хозяйство, но она никому не позволяла входить въ ея дѣла, и взрослые сыновья и дочери ея могли въ Ивановскомъ дѣлать, что хотѣли, но не вмѣшиваться въ ея распоряженія, и только одна старушка Татьяна Алексѣевна, бывшая няня дяди Саши, у которой хранились ключи отъ кладовыхъ, имѣла право иногда давать совѣты grand' maman, другая же старушечка, Татьяна Никитишна, прежняя няня дяди Мити, помогала ей своими молитвами.

Никитишна, жившая наверху въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ, увѣшанныхъ образами и монастырскими картинками, въ Ивановскомъ была чѣмъ-то въ родѣ старца, и каждый могъ къ ней придти за совѣтомъ и за утѣшеніемъ, она знала, что кому сказать и что посовѣтовать, потому что всѣхъ любила и желала всѣмъ добра: человѣку, звѣрю, птичкѣ и даже печеному хлѣбу, который „не любитъ, чтобы его клали на столъ нижней коркой кверху“.

— А что, ежели тебя такъ-то положить, какъ жука на спинку, хорошо тебѣ будетъ?

— Нельзя, нельзя такъ хлѣбъ класть,—наставляла Никитишна того, кто этого не понималъ.

---

[1]) Скорѣе, скорѣе прогони свой капризъ въ рѣку.

[2]) „Толстаго господина“.

— Все надо дѣлать по закону, по-Божьему,— говорила она.—Оттого-то и людямъ бываетъ худо жить на свѣтѣ, что законъ не соблюдаютъ и Бога забываютъ, а Онъ-то, Милосердный Батюшка, все видитъ, и печалится — молиться Ему надобно почаще.

Увѣренная въ силѣ молитвы, Никитишна считала, что въ монастырѣ молиться можно лучше, чѣмъ въ міру и, если она сама, по грѣхамъ своимъ, не сподобилась туда попасть, то одобряла тѣхъ, кто собирался въ монастырь, и когда шестнадцатилѣтняя дочь grand' maman, Машенька, вздумала постричься, Никитишна ее поддержала и, несмотря на уговоры, просьбы и слезы матери, Машенька ушла въ монастырь и стала „Магдалиной".

Съ тѣхъ поръ она уже не говорила „merçi", а — „Спаси васъ Господи" и вѣрила, что причиною всѣхъ бѣдъ на свѣтѣ — не только забвеніе Бога и нарушеніе Его Закона, но и—„le diable" [1]. (Слово это не такъ страшно было произносить по-французски, шопотомъ и перекрестивъ ротъ, чтобы „le diable" не вошелъ въ уста).

Врагъ человѣческаго рода, „le mauvais esprit" [2], какъ предпочитала называть его бабушка, по мнѣнію Магдалины, особенно любилъ смущать монаховъ и монашенокъ, и для нея онъ былъ чѣмъ-то

[1]) „Діаволъ".

[2]) Злой духъ.

въ родѣ того, что для меня былъ „капризъ“ — „le gros monsieur“, но не я сама: а прогоняла она его не прутикомъ въ рѣку, а четками, постоянно перебирая ихъ съ молитвой, и также строгими постами.

Но grand' maman очень боялась, чтобы Магдалина въ монастырѣ не зачахла безъ мяса и бульона и она приказывала повару побольше подливать его въ постный супъ, когда Магдалина гостила въ Ивановскомъ.

— Ну, ужъ грѣхъ беру на себя—успокаивала она повара, а онъ вопросительно и съ сожалѣніемъ нерѣшительно отвѣчалъ:

— Слушаюсь.

Старшая сестра Магдалины tante Sophie, не осуждая ухода Магдалины въ монастырь, сама рѣшила никогда не покидать своей матери и, отказавшись выйти замужъ за любимаго человѣка—le comte Nicolas Tatistcheff, — она нѣжно ухаживала за grand' maman до конца ея жизни.

— Богу надобно служить и въ міру,—говорила она,—et si on veut prier Dieu, on peut le faire partout [1]).

Были ли онѣ обѣ правы, но и Магдалина и tante Sophie такъ цѣльно отдались идеѣ служенія Богу, что лица ихъ стали свѣтлы, глаза ясны, а руки такъ нѣжны, что еще въ юности мнѣ при-

[1]) И если хочешь молиться Богу, это можно дѣлать вездѣ.

шла мысль о томъ, что „лицо, руки человѣка“ отражаетъ выраженіе лица его души.

Изъ трехъ дочерей grand' maman вышла замужъ только моя мать, и вся жизнь ея была подвигомъ терпѣнія и служенія моему отцу и его дѣтямъ. Изъ четырехъ же сыновей grand' maman женились два старшіе—Юрій Петровичъ на своей кузинѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ, той самой Lolo, которую мать въ сороковыхъ годахъ на лошадяхъ возила изъ Кіева въ Дрезденъ, а позднѣе—Николай Петровичъ на красавицѣ Ниночкѣ, сестрѣ Ѳедора Александровича Свѣчина, и когда умерла grand' maman, она стала хозяйкой Ивановскаго.

При ней съ террасы были сняты колонны и фронтонъ, чтобы въ комнаты проникало больше свѣта, а терраса была расширена для того, чтобы можно было чай пить и обѣдать на воздухѣ, въ домѣ же вездѣ были сдѣланы паркетные полы, и убранъ плющъ съ хоръ и изъ угловой, потому что онъ очень пылился, но при grand' maman все оставалось по-старинному, и ей никто ни въ чемъ не прекословилъ, и оттого подъ старость въ ней развилась нѣкоторая властность.

Не женились ея два младшіе сына—дядя Саша, потому, что беззавѣтно любилъ свою кузину, сестру жены своего брата, Юрія и, связанный съ ней двойнымъ родствомъ и свойствомъ, вѣнчаться съ ней не могъ; а дядя Митя, подъ вліяніемъ ли Никитишны, или по другой причинѣ,

внезапно покинулъ Ивановское и ушелъ жить въ лѣсъ.

Тамъ онъ себѣ построилъ домикъ, завелъ пчелъ и, питаясь медомъ и грибами, слушалъ таинственный шумъ лѣса и игралъ на скрипкѣ, скрываясь въ чащу, когда знакомые пріѣзжали навѣщать его въ „Темный"; видѣлся онъ тамъ только изрѣдка со своими родными и съ матерью, привозившей ему провизіи, изъ страха, чтобы онъ не умеръ съ голоду въ лѣсу.

Отъ дяди Мити, когда онъ еще жилъ въ Ивановскомъ, посчастливилось мнѣ, впервые въ этой жизни, услышать голосъ скрипки и увидѣть, какъ на ней играютъ.

Глава XXV.

Голосъ скрипки.

Это было лѣтомъ въ 1866-мъ году.

Мы только-что съ бабушкой изъ Краснаго пріѣхали въ Ивановское, былъ жаркій день, и grand' maman спала послѣ обѣда.

Въ эти часы, между тремя и четырьмя, никто не смѣлъ шумѣть ни въ домѣ, ни въ саду, и люди или тоже спали, или куда-нибудь подальше уходили, и даже мухи сидѣли смирно.

Тихонечко, тихонечко, на цыпочкахъ хожу по

пустыннымъ комнатамъ и осматриваю давно, давно знакомые и милые мнѣ предметы.

Молча и горячо льются лучи солнца изъ верхнихъ и нижнихъ оконъ двухсвѣтной залы, лаская цвѣты и запылившійся плющъ, обвивающій перила хоръ.

Въ гостиной солнце, проникая сквозь цвѣтныя стекла балконной двери, играетъ разноцвѣтными пятнами на полу, на стѣнѣ и на лицѣ портрета дѣдушки Петра Александровича Арсеньева, украшая ему носъ, лобъ и волосы зеленымъ, розовымъ и голубымъ, и, довольный, онъ улыбается, храня молчаніе.

На столахъ, въ старинныхъ вазахъ въ водѣ стоятъ букеты розъ, и розы молча пьютъ воду, съ нѣжностью благоухая и улыбаясь солнцу.

Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, на диванахъ, на подушкахъ тоже розы, но вышитыя шерстями и шелками, руками tante Sophie, а въ углу, возлѣ окна стоятъ ея пяльцы, на нихъ натянутъ коврикъ, но розы на немъ еще не готовы и прикрыты душистой, тоненькой, батистовой простынкой.

Дальше еще комната, „угловая“, съ площадкой и бесѣдкой изъ плюща,—тамъ вечеромъ надъ столикомъ, передъ диваномъ, горитъ цвѣтной фонарь, а теперь кто-то возится и храпитъ.

— Кто это?..

— Ахъ! Это ты, Мосенька, — тише, тише, не храпи, разбудишь grand' maman.—Ты какъ сюда попала Мося, что ты тутъ дѣлаешь?

— Скучаю,—отвѣчаютъ Мосенькины огромные, выразительные глаза, увлажняясь слезами и, довольная увидѣть живого человѣка, она помахиваетъ хвостикомъ, храпитъ и улыбается своей симпатичной черной бархатной мордочкой съ сморщеннымъ курносымъ носикомъ.

— Да тише же, Мосенька, кушъ тутъ и не ходи за мной, а то будешь стучать ногтями по полу и непремѣнно разбудишь grand' maman.

Оглядываясь на Мосеньку и грозя ей пальцемъ, чтобы она слушалась, выхожу изъ „угловой“ въ диванную и тамъ вылѣзаю въ открытое окно на балконъ, чтобы не стукнуть дверью—здѣсь самое опасное мѣсто—какъ-разъ надъ балкономъ спальня grand' maman.

Жарко, жарко свѣтитъ солнце въ саду и тянетъ къ себѣ травы и цвѣты, и, расцвѣтая на клумбахъ, онѣ тихо дышатъ и, глядя на солнце, растутъ.

Солнце тянетъ и меня къ себѣ—простираю къ нему руки крыльями и, поднявшись на цыпочкахъ, легко, легко, точно во снѣ летаю по дорожкамъ сада, то внизъ къ рѣкѣ, то опять къ дому, туда, гдѣ противъ кабинета подъ солнцемъ млѣютъ капельки смолы на елкахъ въ рощицѣ.

Оттуда къ grand' maman наверхъ не слышно ничего, но и тамъ тихо и безлюдно; и въ безмолвіи вдругъ пробуждается и таинственно звучитъ какой-то чудный голосъ.

Нѣжный, мягкій, еще неслыханный, но будто бы уже знакомый, онъ поетъ безъ словъ, пронзая мое сердце, и замираетъ ..

— Ты что, милая дѣвочка моя?—ласково спрашиваетъ изъ окна кабинета дядя Митя.

— Иди сюда.

Онъ нагибается въ окно, поднимаетъ меня, всю ослабѣвшую отъ звуковъ, переноситъ въ комнату, беретъ со стола скрипку и смычекъ и опять играетъ...

Стою передъ нимъ такая маленькая, удивленная и, слушая звуки скрипки, благоговѣю, безсознательно преклоняясь передъ Тѣмъ, кто уже давно, давно, въ прошломъ существованіи, навѣки покорилъ мое сердце Божественнымъ Глаголомъ въ звукахъ музыки...

Глава XXVI.

Любовь къ скрипкѣ.

Grand' maman проснулась, домъ и мухи ожили.

Въ буфетной звенятъ ложки и чайная посуда, въ залѣ накрываютъ длинный столъ, ставятъ на него молоко и масло, варенье, печенье и лепешки, потомъ несутъ большой кипящій самоваръ, а на маленькомъ столѣ возлѣ стѣны подаютъ арбузъ и дыню, ягоды и фрукты.

Чай разливаетъ сама grand' maman; но не

просто, а по чинамъ, кто позначительнѣе и полезнѣе въ домѣ — тому покрѣпче.

Самый слабый чай получаютъ дѣти и Иванъ Акимовичъ, немного крѣпче — пивоваръ Оскаръ Ѳедоровичъ, еще покрѣпче — музыкантъ Василій Гавриловичъ и такъ далѣе — все выше и выше, такъ что бабушка говоритъ grand' maman:

— Помилуй, Варенька, ты мнѣ налила не чай, а пиво, пожалуйста разбавь его кипяткомъ.

Дѣти съ благодарностью принимаютъ отъ grand' maman сладкую водичку, (сахару она не жалѣетъ) и подливаютъ въ нее молока, или кладутъ варенье, а иногда и то и другое вмѣстѣ, отчего молоко преинтересно свертывается и плаваетъ бѣлыми тряпками въ мутной жижѣ, тогда въ нее надо накрошить побольше булки, она разбухнетъ, и получится превкусный пудингъ, только grand' maman этого не любитъ и строго смотритъ изъ-за самовара, когда вываливаешь пудингъ изъ чашки въ блюдце и украшаешь его сверху вареньемъ.

За слабый чай ужасно обижается Иванъ Акимовичъ.

Гордый и дерзкій старикъ, онъ почти выдергиваетъ изъ рукъ grand' maman стаканъ съ желтенькой влагой и фиксируетъ ее злыми глазами, когда она наливаетъ ему такого же чая во второй и въ третій разъ, не жалѣя кипятка, а она на него только грозно сверкаетъ черными глазами,

но ничего не говоритъ, и молчитъ grand' maman не потому, чтобы боялась Ивана Акимовича, но потому что — послѣдній въ домѣ — онъ первый человѣкъ на счетъ грибовъ въ лѣсу, а у grand' maman страсть къ грибамъ.

Она за ними часто ѣздитъ рано утромъ въ четырехмѣстной каретѣ на четвернѣ сѣрыхъ съ старымъ Сергѣемъ (въ отличіе отъ молодого кучера Сергѣя) и беретъ съ собой въ карету горничную Надю, ключницу Марѳу и Ивана Акимовича, сзади же за ними слѣдуетъ линейка тройкой, наполненная корзинками и любителями грибной охоты, среди которыхъ Иванъ Акимовичъ въ лѣсу король — никто, какъ онъ, такъ не умѣетъ искать и находить грибы.

Оскаръ Ѳедоровичъ не замѣчаетъ своего слабаго чая, онъ слишкомъ занятъ бутылкой только-что свареннаго имъ пива, принесеннаго имъ для пробы, а также мыслями о своей бѣлой лошади, на которой онъ каждый день катается верхомъ, падаетъ, или кого-нибудь сбиваетъ съ ногъ и давитъ.

— Оскаръ Ѳедоровичъ! ну, какъ вы вчера катались верхомъ?—спрашиваетъ его кто-нибудь изъ присутствующихъ, предвкушая забавный разсказъ на ломанномъ русскомъ языкѣ.

— Какъ я катался?—А-отлично.

— И часто падали?

— Нѣ-ѣтъ, только два разъ — одинъ разъ

черезъ голова лошадь, другой разъ черезъ хвостъ.

— Ну, ужъ навѣрное не два раза падали, а разъ двадцать, — подзадариваетъ Оскара Ѳедоровича кто-нибудь изъ моихъ дядюшекъ.

— Нну-у, зачѣмъ двадцать—только три раза,— поправляется Оскаръ Ѳедоровичъ, — я вамъ все разскажу, только позвольте мнѣ сначала отпереть бутылка пивъ?

— Отпирайте, отпирайте бутылку, — смѣются дядюшки.

— Ну, вотъ, поѣхалъ я вчера на мой лошадь прямо по дорога, — ѣду, ѣду, ничего, лошадь не брикается, вдругъ вижу вода, а черезъ вода горбатый мостъ. Ѣду прямо на мостъ, а съ другой сторона идетъ стадо баранъ и тоже прямо на мостъ...

— Ну, и что же?—любопытствуютъ слушатели.

— Что?—Баранъ на моста, и я на лошадь на моста посередка баранъ, и вдругъ лошадь мой начинаетъ брикать... Лошадь брикаетъ, а я смотрю— направо смерть въ вода, и налѣво смерть въ вода, тогда я рѣшался вискочить на дорога и ударялъ лошадь—онъ прыгнулъ прямо на дорога, а я падалъ, счастье не въ вода, а прямо по середка стада баранъ...

Всѣ въ восторгѣ хохочутъ, добродушно смѣется надъ собой и долговязый, недурной собою молодой пивоваръ.

Не смѣялась только Александра Ивановна, молоденькая дѣвушка, бывшая гувернантка наша, гостившая въ Ивановскомъ; она жалѣла Оскара Ѳедоровича и каждый день стала ходить въ бесѣдку, гдѣ изъ сада было видно, какъ на выгонѣ гарцуетъ Оскаръ Ѳедоровичъ на своемъ бѣломъ конѣ, которому, очевидно, нравилось нарочно спотыкаться и „задавать козла“, чтобы сбрасывать своего всадника то черезъ голову, то черезъ хвостъ.

А Александра Ивановна ужасалась и ахала, не ушибся ли Оскаръ, Ѳедоровичъ и онъ подъѣзжалъ верхомъ къ бесѣдкѣ, увѣрялъ, что не ушибся и успокоивалъ Александру Ивановну.

И онъ полюбилъ ее.

Въ большомъ волненіи пришелъ онъ къ tante Sophie съ просьбой помочь ему признаться въ этомъ Александрѣ Ивановнѣ и просить ея руки, и tante Sophie, растроганная и, можетъ быть, вспоминая своего жениха Nicolas Tatistcheff, согласилась.

Она все сказала Александрѣ Ивановнѣ и привела ее въ залу, гдѣ ждалъ Оскаръ Ѳедоровичъ, а сама, чтобы изъ приличія не оставлять ихъ однихъ, сѣла за рояль и, низко наклонивъ голову надъ нотами, будто очень близорука, стала громко играть какую-то пьесу съ безконечными повтореніями, а Оскаръ Ѳедоровичъ съ Александрой Ивановной объяснялись въ уголочкѣ за столомъ, и лица ихъ сіяли.

— Ne les regarde pas et n'écoute pas ce qu'on parle, c'est indiscret — сказала мнѣ tante Sophie, еще ниже наклоняясь надъ нотами—plutôt vas te promener au jardin [1]). . . . . .

. . . . . .

Гуляю по саду и думаю:

Оскаръ Ѳедоровичъ любитъ Александру Ивановну и проситъ ея руки, и Александра Ивановна его любитъ — а я, а я?..

А я люблю скрипку дяди Мити и сейчасъ побѣгу къ бабушкѣ просить позволенія на ней учиться...

— Quelle bêtise [2]), сначала отвѣчаетъ бабушка, а потомъ задумывается и призываетъ дядю Митю. Они совѣтуются и посылаютъ за Василіемъ Гавриловичемъ.

— Попробуемъ,—говоритъ онъ,—только боюсь, не велика ли ей будетъ скрипка Дмитрія Петровича.

Приносятъ скрипку, вынимаютъ ее изъ футляра, и Василій Гавриловичъ настраиваетъ ее и играетъ какіе-то пассажи.

— Какой хорошій старикъ, а какъ фальшивитъ и плохо играетъ,—думается мнѣ, точно уже знаю, *какъ* надобно играть на скрипкѣ; Василій Гавриловичъ даетъ мнѣ скрипку въ руки и по-

[1]) Не смотри на нихъ и не слушай, что говорятъ, это нескромно,—лучше иди гулять въ садъ.

[2]) Какія глупости.

казываетъ, какъ надобно держать смычекъ, потомъ онъ ставитъ мнѣ пальцы на струны и самъ перебираетъ ими, а дядя Митя водитъ мою руку со смычкомъ; выходитъ:

„Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ“...

— Пустите, я сама.

Сразу соображаю, какъ надобно играть „чижика“, и Василій Гавриловичъ, въ восторгѣ, всѣхъ зоветъ.

Меня окружаютъ.

Едва доставая струны, опять играю „Чижика“ и еще что-то свое.

— Каково, каково, сразу сама играетъ,—восхищается Василій Гавриловичъ, и всѣ въ изумленіи смотрятъ.

Стою со скрипкой и смычкомъ въ рукахъ, не менѣе счастливая, чѣмъ Оскаръ Ѳедоровичъ и Александра Ивановна, а дядя Митя улыбается и говоритъ:

— Со временемъ ты будешь отлично играть.

Глава XXVII.

Наша семья.

Хотя осенью 1868 года мнѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ и пора было начинать серьезно учиться, бабушка ни за что не хотѣла отдавать

меня, ни въ институтъ, ни въ другое учебное заведеніе.

— Дѣвочка, если есть возможность, должна воспитываться и учиться дома, — говорила она моимъ родителямъ, — мальчикъ совсѣмъ другое дѣло и очень хорошо, что Ромочка ходитъ въ Анненскую школу.

Родители мои, съ которыми мы тогда жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, покорились бабушкиной волѣ, памятуя, что, когда я родилась въ Красномъ, они меня ей подарили и она вольна распоряжаться моимъ воспитаніемъ какъ ей угодно.

Въ силу этого у насъ само собой образовалось въ домѣ двѣ семьи—бабушка со мной, а другая—отецъ, мать и мои маленькія сестры Соня и Варя, Ромочка же былъ у насъ общій.

Квартира наша тоже сама собой раздѣлилась на двѣ половины: въ одной жили мы съ бабушкой—это была учебная и художественная половина, въ другой, гдѣ помѣщались мои родители съ дѣтьми, происходили игры, шитье, столярныя, токарныя и переплетныя работы.

Мать моя не только обшивала своихъ дѣтей, но также сама дѣлала имъ обувь и разъ даже сшила сапоги и форменный морской сюртукъ моему отцу, который приглашалъ къ ней сапожника и портного, чтобы всему этому научить ее.

Помню какъ моя мать, маленькая, кроткая и всегда во всемъ старательная, своими маленькими

казываетъ, какъ надобно держать смычекъ, потомъ онъ ставитъ мнѣ пальцы на струны и самъ перебираетъ ими, а дядя Митя водитъ мою руку со смычкомъ; выходитъ:

„Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ“...

— Пустите, я сама.

Сразу соображаю, какъ надобно играть „чижика“, и Василій Гавриловичъ, въ восторгѣ, всѣхъ зоветъ.

Меня окружаютъ.

Едва доставая струны, опять играю „Чижика“ и еще что-то свое.

— Каково, каково, сразу сама играетъ,—восхищается Василій Гавриловичъ, и всѣ въ изумленіи смотрятъ.

Стою со скрипкой и смычкомъ въ рукахъ, не менѣе счастливая, чѣмъ Оскаръ Ѳедоровичъ и Александра Ивановна, а дядя Митя улыбается и говоритъ:

— Со временемъ ты будешь отлично играть.

Глава XXVII.

Наша семья.

Хотя осенью 1868 года мнѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ и пора было начинать серьезно учиться, бабушка ни за что не хотѣла отдавать

меня, ни въ институтъ, ни въ другое учебное заведеніе.

— Дѣвочка, если есть возможность, должна воспитываться и учиться дома, — говорила она моимъ родителямъ, — мальчикъ совсѣмъ другое дѣло и очень хорошо, что Ромочка ходитъ въ Анненскую школу.

Родители мои, съ которыми мы тогда жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, покорились бабушкиной волѣ, памятуя, что, когда я родилась въ Красномъ, они меня ей подарили и она вольна распоряжаться моимъ воспитаніемъ какъ ей угодно.

Въ силу этого у насъ само собой образовалось въ домѣ двѣ семьи—бабушка со мной, а другая—отецъ, мать и мои маленькія сестры Соня и Варя, Ромочка же былъ у насъ общій.

Квартира наша тоже сама собой раздѣлилась на двѣ половины: въ одной жили мы съ бабушкой—это была учебная и художественная половина, въ другой, гдѣ помѣщались мои родители съ дѣтьми, происходили игры, шитье, столярныя, токарныя и переплетныя работы.

Мать моя не только обшивала своихъ дѣтей, но также сама дѣлала имъ обувь и разъ даже сшила сапоги и форменный морской сюртукъ моему отцу, который приглашалъ къ ней сапожника и портного, чтобы всему этому научить ее.

Помню какъ моя мать, маленькая, кроткая и всегда во всемъ старательная, своими маленькими

ручками также ловко справлялась съ иглой, съ шиломъ, молоточкомъ и дратвой, какъ и съ роялемъ, на которомъ она, какъ достойная ученица Гензельта, играла превосходно.

Въ рабочемъ кабинетѣ моего отца, гдѣ жилъ Ромочка, кромѣ дивана, на которомъ онъ спалъ, его и отцовскаго письменныхъ столовъ, стояли токарный станокъ и верстакъ, а на полкахъ было множество столярныхъ и переплетныхъ инструментовъ.

Въ эту комнату къ моему отцу часто приходили столяръ, рѣзчикъ и переплетчикъ и, работая съ нимъ, учили его; возлѣ нихъ учились и мы, дѣти, тоже пробуя точить, пилить и переплетать.

Но кромѣ ремесленниковъ и музыкантовъ, друзей моего отца, къ намъ приходили, чтобы насъ, дѣтей, учить, преподаватель рисованія, учительница нѣмецкаго языка, студентъ и два матроса изъ команды моего отца—Сверегодскій и Карелинъ, отличавшіеся математическими способностями и знаніемъ ариѳметики.

Отецъ нарочно позвалъ ихъ къ намъ, увѣряя, что народъ способенъ не менѣе интеллигенціи и что эти матросики научатъ насъ ариѳметикѣ лучше всякаго студента; въ доказательство онъ велѣлъ Карелину принести коллекцію великолѣпно склеенныхъ имъ изъ бумаги геометрическихъ фигуръ, которыми хвалился передъ нами и нашими знакомыми.

Отецъ мой, настоящій морякъ въ душѣ, отлично зналъ характеръ и способности каждаго своего матросика и обожалъ свою команду, поэтому и я была влюблена не только въ Сверегодскаго, въ Карелина и въ отцовскаго вѣстового Эмельянова, но и во всѣхъ матросовъ и моряковъ и во весь русскій флотъ вообще и эта коллективная влюбленность заставляла меня особенно чувствительно играть на роялѣ „Matrosenlied“ изъ дѣтскихъ пьесъ Шумана.

Въ домѣ у насъ въ это время на разныхъ половинахъ уже было не одинъ, а два рояля—старый Виртъ maman, а у насъ съ бабушкой новый Бекеръ.

Его выбиралъ самъ Балакиревъ и когда рояль привезли изъ склада и поставили въ нашу комнату, Милій Алексѣевичъ пріѣхалъ, чтобы еще разъ попробовать его.

Онъ сначала сыгралъ нѣсколько блестящихъ пассажей безъ педали и внимательно прислушиваясь къ звуку рояля, одобрительно кивалъ головой; потомъ, взявъ педаль и беззвучно нажимая правой рукой клавиши, лѣвой рукой сталъ медленно играть мелодію и рояль запѣлъ.

— Хорошъ, — сказалъ Милій Алексѣевичъ и началъ импровизировать.

Боже мой! Что же это была за игра!

Яркіе пассажи, свѣтлые и чистые какъ кристалы, такъ и разсыпались по роялю потокомъ

драгоцѣнныхъ ожерельевъ и между ними какъ жемчужины, въ атмосферѣ благородства и красоты, рождались нѣжныя мелодіи, свѣтлыя какъ лучи солнца... А энергичные пальцы Милія Алексѣевича, покорные его волѣ, уже создавали новыя картины и, казалось, волшебные цвѣты, въ очарованномъ лѣсу звуковъ, выростали возлѣ сказочнаго ручья... Наклонясь надъ своими руками, Милій Алексѣевичъ самъ, какъ бы съ удивленіемъ, прислушивался къ своимъ творческимъ мыслямъ, сверкавшимъ золотомъ вдохновенія въ его зоркихъ карихъ глазахъ и восхищенные его игрой, мои родители и бабушка молча стояли возлѣ него и слушали; слушали и мы, дѣти, притаившись за роялемъ.

Окончивъ играть, Балакиревъ замѣтилъ насъ и улыбнулся.

— А! Японскій божокъ, здравствуйте,—ласково протянулъ онъ руку моей маленькой сестрѣ Сонѣ, которую особенно любилъ за ея музыкальность, прозвалъ же онъ ее „японскимъ божкомъ“, потому что, когда она еще была крошкой, у нея очень медленно росли волосики и долго головка была голенькая.

— Ну что Вы теперь поете? — спросилъ онъ ее.

— Пою изъ Руслана, — не смущаясь отвѣтила Соня; правда, моя шестилѣтняя сестра очень мило пѣла дѣтскимъ контральто арію Ратмира.

— Отлично! — похвалилъ ее Балакиревъ. — А теперь мнѣ пора,—заторопился онъ.

— Ну, куда Вы, Милій Алексѣевичъ, а чайку съ малиновымъ вареньемъ, — стали упрашивать его остаться мои родители.

— Противъ этого аргумента устоять невозможно—засмѣялся онъ и остался.

И у этого музыкальнаго генія были свои маленькія слабости: онъ любилъ чай съ малиновымъ вареньемъ, носилъ зимой холодное пальто, шарфъ вмѣсто воротника и кругленькую холодную шапочку, фасона, который такъ и назывался у насъ Балакиревскимъ фасономъ, а перчатки у него были шерстяныя и непремѣнно яркаго малиноваго цвѣта, покупалъ онъ ихъ у торгонокъ.

Какъ сейчасъ вижу его въ этомъ костюмѣ: мы съ отцомъ гуляемъ и встрѣчаемъ Балакирева и уже издали онъ улыбается и привѣтливо машетъ намъ малиновыми руками.

— Чудакъ Милій, ну ужъ и перчатки,—смѣется отецъ.

Была у Милія Алексѣевича еще одна фантазія: — онъ писалъ свою фамилію съ маленькой буквы.

— Фамилія не существительное, а прилагательное,—объяснялъ онъ эту странность.

Глава XXVIII.

Уроки скрипки.

Когда начался учебный сезонъ, бабушка пригласила ко мнѣ, вмѣсто Василія Гавриловича, оставшагося въ Ивановскомъ, другого учителя скрипки — ученика консерваторіи.

Его рекомендовалъ намъ Александръ Ѳедоровичъ Мейеръ, віолончелистъ Маріинскаго театра, часто бывавшій у насъ и проводившій съ нами цѣлые дни, потому что былъ одинокъ и несчастливъ, родители же мои умѣли пригрѣвать всѣхъ несчастныхъ, обездоленныхъ и одинокихъ.

Желая сдѣлать намъ пріятное, Мейеръ самъ отправился въ консерваторію и тамъ нашелъ мнѣ учителя.

Ожидая перваго урока съ большимъ нетерпѣніемъ, въ назначенный день, я уже приготовила Ромочкину скрипочку, перешедшую ко мнѣ, тщательно вытерла ее чистымъ носовымъ платкомъ и вмѣстѣ съ нотами положила рядомъ со смычкомъ на рояль.

Вотъ въ прихожей раздался звонокъ, Анисья отворила дверь, кто-то сталъ снимать пальто, галоши, кашлянулъ, высморкался и въ комнату вошелъ юноша.

Какой хорошенькій — черные густые волосы аккуратно причесаны съ проборомъ и усики под-

фабрены, а глаза у него бѣловатые съ ободками, какъ у молодыхъ галчатъ; въ комнатѣ пронесся ароматъ шипра.

— Позвольте представиться,—подошелъ юноша къ бабушкѣ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня.

— Вѣрно думаетъ: какъ странно, что на скрипкѣ будетъ учиться дѣвочка,—промелькнуло у меня въ мысляхъ въ то время, какъ я ему присѣдала.

— Очень пріятно, — сказала бабушка, — Александръ Ѳедоровичъ передалъ мнѣ Ваши условія, я согласна и уже купила школу Беріо, по Вашему указанію, можно сегодня начать?

— Можно,—важно отвѣтилъ мой новый учитель и, смѣривъ меня довольно строгимъ взглядомъ, спросилъ:

— Ноты знаете? Немножко играете на скрипкѣ?—Ну сыграйте ка мнѣ вотъ это,—открылъ онъ школу Беріо тамъ, гдѣ въ первой позиціи начинаются гаммы съ do мажорной.

Это самая трудная гамма для начинающаго скрипача—напряженіе лѣвой руки, благодаря третьему неустойчивому пальцу, неминуемо передается правой рукѣ, и ученикъ непремѣнно фальшивитъ и скрипитъ.

— Не такъ, не такъ! — затопалъ и закричалъ на меня мой преподаватель,—еще разъ и потомъ идите дальше, ну, скорѣе.

Перепугавшись и еще хуже сыгранъ do мажорную гамму, я перешла на la минорную и опять сфальшивила, а мой преподаватель опять разсердился и топнулъ ногой.

Такъ начался и продолжался первый урокъ—я ошибалась, учитель кричалъ, а у бабушки, сидѣвшей на диванѣ съ чулкомъ, отъ волненія дрожали руки и спицы другъ объ друга стучали, она краснѣла, но молчала, а мнѣ хотѣлось плакать

Играя мажорныя гаммы, я еще кое-какъ крѣпилась, но на минорныхъ сердце ослабло и слезы сначала закапали, а потомъ полились рѣкой на деку скрипки и, черезъ эфы, въ ея нутро.

Когда урокъ кончился, мой учитель побѣдоносно на меня взглянулъ и улыбнулся.

— Ага! Боишься меня? Такъ и надо, знаю, какъ надо уроки давать,—сказали мнѣ его глаза, а мои, опять наполняясь слезами, отвѣтили ему:

— Зачѣмъ! Зачѣмъ!.. Такой молодой и хорошенькій и такой сердитый. . . . . .

— Это совершенно невозможно!—говорила на другой день бабушка сконфуженному Мейеру.—Кого вы рекомендовали, развѣ это уроки, это—мученье!

— Онъ малый хорошій и неглупый,—оправдывалъ Мейеръ свою рекомендацію,—это онъ такъ, напускаетъ на себя, его такъ учатъ и онъ также учитъ, на него кричатъ и онъ кричитъ и топаетъ, такая ужъ система... Знаете что, я лучше привезу

вамъ моего дядю, Михаила Филипповича Кременецкаго, онъ возьметъ немного подороже, зато онъ профессоръ скрипки въ пѣвческой капеллѣ, пожилой, семейный человѣкъ и очень терпѣливый.

— Ахъ, пожалуйста! —обрадовалась бабушка.— Я ничего не жалѣю для ея воспитанія!

На слѣдующей недѣлѣ вмѣстѣ съ Мейеромъ пріѣхалъ къ намъ Кременецкій, немолодой, небольшого роста, съ бородой и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ, хитро, по-хохлацки улыбающемся лѣвымъ глазомъ.

— Славный „дядюшка“,—подумала я, присѣдая.

Прослушавъ меня, онъ отвелъ бабушку въ сторонку и у нихъ начался разговоръ шопотомъ.

Кременецкій что-то доказывалъ, бабушка отнѣкивалась и онъ пожималъ плечами.

— Въ чемъ дѣло?—войдя въ комнату вмѣстѣ съ Мейеромъ, спросилъ мой отецъ.

— Да вотъ, — заволновалась бабушка, — Михаилъ Филипповичъ непремѣнно хочетъ изъ нея сдѣлать артистку, а я вовсе этого не желаю, она должна играть для себя, ну, для мужа, когда выйдетъ замужъ...

— И непремѣнно за генерала!—иронически досказалъ отецъ бабушкину мысль.

— А почему же нѣтъ, если онъ будетъ достой-ный человѣкъ,—вспыхнула бабушка.

— А почему ей непремѣнно замужъ выходить, а не быть артисткой?—возразилъ отецъ.

— Ахъ, полноте пожалуйста! *Ей* играть *за деньги*! Допустить не могу!—вскипѣла бабушка.

— Да можно быть артисткой, и вездѣ даромъ играть,—успокоивалъ ее отецъ.

Кременецкій, чувствуя, что мой отецъ на его сторонѣ, молчалъ и хитро улыбался.

— Ну, тамъ видно будетъ,—сказалъ онъ,—а пока мы всетаки начнемъ серьезно заниматься.

— Ахъ, вы меня не понимаете, я очень рада, только одного прошу, чтобы она никогда за деньги не играла, — прослезилась бабушка, и отецъ поцѣловалъ у нея руку.

Во время этого разговора мнѣ сначала казалось, что меня хотятъ кому-то отдать и скрипку у меня отнять, и крѣпко, крѣпко мысленно, прижавъ ее къ себѣ, я молча отвѣтила:

— Ни-за-что!..

Потомъ, убѣдившись, что положеніе измѣнилось, про себя рѣшила непремѣнно сдѣлаться артисткой и выйти замужъ за артиста, и за обѣдомъ, во время разговора о чьей-то предстоящей свадьбѣ, вставила свое слово:

— А я низачто не выйду замужъ за генерала, вотъ вамъ честное слово, ей-Богу!

— Господи, она на себя зарокъ кладетъ!—не на шутку перепугалась бабушка.

— Да ты лучше совсѣмъ не выходи замужъ, а хорошенько выучись играть на скрипкѣ, поѣдешь заграницу, будешь тамъ блистать...

— Васенька, не хочешь ли еще супу?.. — перебила его мать. — Что за разговоры съ маленькой дѣвочкой! — укоризненно шепнула она ему. — И зачѣмъ дѣлать непріятности ma tante!

Отецъ замолчалъ, а Ромочка зорко и сочувственно на него взглянулъ.

— Знаешь что, Романъ, учись-ка и ты на віолончели,—обратился къ нему отецъ,—и будетъ у насъ домашнее тріо: ты, Шура и мама, вотъ и учитель у насъ есть — Александръ Ѳедоровичъ Мейеръ.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Мейеръ, обѣдавшій вмѣстѣ съ нами.

Глава XXIX.

Первое выступленіе.

Кременецкій отставилъ школу Беріо:

— Развѣ можно съ нея начинать учить на скрипкѣ, надо сначала хорошенько поставить руки ученика, тогда все пойдетъ легко.

Онъ принесъ мнѣ старинную школу Кампаніоли, на первой страницѣ которой былъ изображенъ скрипачъ во фракѣ, въ чулкахъ и туфляхъ, съ кудрявой головой и озабоченнымъ лицомъ, правый локоть его былъ привязанъ тесемочкой къ нижней пуговицѣ его фрака, чтобы онъ не могъ поднять локтя, а смычекъ онъ держалъ не

у колодки, а у середины — это были старинные пріемы, уже упраздненные съ развитіемъ скрипичной техники и свободы веденія смычка, но сама по себѣ школа была отличная и партія ученика красиво сопровождалась второй скрипкой.

Занятія наши пошли очень успѣшно; Кременецкій не сердился, я не боялась и способности мои быстро росли въ теплѣ его ласковаго вниманія.

Къ концу зимы я уже играла этюды и пьески, а на слѣдующій годъ—варіаціи Беріо и довольно трудныя вещи Віетана.

Отецъ мой былъ очень доволенъ и постоянно заставлялъ меня при комъ-нибудь играть.

Кто бы не пришелъ къ намъ въ гости или по дѣлу, не спрашивая, желаютъ ли меня слушать или нѣтъ, онъ звалъ меня.

— Ну-ка, Шура, сыграй Аделаиду Бетховена!

— Чудесно! Благодарю васъ, Василій Васильевичъ!—выслушавъ меня, расшаркивался передъ отцомъ какой-нибудь его подчиненный, зашедшій къ нему утромъ по дѣламъ и спѣшившій на службу.

— Погодите, погодите, — задерживалъ его отецъ,—она вамъ еще сыграетъ.—Шурочка, ну-ка, серенаду Шуберта!—и бѣдный подчиненный, волнуясь, что опоздаетъ, поневолѣ слушалъ меня, усаживаясь поближе къ двери и на всякій случай придумывая какой-нибудь маневръ, чтобы освобо-

диться, если бы отецъ вздумалъ еще угощать его моей музыкой.

Въ это время мать, вынужденная аккомпанировать мнѣ, тоже безпокоилась, что обѣдъ еще не заказанъ, или какая-нибудь спѣшная работа брошена.

Мнѣ бывало очень трудно играть во всякое время, по заказу, хотѣлось подъ разными предлогами уклоняться, и техника безпрекословнаго послушанія давалась съ трудомъ.

По вечерамъ, съ согласія бабушки, съ тѣмъ, чтобы мы непремѣнно вернулись къ десяти часамъ, отецъ часто возилъ меня со скрипкой къ своимъ знакомымъ и это было весело, меня одѣвали въ бѣленькое платьице съ голубымъ поясомъ, мы ѣхали въ наемной каретѣ, а въ гостяхъ, гдѣ я играла не только на скрипкѣ, но и на роялѣ, мнѣ подносили цвѣты и конфекты.

Тамъ бывали дѣвочки моихъ лѣтъ, слушавшіе меня съ удивленіемъ, и онѣ тоже собирались учиться на роялѣ и на скрипкѣ.

Кременецкій также разъ пригласилъ насъ къ себѣ послушать квартетъ и, чтобы я сыграла передъ его знакомыми музыкантами.

Помню его маленькую уютную гостиную съ занавѣсями и картинами; милая молодая жена его подавала намъ чай, стараясь не стучать чашками, а въ сосѣдней комнатѣ играли квартетъ,—какое-то торжественное, печальное adagio.

Передо мной на стѣнѣ была старинная картина въ потемнѣвшей золотой рамѣ—„Вечеръ въ горахъ“. Солнце уже сѣло, надъ озеромъ въ сумеркахъ темнѣла скала, а на ней былъ высокій крестъ. Внизу къ скалѣ пристала лодка и въ лодкѣ плакала женщина, съ мольбой простирая руки къ высокому кресту...

Печальное adagio и скорбная картина, сливаясь въ единствѣ впечатлѣній образовъ и звуковъ, наполнили мнѣ сердце состраданіемъ и оно выросло и углубилось.

Въ этотъ вечеръ перемѣнилась и моя игра.

— Она играетъ, какъ большая,—сказали музыканты, а Кременецкій удивился и внимательно мнѣ посмотрѣлъ въ глаза.

Къ веснѣ мы уже разучивали съ нимъ 1-й концертъ Беріо, чтобы сыграть его съ оркестромъ на любительскомъ музыкальномъ утрѣ, только руки мои еще были малы, пальцы не доставали децимъ финальнаго пассажа и Кременецкій передѣлалъ ихъ на терціи, мнѣ это было жалко и обидно.

Утромъ, въ одно изъ воскресеній Великаго поста, меня опять одѣли въ бѣлое платьице съ голубымъ поясомъ и въ четырехмѣстной каретѣ, бабушка, отецъ и мать повезли меня со скрипкой къ Исаакіевскому мосту, противъ Маріинскаго дворца, въ угловой домъ, гдѣ сдавался большой залъ для репетицій и концертовъ.

Кременецкій уже былъ тамъ и ждалъ насъ.

Оркестръ любителей, собравшись въ залѣ уже строился и публика занимала мѣста.

Для оркестра эстрады не было и Кременецкій волновался, что меня не будетъ видно, тогда принесли ломберный столъ и поставили его передъ оркестромъ.

Высокій и худой старикъ въ рыжемъ парикѣ, старый-престарый и презнаменитый скрипачъ Мауреръ, дирижеръ любительскаго оркестра, передъ началомъ перелистывалъ партитуру моего концерта и музыканты просматривали свои партіи — мы должны были играть прямо, безъ репетиціи.

Помню, что когда меня поставили на столъ, страха во мнѣ не было нисколько, а только хотѣлось скорѣй начать.

— Скоро ли, скоро ли,—мелькало въ мысляхъ нетерпѣливое желаніе слиться съ окружившемъ меня звуковымъ моремъ оркестра, уже начавшаго играть вступленіе концерта.

Вотъ оно стало затихать, давая мѣсто моему вступленію.

— Тс-с-съ! Bitte nicht so laut! [1])—услышала я шопотъ дирижера, обращенный къ оркестру, музыканты заиграли совсѣмъ piano и скрипка моя отъ всей души, во всеуслышаніе запѣла на просторѣ въ ритмическомъ согласіи съ оркестромъ.

---

[1]) Пожалуйста, не такъ громко.

Какая-то огромная сила, все увеличиваясь и наполняя мое маленькое тѣло, заставляла меня ускорять темпъ и пальцы, казалось, выросли.

— Ну, Михаилъ Филипповичъ, теперь держитесь, — мысленно обратилась я къ Кременецкому, отыскивая его глазами въ первомъ ряду, и неожиданно для него сыграла трудный финальный пассажъ концерта не терціями, какъ онъ хотѣлъ, а децимами, какъ было написано и хотѣлось мнѣ.

Публика зааплодировала, музыканты одобрительно застучали ногами и смычками и меня сняли со стола.

Кременецкій только головой качалъ:

— Какъ это можно на такія опасныя штуки пускаться.

— Ахъ, очень, очень ха-ра-шо-о, sehr schöhn!— подошелъ къ намъ старикъ Мауреръ и, ласково потрепавъ меня по щекѣ, обратился къ моимъ родителямъ:

— Удивительно! Такая ма-а-аленькая дѣвочка, съ такимъ огнемъ играетъ и такъ чисто: ти-ти-ти-ти-ти!..—представилъ онъ мое стакатто.

— Благодарю васъ, очень, очень ха-ра-шо-о!..— милостиво протянулъ онъ руку Кременецкому, и Кременецкій, почтительно поклонившись, пожалъ ее.

Когда мы укладывали скрипочку и уходили, насъ окружали любопытные и отецъ мой былъ въ восторгѣ.

Въ это же утро, въ той же каретѣ съ бабушкой, матерью и Кременецкимъ онъ повезъ фотографировать меня со скрипкой.

Глава XXX.

Необыкновенный пожаръ.

Ромочка, начавшій заниматься съ Мейеромъ, скоро на своей віолончели не только догналъ мою скрипку, но и перегналъ меня.

Не такъ успѣшно давались ему науки въ Анненской школѣ и родители мои рѣшили помѣстить его въ Консерваторію, директоромъ которой въ то время былъ хорошій знакомый моего отца Михаилъ Павловичъ Азанчевскій, а профессорами по классу скрипки — Венявскій, по віолончели — Давыдовъ и Поортенъ, къ которому Ромочка и поступилъ.

Консерваторія въ тѣ времена была не тамъ, гдѣ она находится теперь, а помѣщалась на Театральной улицѣ, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и у нея было два подъѣзда — ученическій и другой для публики, посѣщавшей квартетныя собранія и музыкальные вечера, устраиваемые въ залѣ консерваторіи.

Какимъ таинственнымъ и заманчивымъ казался мнѣ первый подъѣздъ, куда имѣли право входить только ученики, профессора консерваторіи,

артисты—участники концертовъ и самые близкіе имъ люди, насъ же—*публику*, туда не пускали и сердце мое, тяготѣвшее къ артистамъ не менѣе, чѣмъ къ морякамъ, сжималось, когда въ день квартетнаго, или ученическаго вечера, мы съ отцомъ подъѣзжали къ консерваторіи со стороны Александринскаго театра и онъ говорилъ:

— Извощикъ, ко *второму* подъѣзду направо.

Войдя въ этотъ подъѣздъ, мы раздѣвались въ обширной передней, поднимались по лѣстницѣ и входили въ довольно просторную комнату, изъ которой одна дверь вела въ залу, а другая—въ коридоръ и возлѣ этой двери всегда дежурилъ консерваторскій служитель, охраняя входъ въ классы и не пуская ни учениковъ въ публику, ни публику къ ученикамъ, и ученики во время вечеровъ толпились въ коридорѣ и съ любопытствомъ выглядывая изъ-за спины служителя, смотрѣли на насъ.

Но нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось оттуда проскользнуть въ аванзалу, когда служитель на минуту отвлекался, и онъ негодовалъ.

— Не хорошо, не хорошо, пожалуйте назадъ, а то Клемченкѣ скажу (Клемченко былъ инспекторъ консерваторіи).

— Какъ бы не такъ—смѣялись ученики и, смѣшавшись съ публикой, пробирались въ залу и садились въ задніе ряды, къ стѣнѣ, гдѣ Клемченко никакъ не могъ увидѣть ихъ.

Съ неудержимымъ чувствомъ тяготѣнія къ консерваторскому міру, я жадно всматривалась въ таинственный полумракъ коридора, казавшагося мнѣ входомъ въ святилище и замѣчала, что чаще всего удавалось оттуда пройти въ публику высокому молодому человѣку съ интереснымъ лицомъ, пламеннымъ взглядомъ и густыми, длинными черными волосами, за нимъ мимо служителя незамѣтно пробиралась маленькая брюнеточка, а за ней, длинный бѣлокурый юноша.

Прошмыгнувъ въ залу, они садились въ заднихъ рядахъ въ самый уголокъ и, увлекая мое вниманіе своей веселостью, отвлекали его отъ музыки.

— Кто эти ученики? Какіе милые и интересные—думала я, слушая музыку однимъ ухомъ, а другимъ—ихъ веселый шопотъ,—вотъ съ кѣмъ хотѣлось бы мнѣ познакомиться, вмѣстѣ сидѣть, смѣяться и болтать.

Позднѣе, увидѣвъ и услышавъ ихъ на эстрадѣ, на ученическомъ вечерѣ и узнавъ, что это Вержбиловичъ, лучшій ученикъ Давыдова, скрипачка Барканъ и Галкинъ—ученики Венявскаго, я окончательно влюбилась въ нихъ.

Почти на всѣхъ квартетныхъ и ученическихъ вечерахъ, на которые мы съ отцомъ были абонированы и сидѣли въ среднихъ рядахъ, недалеко отъ двери, бывало еще одно интересное существо, особенно привлекавшее мое вниманіе—маленькая

дѣвочка, приблизительно моихъ лѣтъ въ красненькомъ клѣтчатомъ платьицѣ, съ кудрявой головкой и умненькимъ личикомъ; она сидѣла какъ разъ передо мной, тоже со своимъ отцомъ, высокимъ и красивымъ господиномъ въ pince-nez и тоже наблюдала, быстро поворачивая головку, то направо, то налѣво.

— Вотъ съ кѣмъ хотѣлось бы мнѣ тоже познакомиться—думала я, не подозрѣвая, что это моя будущая belle-soeur, дочка извѣстнаго любителя, пѣвца и композитора, барона Дингельштедта, пріятеля знаменитаго тенора Тамберлика.

Думала ли я тогда, что придетъ время, когда мы обѣ будемъ юны, будемъ встрѣчаться, съ увлеченіемъ танцовать, потомъ почти единовременно выйдемъ замужъ за двухъ братьевъ и у насъ будетъ много дѣтей, потомъ будутъ внуки и, дружныя до конца, мы обѣ будемъ работать на нивѣ общественной дѣятельности.

Многого тогда еще не знала пытливая мысль, руководившая моими взглядами, устремлявшимися во всѣ стороны консерваторской залы, на эстраду, гдѣ играли артисты и въ первые ряды, гдѣ, слушая ихъ, сидѣла избранная публика: директоръ съ женой и племянницами, дамы въ бархатахъ и жемчугахъ, блестящіе военные и статскіе.

А надъ дверью, выходившей изъ коридора въ первые ряды, было большое окно въ видѣ ложи и тамъ сидѣли ученицы и ученики консерваторіи

и, перешептываясь и дѣлая замѣчанія, навѣрное на счетъ публики, переглядывались и пересмѣивались съ учениками и ученицами, сидѣвшими на эстрадѣ, позади исполнителей.

— Ахъ какъ хотѣлось бы сидѣть въ этомъ окнѣ! Какъ тамъ было весело! И тамъ былъ Ромочка.

Я очень гордилась тѣмъ, что Ромочка *ученикъ консерваторіи*, что онъ входитъ туда черезъ *первый подъѣздъ* и на вечерахъ *сидитъ въ окнѣ*.

И самъ онъ, поступивъ въ консерваторію, былъ очень счастливъ.

Раньше, молчаливый, задумчивый и застѣнчивый, онъ теперь оживился, сталъ разговорчивъ и съ увлеченіемъ разсказывалъ о своихъ товарищахъ и друзьяхъ, часто упоминая имена Лядова и віолончелиста Рѣпина, брата художника, у котораго Ромочка бывалъ со своимъ товарищемъ.

— Знаешь, Шурочка,—какія у него картины! Я былъ у него и видѣлъ—всѣ стѣны увѣшаны, а на полу, возлѣ стѣнъ, все этюды, этюды, такіе чудесные и прямо кучами брошены въ углахъ, ахъ! какой художникъ, какой художникъ!

Ромочка любилъ живопись не меньше музыки и самъ отлично рисовалъ портреты—набросаетъ на бумагѣ двѣ-три черточки—выходитъ Александръ Ивановичъ Рубецъ, преподаватель теоріи въ консерваторіи, еще нѣсколько штриховъ—получается инспекторъ, директоръ, кто угодно, какъ живые,

а игралъ онъ на віолончели такъ хорошо, что на вторую зиму его уже назначили участвовать на публичномъ ученическомъ вечерѣ и онъ готовилъ концертъ Ромберга.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы этого дня, собираясь ѣхать слушать Ромочку.

— Тетя, дай мнѣ пожалуйста свѣчку и спички,— сказалъ Ромочка моей матери утромъ въ день концерта,—я поѣду вечеромъ пораньше, чтобы, до выступленія, поиграть въ классѣ, а тамъ будетъ темно и лампы мнѣ навѣрное не дадутъ.

Часовъ въ шесть, проводивъ Ромочку съ его віолончелью и пожелавъ ему не бояться и хорошенечко сыграть, мы сами, не торопясь, стали собираться и, принарядившись, сѣли чай пить передъ отъѣздомъ.

Вдругъ въ передней раздался сильный звонокъ и когда открыли дверь, кто-то торопливо вошелъ въ кабинетъ отца и заперся тамъ.

— Кто это?—спросилъ Анисью отецъ мой, сидѣвшій вмѣстѣ съ нами за чаемъ.

— Романъ Платоновичъ вернулись,—отвѣтила Анисья.

— Что такое случилось?—удивился отецъ и пошелъ въ кабинетъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ пришелъ и сказалъ.

— Некуда вамъ ѣхать:—Романъ поджогъ рояль и можетъ быть теперь уже вся консерваторія горитъ.

Отецъ спѣшно, спѣшно одѣлся и уѣхалъ, а мы остались въ полномъ недоумѣніи.

— Шурочка, пойди узнай, какъ все это случилось,—послала меня бабушка къ Ромочкѣ.

— Ромочка, отвори,—тихонько постучала я въ кабинетъ.

Никто не отвѣчалъ, я приложила ухо къ замочной скважинѣ и услышала, какъ Ромочка всталъ съ дивана и тяжелыми шагами подошелъ къ двери; онъ повернулъ ключъ и я вошла, а онъ вернулся на диванъ, легъ лицомъ къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Сразу разспрашивать его было бы безполезно, лучше было присѣсть къ нему и погладить его по головѣ, какъ въ дѣтствѣ.

Онъ открылъ глаза.

— Какъ все это случилось? — спросилъ его мой недоумѣвающій взглядъ.

— Я сжегъ рояль—отвѣтилъ Ромочка глухимъ голосомъ.

— Какъ?

— Да такъ ... Пошелъ заниматься въ свой классъ, а тамъ темно, я зажегъ свѣчку а подсвѣчника у меня нѣтъ, ну я и прилѣпилъ свѣчку къ крышкѣ надъ клавишами, чтобы ноты были видны, и нечаянно толкнулъ крышку, свѣчка съ огнемъ и покатилась внутрь рояля, достать ее было невозможно и рояль началъ горѣть....

— Что же ты сдѣлалъ?

— Схватилъ свою віолончель, заперъ классъ на ключъ и побѣжалъ внизъ къ Антону (Антонъ былъ швейцаръ, пользовавшійся довѣріемъ учениковъ и говорившій, что въ консерваторіи только два Антона—онъ и Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ)!

— Я отдалъ ему ключъ—продолжалъ Ромочка—и сказалъ: пойди скорѣе въ нашъ классъ, посмотри что тамъ дѣлается, а самъ поскорѣе уѣхалъ домой.

— Ахъ! что тамъ теперь творится! ... вѣрно бѣгаютъ съ ведрами и Курочкинъ бѣгаетъ. (Курочкинъ былъ всѣми любимый дѣлопроизводитель консерваторіи).

Упомянувъ о Курочкинѣ Ромочка улыбнулся такъ весело и съ такимъ юморомъ, что я не могла не расхохотаться.

— Бабуля!—со смѣхомъ прибѣжала я въ столовую—это не Ромочка поджогъ рояль, это свѣчка....

— Чего же ты хохочешь, разскажи толкомъ, что тутъ смѣшного?

— Ой! Бабу-уля, не могу-у ... Ужасно смѣшно-о-о... теперь тамъ бѣгаютъ съ ведрами .... И Ку-урочкинъ...

— Заливаясь до слезъ глупымъ неумѣстнымъ смѣхомъ, я не могла говорить и всѣ невольно стали тоже смѣяться.

— Сейчасъ перестать! И разсказывай,—прикрикнула на меня бабушка.

Добившись толку, она развела руками:

— Хорошъ, нечего сказать, отличился не хуже Герострата.

— Вовсе нѣтъ, Бабуля. Геростратъ сжегъ храмъ нарочно, а Ромочка нечаянно.

— Ah! Tu n'as pas oublié l'histoire—похвалила меня бабушка—mais ce qui est arrivé n'est pas du tout drôle, c'est très tragique—почему-то разсмѣялась она сама—il faut espérer que le conservatoire n'a pas pri feu, car c'est ton père qui devra payer les frais [1]).

Отецъ вернулся довольно поздно и разсказалъ, что рояль потушили, консерваторія не сгорѣла и вечеръ состоялся безъ Ромочки, и объ этомъ очень жалѣлъ его профессоръ.

Убытки консерваторія приняла на себя, въ виду талантливости Ромочки, а Ромочка, хотя въ этотъ вечеръ не игралъ, но и безъ того прославился.

— А! Это тотъ самый Захарьинъ, который сжегъ рояль,—съ улыбкой говорили про него въ публикѣ, когда онъ потомъ выступалъ на вечерахъ.

— Какъ же, какъ же—тотъ самый, не правда ли, хорошо играетъ?

— Отлично!—Какой талантливый!

---

[1]) А! Ты не забыла исторію, но то что случилось совсѣмъ не смѣшно, но очень трагично, надо надѣяться, что консерваторія не загорѣлась, потому что убытки долженъ будетъ заплатить твой отецъ.

Ромочкина слава все росла, озаряемая пламенемъ воспоминаній горящаго рояля, случая навѣрное единственнаго во всей лѣтописи прошлаго и будущаго не только нашей консерваторіи, но и консерваторій всего міра.

Многихъ свидѣтелей этого знаменитаго въ своемъ родѣ пожара уже нѣтъ на свѣтѣ, также перешли въ иной міръ почти всѣ консерваторскіе служители и швейцары, гасители горѣвшаго рояля, остался въ живыхъ, кажется, только Василій и говорятъ, что онъ еще продолжаетъ служить въ новой консерваторіи, но уже очень старъ.

Если спросить его, онъ навѣрно скажетъ:

— Захарьинъ? помню, помню, немало мы тогда перетаскали ведеръ и вылили въ рояль — какъ свѣчка горѣлъ, дерево-то сухое-пресухое.

Глава XXXI.

Знаменитыя скрипки.

Мечта моего отца осуществилась,—когда мы съ Ромочкой стали хорошо играть, у насъ вмѣстѣ съ мамой составилось тріо и можно было устраивать музыкальные вечера, такъ какъ у насъ были и пѣвицы—мои маленькія сестры Соня и Варя; онѣ такъ мило пѣли, изображая разныя сцены изъ оперъ, что наши знакомые съ удовольствіемъ слушали ихъ, потомъ мы съ Ромочкой играли, затѣмъ пѣлъ отецъ.

Изъ числа нашихъ знакомыхъ особенно увлекался нашей музыкой Николай Александровичъ Галлеръ—мужъ пріятельницы моей матери, француженки Шарлотты Ипполитовны, урожденной de Grandseigne.

Женившись на ней много лѣтъ тому назадъ, Николай Александровичъ, очень богатый человѣкъ, тоже сталъ другомъ нашей семьи и особенно привязался къ намъ, послѣ того, какъ разорился и родители мои во время его бѣдствій выказали ему особенное участіе и помогли ему, тогда какъ многіе изъ друзей Галлеръ въ это время покинули ихъ.

Теперь Николай Александровичъ, благодаря какимъ-то удачнымъ финансовымъ операціямъ, былъ опять богатъ—гораздо богаче прежняго; онъ былъ директоромъ какихъ-то банковъ, очень виднымъ дѣятелемъ въ финансовомъ мірѣ и славился какъ знатокъ и коллекціонеръ дорогихъ ружей и гравюръ, а салонъ его жены считался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ.

Николай Александровичъ однажды съ интересомъ разсма тривалъ наши инструменты и очень серьезно бесѣдовалъ о скрипкахъ, віолончеляхъ и инструментальныхъ мастерахъ съ Мейеромъ, продолжавшемъ бывать у насъ также часто, какъ и раньше, хотя Ромочка учился уже не у него, а въ консерваторіи.

— А вѣдь скрипка-то должна быть итальян-

ская,—говорилъ Галлеръ, разглядывая мою скрипочку со всѣхъ сторонъ; увлекшись нашей музыкой, онъ вдругъ почувствовалъ влеченіе къ музыкальнымъ инструментамъ, какъ къ ружьямъ и гравюрамъ.

— А надписи нигдѣ нѣтъ, — прищуриваясь, старался онъ черезъ эфы разглядѣть нутро скрипки.

— Да, надписи нѣтъ, я уже смотрѣлъ, а скрипка повидимому итальянская,—подтвердилъ Мейеръ; и у нихъ опять начался предлинный разговоръ о знаменитыхъ итальянскихъ инструментахъ, находившихся въ рукахъ извѣстныхъ скрипачей и віолончелистовъ.

Въ этомъ разговорѣ принялъ живое участіе и мой отецъ, какъ столяръ, любившій красоту дерева и чистоту работы во всѣхъ издѣліяхъ, и онъ любовался моей хорошенькой скрипочкой и полосами ея задней деки, напоминавшихъ мнѣ полосы на спинѣ сѣраго кота.

— Это кленъ,—сказалъ отецъ.

— Не кленъ, а *агръ*,—поправилъ его Мейеръ— бока, шейка и головка скрипки тоже изъ агра, а верхняя дека изъ швейцарской сосны и отъ нея зависитъ качество звука инструмента; видите какъ идутъ слои дерева, налѣво крупнѣе, а направо все мельче и мельче, точно по закону звука. Когда знаменитые мастера собирались дѣлать скрипки и віолончели, они сами ходили по лѣсамъ и выбирали деревья, прикладывали къ

нимъ ухо и слушали, постукивая по дереву, и они только тогда рѣшали, какое дерево годится для музыкальнаго инструмента, когда слышали звукъ его души, эта душа должна была пѣть и въ инструментѣ;—да, они знали *тайну дерева*, знали, какъ сушить, распиливать и склеивать его и имъ были извѣстны такіе секреты построенія инструментовъ и состава лака, которыхъ теперь никто не знаетъ, оттого прежнія скрипки съ годами все лучше звучатъ и становятся все цѣннѣе.

— Какъ сигары?—замѣтилъ Галлеръ, любитель и знатокъ хорошихъ сигаръ.

— Или какъ вино,—прибавилъ отецъ, какъ морякъ, понимавшій толкъ въ старыхъ заграничныхъ винахъ.

— Что вы говорите! Развѣ можно сравнивать музыкальные инструменты съ виномъ и сигарами,—съ негодованіемъ возразилъ Мейеръ, — хорошій музыкальный инструментъ свя-ты-ня, посмотрите-ка внутро нѣкоторыхъ скрипокъ Іосифа Гварнери, что тамъ изображено рядомъ съ надписью?—*крестъ въ кругу* и буквы I H S, эти скрипки посвящены Іисусу Христу и даже называются „del Iesu", а Вы говорите—вино и сигары.—Э-эхъ! Ничего Вы еще не понимаете,—вздохнулъ Мейеръ.

— А что, если я тоже попробую сдѣлать скрипку,—сказалъ отецъ.

— Попробуйте,—улыбнулся Мейеръ.

— Александръ Ѳедоровичъ, какъ Вы думаете,

еслибъ я теперь началъ учиться на віолончели, не поздно?—спросилъ его Галлеръ.

— Отчего же поздно? Никогда не поздно начинать что нибудь хорошее,—начните учиться на віолончели, а Василій Васильевичъ пусть начинаетъ дѣлать скрипки, а что изъ этого выйдетъ—увидимъ.

— Ну, Сашенька, рѣшено! Начинаю учиться на віолончели,—обратился ко мнѣ Галлеръ,—и буду съ Вами тріо играть, даю Вамъ слово.

— А я тебѣ скрипку сдѣлаю,—перебилъ его отецъ.

— По рукамъ?

— По рукамъ! Разнимайте, Александръ Ѳедоровичъ.

Друзья протянули другъ другу руки и Мейеръ, правой рукой, какъ бы раздѣляя ихъ рукопожатіе отвѣтилъ:

— Въ добрый часъ.

— Такой старый и уже съ просѣдью,—недовѣрчиво мысленно отнеслась я къ фантазіи пожилого, рыжеватаго, съ сѣдиной Николая Александровича, сравнивая его съ черноволосымъ, румянымъ, красивымъ и веселымъ, голубоглазымъ отцомъ моимъ и подумала:

— Врядъ ли выучится, а папочка навѣрное хорошую скрипочку сдѣлаетъ.

Но Николай Александровичъ не только сдержалъ свое слово и къ слѣдующей зимѣ выучился

порядочно играть на віолончели, но лѣтомъ съѣздилъ въ Парижъ и привезъ оттуда отъ Виліома цѣлую коллекцію великолѣпныхъ скрипокъ, альтовъ и віолончелей Страдиваріуса, Амати и другихъ знаменитыхъ італіанскихъ мастеровъ и также скрипку Гварнери del Iesu.

Вильомъ, въ память такого небывалаго случая, покупки богатымъ русскимъ баріномъ, un seigneur russe très riche, цѣлой коллекціи драгоцѣнныхъ инструментовъ, si précieux, qu'au fond ils n'ont pas de prix, собственноручно сдѣлалъ скрипку и, назвавъ ее S-t Nicolas, поднесъ ее Николаю Александровичу Галлеру. (Скрипка эта теперь находится у моей сестры Сони, тоже сдѣлавшейся, по моему примѣру скрипачкой, а Гварнери del Iesu—у меня).

— А я уже приготовилъ тріо Рейзигера,— объявилъ мнѣ осенью Николай Александровичъ, приглашая насъ на jours fixes—музыкальныя субботы въ салонѣ его жены.

— Каждый разъ, Сашенька, мы будемъ съ Вами начинать вечеръ, потомъ будутъ играть артисты и Васъ непремѣнно прошу каждую субботу играть у насъ соло, смотрите же, будьте *гвоздемъ* нашихъ вечеровъ.

— Все это очень, очень весело—думала я, присѣдая и улыбаясь Галлеру,—но только, что значитъ этотъ „гвоздь“ и какъ это четырнадцатилѣтняя дѣвочка можетъ сдѣлаться *гвоздемъ* на му-

зыкальномъ вечерѣ?... не понимаю, надо будетъ спросить бабушку, или отца.

Глава XXXII.

„Гвозди“ музыкальныхъ вечеровъ.

Домъ, въ которомъ жили Галлеръ и куда мы ѣздили зимой съ 1871 года на музыкальные вечера, находился въ Петербургѣ на Большой Морской, на углу Кирпичнаго переулка и онъ до сихъ поръ цѣлъ, только подъ „фонаремъ“, выступавшемъ изъ Галлеровской залы на Морскую, теперь прибита вывѣска: „Аптека“ и, быть можетъ, чудесныя музыкальныя вибраціи прошлаго и присутствіе въ тѣ времена въ этихъ стѣнахъ столькихъ драгоцѣнныхъ музыкальныхъ инструментовъ, на которыхъ вдохновенно играли талантливые, молодые музыканты, теперь невидимо, но благотворно дѣйствуютъ на лекарственныя снадобья, изготовляемыя въ этой аптекѣ, содѣйствуя исцѣленію больныхъ, пользующихся ими.

Кто знаетъ? Можетъ быть и пѣніе моего отца и звуки моей дѣтской скрипки, на которой сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, играя въ Галлеровской залѣ, наряду съ большими артистами, я съ любовью воспѣвала свои дѣтскіе идеалы, теперь тоже немножечко вліяютъ на какіе-нибудь аптечные порошки въ коробочкахъ, или на микстуры въ стеклянныхъ

пузырькахъ, съ бумажными рецептами—все это возможно, потому что тамъ, гдѣ звучала хорошая музыка, гдѣ проявлялась красота и жила любовь, тамъ остается благая сила.

Любовь моя къ моимъ идеаламъ—всѣмъ морякамъ и всѣмъ артистамъ вообще, устремлялась съ особенной силой, въ формѣ благоговѣйнаго преклоненія, къ одной молодой, бѣлокурой барышнѣ—Евгеніи Алексѣевнѣ Харитоновой, часто пѣвшей на вечерахъ у Галлеръ, въ то время, какъ отецъ ея, тоже пѣвецъ, извѣстный теноръ—меломанъ, игралъ въ карты въ кабинетѣ Николая Александровича вмѣстѣ съ другими его гостями.

Евгенія Алексѣевна!—Вотъ кто была „гвоздемъ“ Галлеровскихъ вечеровъ и ея пѣніе лучше бабушкиныхъ объясненій открыло мнѣ истинное значеніе этого непонятнаго слова, сказаннаго мнѣ Галлеромъ, когда онъ приглашалъ меня къ себѣ играть.

Какъ Евгенія Алексѣевна пѣла! И какъ она была мила въ своемъ простенькомъ, бѣломъ платьѣ съ черной бархаткой на шеѣ.

Мудрено-ли, что ее всегда окружали и говорили ей послѣ каждаго спѣтаго ею романса:

— Ну, пожалуйста, еще! Евгенія Алексѣевна! Спойте „Еврейскую мелодію“ Рубинштейна.

Она мило улыбалась, а потомъ, сдѣлавъ серьезное лицо и устремивъ задумчивый взглядъ въ пространство, начинала бархатнымъ меццо-сопрано:

— „Душа моя мрачна... Скорѣй пѣвецъ, скорѣй, вотъ арфа золотая, пускай персты твои, промчавшися по ней, пробудятъ въ струнахъ звуки рая...

— „Я слезъ хочу пѣвецъ, я слезъ хочу, иль разорвется грудь отъ муки...“

Ея дивный голосъ поднимался на высокія ноты и у меня захватывало духъ...

Всѣ опять рукоплескали ей и, окруживъ ее, говорили:—еще, еще!—а она, бывало, кивнетъ головкой направо и налѣво и отвѣтитъ:

— Теперь пускай Василій Васильевичъ намъ споетъ.

— Василій Васильевичъ! Теперь Вы, пожалуйста!—скажетъ она моему отцу такъ ласково, что онъ тотчасъ слушается и идетъ къ роялю, за который садится моя мать.

— „Я помню, глубоко“—начинаетъ онъ пѣть,—„глубоко мой взоръ какъ лучъ проникалъ и рощу, и боръ, и степь обнималъ онъ широко, широко... Тѣ зоркіе очи, потухли и вы... Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви...

— Навѣрное про *нее* написалъ этотъ романсъ Даргомыжскій—думаю я, слушая отца съ замираніемъ сердца.—И папочка навѣрное про *нее* теперь поетъ.

„Дѣва любви“—это *она*, мой идеалъ...

— Какая прелесть, какой голосъ! — шепчетъ возлѣ меня Евгенія Алексѣевна.

— Какое счастье! *Она* хвалитъ папочку, ей нравится какъ онъ поетъ.

Но пѣніе моего отца нравилось не только Евгеніи Алексѣевнѣ, но и всѣмъ и, какъ только онъ начиналъ пѣть, дамы изъ гостиной переходили въ залу и, усѣвшись на голубыхъ атласныхъ диванчикахъ возлѣ стѣнъ, внимательно слушали.

Вотъ M-me Розингъ—въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ большой брилліантовой брошью, M-me Похитонова—въ лиловомъ и еще много нарядныхъ, все больше пожилыхъ дамъ, а рядомъ съ бабушкой, сама M-me Галлеръ, вся въ черныхъ кружевахъ и жемчугѣ; она отъ удовольствія беззвучно и томно обмахивается бѣлымъ, страусовымъ вееромъ и рябое, некрасивое, но умное и симпатичное лицо ея блаженно улыбается и она качаетъ головой въ тактъ пѣнія моего отца.

Изъ столовой въ залу, въ дверяхъ, съ огромнымъ подносомъ фруктовъ и винограда, замеръ лакей Василій и, съ видимымъ удовольствіемъ, слушая моего отца, дожидается, чтобы онъ кончилъ.

— Браво! Браво!—Рукоплещатъ дамы въ залѣ, апплодируютъ и въ кабинетѣ, и Василій начинаетъ разносить фрукты.

Въ передней слышно, еще кто-то пріѣхалъ—въ залу входятъ молодые люди и, о, изумленіе и радость—среди нихъ Вержбиловичъ.

Неужели вижу его не въ консерваторіи на эстрадѣ, а здѣсь, такъ близко...

Какъ онъ изященъ и какъ красиво кланяется дамамъ, а потомъ подходитъ къ *ней* и Евгенія Алексѣевна ему рада и улыбается.

— Ну, mesdames, послѣ пѣнія у насъ будетъ квартетъ, музыканты пріѣхали,—во всеуслышаніе объявляетъ Николай Александровичъ, выговаривая по-французски „э", немножко на манеръ русскаго „ѣ".

— Квартетъ Бетховена на инструментахъ Страдиваріуса, Гварнери и Амати—многозначительно поясняетъ онъ.

— О-о-о!—слышится въ залѣ.

— Но сперва мы съ Евдокіей Петровной и съ Сашенькой,—указываетъ Николай Александровичъ на мою мать и на меня,—сыграемъ Вамъ тріо, и на віолончели Страдиваріуса буду играть *я самъ*.

— А-а-а!—изумляются дамы.

Николай Александровичъ, очень довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, идетъ въ кабинетъ и возвращается оттуда съ Страдиваріусомъ, въ сопровожденіи своего учителя Мейера, только-что пріѣхавшихъ музыкантовъ и гостей, бросившихъ играть въ карты, чтобы посмотрѣть, какъ *самъ* Николай Александровичъ будетъ играть тріо съ маленькой скрипачкой. (Хотя мнѣ уже было четырнадцать лѣтъ, но ростомъ я была такъ мала, что казалось не больше двѣнадцати).

Когда, окруженные любопытными зрителями, занявшими мѣста въ залѣ, мы съ Николаемъ Але-

ксандровичемъ усѣлись за двухсторонній пюпитръ, а моя мать—за рояль, онъ еще долго, съ помощью Мейера, настраивалъ свою віолончель, потомъ долго канифолилъ смычекъ, что любители дѣлаютъ особенно тщательно, думая, что отъ канифоли они будутъ лучше играть.

Наладивъ віолончель и смычекъ, Николай Александровичъ старательно приладилъ пальцы къ струнамъ и началъ отбивать тактъ ногой, въ знакъ того, что можно начинать и такъ продолжалъ до конца, чтобы мы съ мамой какъ-нибудь отъ него не убѣжали.

Медленно, медленно заиграли мы andante изъ тріо Гайдена, такъ какъ мой партнеръ еще не могъ играть allegro, и для меня началось тяжелое испытаніе—жгучее чувство нетерпѣнія, желаніе играть скорѣе, постепенно охватывало мое сердце и какъ я не боролась съ нетерпѣніемъ, какъ не любила Николая Александровича, мнѣ становилось съ нимъ все тяжелѣе и тяжелѣе, и нетерпѣніе переходило въ личное раздраженіе противъ него, даже на глаза навертывались слезы.

А онъ былъ такъ счастливъ и такъ мило улыбался, заглядывая ко мнѣ черезъ пюпитръ, что, борясь съ собой и ужасно страдая, я тоже старалась ему улыбнуться сквозь слезы, чтобы не огорчить его.

— Браво! Браво! Брависсимо!—зааплодировали намъ, когда мы, наконецъ, кончили...

— Меньше чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ выучился играть на віолончели, — торжественно заявилъ всѣмъ про себя Галлеръ, — чтобы *вотъ съ ней* играть,—указалъ онъ на меня,—а теперь, Сашенька, исполните-ка намъ соло.

Инстинктивно стремясь вознаградить себя за пережитое мученье медленнаго andante, еще не понимая того, что я мучилась *сама отъ себя*, потому, что еще *не умѣла наполнить времени музыкальнымъ содержаніемъ*, я выбрала, соотвѣтственно своему еще легкомысленно-пылкому темпераменту, пьесу, которую хотя еще не хорошо выучила, но могла играть очень быстро и, начавъ ее довольно нѣвуче, къ концу такъ загнала темпъ, что сама испугалась и пальцы у меня запутались; но мама, желая меня спасти, такъ загремѣла на роялѣ, заглушая мои фальшивыя и нечистыя ноты и сама я, сознавая опасность остановиться, такъ отчаянно пилила на скрипкѣ, на высокихъ нотахъ, что даже получился, какъ казалось мнѣ, большой эффектъ—раздался громъ рукоплесканій и у меня закружилась голова...

Кто-то быстро подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и нѣжно поцѣловалъ ее—это былъ Вержбиловичъ...

— Какой большой талантъ у Вашей дочки,— сказалъ онъ моей матери,—но какая жалость... Такъ нельзя... Ей надобно хорошаго, хорошаго учителя, который показалъ бы ей фразировку,

темпы... Если позволите, я скажу Ауэру, онъ, навѣрное, согласится учить ее—это молодой, удивительно-талантливый, профессоръ, только-что пріѣхавшій изъ заграницы, на мѣсто Венявскаго.

— Благодарю Васъ,—отвѣтила моя мать,—надо сказать ея бабушкѣ.

Сознавая, что Вержбиловичъ, хотя и хвалитъ меня, но, въ сущности, порицаетъ мою игру, я не огорчилась; онъ продолжалъ держать мою руку и, ободряя меня, такъ сочувственно пожималъ ее, что я почувствовала въ немъ друга и благодарно, снизу вверхъ, взглянула на него—онъ рѣшалъ мою артистическую судьбу.

Послѣ квартета, Вержбиловичъ игралъ соло на віолончели Страдиваріуса и отъ восторга люди замирали, а вещи-оживали... Легкимъ, художественнымъ трепетомъ, отъ звуковъ віолончели вибрировалъ блестящій паркетъ въ залѣ, а огни свѣчей, искрясь и сверкая въ дрожавшихъ хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ и канделябровъ, радостно горѣли въ нихъ тысячами радужныхъ лучей... И стулъ мой точно оживалъ, и въ восхищеніи я точно плыла на немъ въ пространствѣ надъ моремъ звуковъ, въ сферѣ свѣта, гдѣ постигалось что-то Новое, въ волшебномъ мірѣ красоты.

Глава XXXIII.

Профессоръ Ауэръ.

Меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли, у насъ въ гостиной, въ креслѣ противъ бабушки, сидѣлъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцативосьми — брюнетъ, съ густыми, вьющимися волосами и небольшой шелковистой бородкой; это былъ профессоръ Ауэръ.

Темнокаріе, большіе, мягкіе и умные глаза его внимательно смотрѣли на бабушку и, слушая ее, онъ какъ-будто анализировалъ ея характеръ; чувствуя это, бабушка, видимо, смущалась, старенькія щеки ея краснѣли и я замѣтила, что она старается говорить какъ можно изящнѣе и умнѣе—говорила она по-французски.

Профессоръ Ауэръ, въ этотъ разъ, не сталъ пробовать моихъ способностей, онъ уже все зналъ отъ Вержбиловича и сразу назначилъ дни для уроковъ—вторники и пятницы, отъ двухъ до трехъ.

Послѣ этого бабушкѣ предстояла непріятность извѣстить Кременецкаго о томъ, что я больше не буду заниматься съ нимъ, такъ какъ его замѣняетъ профессоръ Ауэръ и она долго мучилась, не зная—написать ли ему объ этомъ, или сказать на словахъ; наконецъ, рѣшивъ опять прибѣгнуть къ Мейеру, она поручила ему *все* сказать Креме-

нецкому и Мейеръ потомъ разсказывалъ намъ, что дядя его былъ очень огорченъ, не тѣмъ, что ему предпочли другого, несомнѣнно, лучшаго профессора — нѣтъ, не этимъ, а тѣмъ, что это случилось безъ его вѣдома и что его лишили счастья—лично передать меня *другому*, какъ любящій отецъ передалъ бы свою дочку человѣку, который поведетъ ее дальше по жизненному пути;—вѣдь учитель, все равно, что отецъ своего ученика... За что, за что?— горько жаловался Кременецкій Мейеру.

У меня сжалось сердце, когда я объ этомъ узнала—не увижу больше милаго, добраго Михаила Филипповича, онъ теперь обиженъ и больше не придетъ къ намъ.

Чувствуя, что въ Кременецкомъ теряю, если не отца, то добраго дядюшку, я думала—каковъ-то будетъ мой новый учитель?

Съ волненіемъ ждала я его во вторникъ, на слѣдующей недѣлѣ, а не въ ближайшую пятницу, какъ слѣдовало бы ожидать: бабушка выбрала вторникъ, потому что пятница хотя и не была *понедѣльникъ*, все же пользовалась сомнительной репутаціей дня неблагопріятнаго, для удачнаго начинанія серьезнаго дѣла и *пятница* уже достаточно показала себя англичанамъ, желавшимъ доказать, что все это предразсудки: они нарочно начали строить корабль въ пятницу, спустили его на воду въ пятницу и назвали „Пятницей“;

„Fryday“ въ пятницу вышелъ въ море и въ пятницу разбился и потонулъ... Объ этомъ разсказывали моряки и, говорятъ, что это была сущая правда.

Мнѣ очень понравился первый урокъ съ профессоромъ Ауэръ и онъ сразу заслужилъ мое полное довѣріе.

Говорилъ онъ со мной ласково, но серьезно, не какъ съ дѣвочкой, а какъ со взрослой, и не нянчился со мной, какъ Кременецкій; онъ не восхищался моимъ талантомъ и не сердился за мои недостатки, а просто *велѣлъ ихъ исправить*, предоставивъ мнѣ самой находить способы это сдѣлать.

Точно умный и знающій врачъ, онъ правильно поставилъ діагнозъ моего характера, а затѣмъ только сталъ слѣдить, внимательно и зорко, какъ я работаю, направляя меня, если я сбивалась.

— Donnez vous du temps [1]),—говорилъ онъ, когда, слѣдуя своей привычкѣ—*бѣжать въ темпахъ*, я играла слишкомъ скоро медленныя вещи.

— Et *chantez du violon* comme un bon chanteur italien, qui chante comme s'il jouait du violon [2]).

Однажды, когда, ужасно тяготясь медленнымъ темпомъ какого-то andante, я играла его безъ всякаго выраженія, Ауэръ вдругъ спросилъ меня:

---

[1]) Запаситесь временемъ.

[2]) И пойте на скрипкѣ, какъ хорошій итальянскій пѣвецъ поетъ, какъ будто бы онъ игралъ на скрипкѣ.

— Ma chère, n'avez vous pas un petit chien, ou un petit chat que vous aimez, pour pouvoir leur exprimer vos sentiments en jouant *lentement* du violon [1])?

Онъ спрашиваетъ про кошечку или собачку, а я уже умѣю любить не только кошекъ и собакъ, но и людей,—думала я, но потупившись молчала; не могла же я сказать:—mais c'est vous que j'aime déja, Monsieur Auer [2]).

— Vous êtes intelligente [3]), — говорилъ мой профессоръ, когда былъ доволенъ мной и это была высшая похвала, а когда я лѣнилась и небрежно учила пассажи, онъ только замѣчалъ, что очень сожалѣетъ, что ошибся во мнѣ, ожидая отъ меня большаго и я тогда начинала стараться изо всѣхъ силъ, а онъ, бывало, только скажетъ, послѣ этого:

— Ah! Je vois maintenant que vous pouvez travailler, si vous voulez, c'est bien dommage que ce n'est pas toujours que vous le voulez [4]).

Но иногда, если нѣкоторые пассажи, несмотря на мое стараніе никакъ не удавались мнѣ, Mon-

---

[1]) Милая моя, нѣтъ ли у васъ кошечки или собачки, которыхъ вы любите, чтобы выражать имъ ваши чувства, играя *медленно* на скрипкѣ.

[2]) Но я уже люблю васъ, господинъ Ауэръ.

[3]) Вы смышленная.

[4]) А! Я теперь вижу, что вы можете работать, если хотите, только жаль, что вы этого не всегда хотите.

sieur Auer, какъ я называла его (мы всегда говорили съ нимъ по-французски), путемъ разныхъ сравненій и аналогій, иногда очень остроумныхъ и забавныхъ, такъ, что мы оба смѣялись, объяснялъ — какъ надо ихъ учить, а потомъ бралъ мою скрипку и показывалъ какъ ихъ надо играть и, странно—точно пальцы его прокладывали на струнахъ тропинки для моихъ пальцевъ—такъ, бывало, легко по тѣмъ же слѣдамъ играть послѣ него, что хотѣлось, чтобы онъ почаще игралъ на моей скрипкѣ.

Его пониманіе красоты музыки и скрипичной игры было такое глубокое и тонкое, чистота звука, вѣрность интонаціи, благородство фразировки создавали изъ каждой сыгранной имъ фразы такое чудеснѣйшее звуковое изваяніе, совершенное по своей формѣ и по внутреннему содержанію, что хотѣлось только одного: *играть какъ онъ.*

Постоянно сливаясь внутреннимъ вниманіемъ съ красотой музыкальнаго аспекта души моего учителя и сочувствуя ему въ музыкѣ, я чувствовала попутно и его житейскія настроенія, угадывая, бывало ли у него на душѣ свѣтло, или смутно, въ зависимости отъ его жизненныхъ удачъ или невзгодъ и, чувствуя это, онъ меня любилъ.

— Comment vous nomme t'on, ma chère amie [1])?—

[1]) Какъ васъ зовутъ, мой милый другъ.

однажды спросилъ онъ. Въ этотъ день онъ былъ задумчивъ и печаленъ.

— Alexandrine, Monsieur Auer [1]),—отвѣтила я.

— Ah! Alexandrine, quel joli nom [2]),—вздохнулъ онъ и я сразу догадалась, что онъ вздыхаетъ о комъ-то, кого зовутъ Alexandrine и кто нравится ему.

— Et le diminutif d'Alexandrine est Sacha, n'est ce pas [3])?—сказалъ онъ.

— Oui, Monsieur Auer [4]).

— Et bien je vais toujours vous appeler Sacha [5]),—улыбнулся онъ и я подумала:

— Навѣрное *она* взрослая и онъ не смѣетъ называть ее Сашей, а я дѣвочка—меня можно; ну, ничего, если ему пріятно, пусть называетъ меня Сашей, а думаетъ *о ней*, не знаю ее, но тоже уже люблю ее.

Дни нашихъ уроковъ съ Ауэромъ, вторники и пятницы, были для меня истинными праздниками, когда онъ аккуратно приходилъ и они превращались въ мрачные будни, если онъ манкировалъ.

— Господи! Господи! Сдѣлай, чтобы онъ пришелъ!—бросалась я на колѣни передъ образами,

---

[1]) Александрой, Г-нъ Ауэръ.

[2]) Ah! Александра, какое красивое имя.

[3]) А уменьшительное Александры *Саша*, неправда ли?

[4]) Да, Г-нъ Ауэръ.

[5]) Такъ я васъ всегда буду называть Сашей.

въ бабушкиной спальнѣ, когда часовая стрѣлка уже начинала переходить назначенный часъ, а Ауэра все еще не было.

Вотъ слышны шаги на лѣстницѣ... Приложивъ руку къ сердцу, жду звонка... но шаги поднимаются этажемъ выше и сердце падаетъ въ отчаяніи...

Опять молюсь, стараясь терпѣніемъ преодолѣть нетерпѣніе ожиданія... Проходятъ минуты, кажущіяся долгими часами и душа, смиряясь, покоряется судьбѣ... Но вотъ опять шаги на лѣстницѣ, и на этотъ разъ звонокъ...

— Господи! Благодарю Тебя! — простираю я руки къ образамъ, сердце загорается радостью и бѣгу въ гостиную.

— Je crois que j'ai un peu tardé [1]),—извиняется Ауэръ передъ бабушкой, всегда присутствовавшей на нашихъ урокахъ.

— Oh! Monsieur Auer, ce n'est rien, nous sommes toujours heureuses de vous voir [2]),—любезно и совершенно искренно говоритъ бабушка. Она не только признавала талантъ и умъ Ауэра, но и любила его; одно только нѣсколько безпокоило ее:—какого онъ вѣроисповѣданія? и, хотя она была либеральна въ вопросахъ своей собственной религіи, ей было не совсѣмъ все-равно, ка-

[1]) Кажется я немного опоздалъ.

[2]) О! Г-нъ Ауэръ, ничего, мы всегда счастливы видѣть васъ

толикъ ли, лютеранинъ, или православный человѣкъ, который нравился ей.

Долго не рѣшалась она объ этомъ спросить профессора Ауэра, но однажды, уже черезъ годъ, когда совсѣмъ къ нему привыкла, а онъ, въ нашей семьѣ, чувствовалъ себя какъ дома, она рѣшилась:

— Monsieur Auer,—сказала она, конфузясь,— puis-je vous demander, quelle est votre religion [1])?

— La religion de l'humanité, Madame [2]),—серьезно отвѣтилъ онъ ей, тонко улыбнувшись, и бабушка покраснѣла до ушей...

— Необыкновенно умепъ и полонъ чувства собственнаго достоинства, beaucoup, beaucoup de dignetė [3]),—восхищалась она за обѣдомъ, разсказывая, какъ Ауэръ отвѣтилъ ей.

— Нѣтъ, вы только подумайте: *la religion de l'humanité*. какъ это умно, широко и прекрасно! А мнѣ-то и въ голову не приходило...

Когда я начала заниматься на скрипкѣ съ профессоромъ Ауэромъ, онъ мнѣ запретилъ играть при публикѣ, но черезъ годъ, когда главные дефекты моей игры были исправлены, онъ опять позволилъ, считая необходимымъ привыкать иг-

---

[1]) Г-нъ Ауэръ, могу ли васъ спросить, какая ваша религія?

[2]) Религія гуманности.

[3]) Много, много достоинства.

рать при публикѣ также свободно и хорошо, какъ и дома.

Мы тогда, кромѣ Галлеръ, часто бывали на вечерахъ у Азанчевскихъ, дальнихъ родственниковъ моей матери, гдѣ встрѣчались съ директоромъ консерваторіи Михаиломъ Павловичемъ Азанчевскимъ и съ его двумя очаровательными племянницами: Зоей и Надей Пеликанъ.

Старшая, Зоя, была брюнетка, въ полномъ смыслѣ красавица, а Надя—блондинка,—изящнѣйшее въ мірѣ существо. На этихъ вечерахъ бывалъ и Ауэръ;—voila ma future gloire [1]),—шутилъ онъ, представляя меня своимъ знакомымъ и, принимая это въ серьезъ, когда меня просили играть на скрипкѣ у Азанчевскихъ, я старалась прославить не себя, но своего учителя.

Послѣ одного вечера у Азанчевскихъ, на урокѣ, когда бабушка вышла изъ комнаты, понизивъ голосъ, Monsieur Auer, сказалъ мнѣ:

— Sacha! Savez vous que je veux me marier et que je veux épouser l'une des deux charmantes demoiselles que vous connaissez, mais c'est vous qui devez décider laquelle, Zoya ou Nadine [2])?

Принявъ въ серьезъ и эти слова, прежде чѣмъ отвѣтить на такой важный вопросъ, я задумалась

---

[1]) Вотъ моя будущая слава.

[2]) Саша, я хочу жениться на одной изъ прелестныхъ барышень, которыхъ вы знаете, но вы должны рѣшить: на которой—Зоѣ или Надѣ?

и, мысленно, глубоко заглянувъ въ сердце моего учителя, сказала:

— Nadine, Monsieur Auer [1]).

— Je suis du même avis [2]),—отвѣтилъ онъ и, когда бабушка вернулась, онъ объявилъ ей:

— Madame, je me marie, nous venons de décider avec Sacha, que j'épouse Nadine Pelicane et je vous invite à ma nôce [3]).

Бабушка удивилась, обрадовалась и стала поздравлять и *мы* съ Ауэромъ радостно принимали ея поздравленія.

Она обѣщала, что непремѣнно пріѣдетъ со мной въ церковь на его свадьбу и что мы будемъ стоять съ правой стороны, въ качествѣ родныхъ жениха.

Такъ все и вышло: весной мы вѣнчали нашего друга и, стоя въ церкви, на правой сторонѣ, видѣли на лѣвой—многочисленную, элегантную родню невѣсты—Азанчевскихъ и Унковскихъ, съ которыми и мнѣ было назначено судьбой, со временемъ, породниться, а черезъ нихъ—породниться и съ Ауэромъ, такъ какъ его невѣста была кузиной моего будущаго мужа.

---

[1]) Ни Надѣ, Г-нъ Ауэръ.

[2]) Я того же мнѣнія.

[3]) Я женюсь и мы только-что съ Сашей рѣшили, что я женюсь на Надѣ Пеликанъ, приглашаю васъ на мою свадьбу.

Имѣются въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги по Теософіи:

Древняя мудрость, А. Безантъ, пер. Е. П. 2-ое изд. Цѣна 2 руб. 80 коп.

Великіе посвященные, Эд. Шюре, пер. Е. П. 2-ое изд. Цѣна 3 руб. 40 коп.

Сокровенная философія Индіи, Брамана Чаттерджи, переводъ и предисловіе Е. П. 4-ое изд. Цѣна 1 руб. 20 коп.

О скрытомъ смыслѣ жизни, письма теософа къ русскимъ читателямъ. Цѣна 1 руб. 90 коп.

Ясновидѣніе, Ч. Ледбитера, пер. М. Станюковичъ. Ц 1 руб. 30 коп.

Строеніе космоса, А. Безантъ, пер. С. Татариновой. Ц. 90 к.

Идеалы труда, А. Погосской. Цѣна 75 коп.

Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ, Т. Паскаль, пер. К ль. 2-ое изд. Цѣна 1 руб. 30 коп.

Теософія и новая психологія, А. Безантъ, пер. Е. Писаревой. 2-ое изд. Цѣна 1 руб.

Загадки жизни и какъ теософія отвѣчаетъ на нихъ, А Безантъ, пер. Е. П. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Историческій очеркъ буддизма, М. Каменской. Ц. 90 коп.

Джордано Бруно, А. Безантъ, пер. А. Каменской Ц. 45 коп.

Тайная доктрина, Е. П. Блаватской (Извлеченіе изъ отдѣла символизма). Подъ редакціей А. Каменской и Е. Ф. Писаревой. Выпускъ 1-й. Цѣна 1 руб. 70 коп.

Вѣхи. Первое семилѣтіе ребенка. Выпускъ первый. Ц. 45 к.

Воспитаніе какъ видъ служенія. Дж. Кришнамурти. Ц. 75 к.

Въ преддверіи храма, А Безантъ, пер. Alba. 2-ое изд. Цѣна 1 руб. 20 к.

Голосъ безмолвія, Е. П. Блаватской, пер. Е. П. 2-ое изд Цѣна 75 коп.

Бхагавадъ-Гита, пер. съ санскр. А. Каменской и Манціарли. Цѣна 75 коп.

Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ, А. Безантъ, пер. Е. П. Цѣна 80 коп.

Сосредоточеніе, Э. Вуда, пер. Э. Дандре. Цѣна 2 руб 50 коп

Во имя его, С. Джинараджадаса, пер. Ю. Львовой. Ц. 70 к.

Gitanjali, пѣсни, приносимыя въ даръ, Р. Тагора, пер. С. Татарйновой. Цѣна 75 коп.

Популярныя брошюры:

№ 1-й. Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ. Е. П. Цѣна 40 коп.
№ 2-й. Законъ причинъ и послѣдствій, (карма). Е. П. Ц. 40 к.
№ 6-й. Жизнь послѣ смерти, Ч. Ледбитера, пер. Е. П. Ц 55 к.
Отъ смерти къ безсмертію, П. Тимофеевскаго Цѣна 55 к.

Памяти Анны Павловны Философовой, Е. Писаревой. Цѣна 1 руб. 15 коп. (Чистый доходъ съ изданія предназначается на образованіе фонда имени А. П. Философовой для стипендіи при Бестужевскихъ женскихъ курсахъ).
Молитва Господня, музыка А. Унковской. Цѣна 1 руб. 35 коп.
Теософія и ея критики, Д. Страндена. Цѣна 60 коп.
Изъ лѣтописи человѣческой души, Майкель Вудъ, пер. Е. Писаревой. Цѣна 1 руб 70 коп.
Письма живого усопшаго, Е. Баркеръ, пер. Е. П. Ц. 3 руб. 50 к.
Воспоминанія, А. Унковской. Цѣна 4 руб.
Новая метода въ музыкѣ цвѣтъ—звукъ—число, А. Унковской.

Готовятся къ печати.

Эволюція формы и жизни, А. Безантъ.
Наука эмоціи, Багаванъ-Даса.
Могущество мысли, А. Безантъ.
Путь ученичества, А. Безантъ, 2-ое изданіе.
Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры, Alba. 2-ое изд.
Новый сборникъ памяти Е. П. Блаватской, съ біографіей и портретомъ.
Вѣхи. Второе семилѣтіе ребенка Выпускъ II.
Свѣтъ на пути (съ комментаріями), 3 е. изд., пер. Е. П.
Исторія года, М. Коллинзъ, 2-е изд.
Сила мысли и мысли-образы, Е. П. 2-е. изд.
Краткій очеркъ теософіи, Ч. Ледбитера, 2-е. изд.
Идиллія бѣлаго лотоса, М. Коллинзъ.
Тайная доктрина, Е. П. Блаватской Извлеченіе изъ Отдѣла объ оккультной и современной наукѣ. Выпускъ II.

Всѣ книги по теософіи можно выписывать также отъ книгоиздательствъ: въ Петроградѣ—журнала „Вѣстникъ Теософіи", Ивановская, 22, кв. 24 и въ Калугѣ—„Лотосъ", Воскресенская ул., д. № 449.

ТИП. Б. ВОЛЬФА, ПЕТРОГРАДЪ В. О., МОЛХОВСКОЙ 8.